
ОГОНЁК
№ 5 ЯНВАРЬ 1954
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Сто девушек и юношей села Великие Лучки, Мукачевского района, Закарпатской области, учатся в высших учебных заведениях страны. На снимке: группа односельчан — студентов ужгородских вузов.

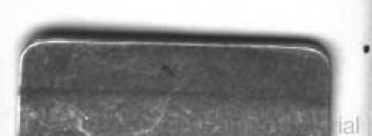
Фото И. Тункеля.

На первой странице обложки: На катке.

Фотоэтюд А. Бочинина.

На последней странице обложки: Студенты на лыжной вылазке.

Фото Е. Тиханова.

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 5 (1390) 31 ЯНВАРЯ 1954

32-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

СТРАНА ГОТОВИТСЯ К ВЫБОРАМ

Страна наша готовится к светлому празднику: 14 марта выборы в Верховный Совет СССР. Уже начали работать избирательные комиссии. По-праздничному выглядят города и села — вечерами ярко загораются огни агитпунктов.

Тысячи агитаторов несут в массы слова правды о радостных переменах в нашей жизни, об успехах внутренней и внешней политики партии и правительства, о растущей мощи социалистического государства, неотделимого от нас самих.

Избирательная кампания принимает все более широкий размах. Приближается день, когда миллионы граждан, осуществляя свое право, предоставленное им Конституцией, изберут в Верховный Совет СССР своих достойнейших представителей — коммунистов и беспартийных, мужественных и стойких борцов за счастье и благоденствие советских людей, за дальнейшее укрепление могущества социалистической Отчизны. Одно общее сильное чувство роднит всех, кто 14 марта переступит порог избирательного участка,— это чувство большой любви и признательности партии коммунистов, приведшей Советскую страну к невиданному расцвету экономики и культуры, партии, вся деятельность которой проникнута заботой о человеке. И в эти предвыборные дни, собираясь в кругу друзей послушать агитатора или лектора — в цехе, клубе, на квартире, в институте, избе-читальне, на агитпункте,— много теплых, идущих от самого сердца слов адресуем мы ей, родной Коммунистической партии.

Ты, Партия,
живешь в сердечном гуле,
в работе лет,
в полете первых строк
любви и клятвы.
Ты всему исток.

...Бывает в жизни советского человека такое время, когда он, отвлекаясь от повседневных хлопот и трудов, окидывает взором окружающее и с поразительной ясностью видит, как чудесно сложилась его судьба и судьба его друзей; когда он явственно ощущает величие дел, свершенных им и его товарищами; когда он отчетливо представляет историческую значимость задач, решаемых при его активном участии народом-строителем. И советский гражданин полной мерой труда и творчества благодарит Родину-мать за все ее благодеяния. Вести об этом идут со всех концов страны. Достойно несут трудовую вахту в честь выборов в Верховный Совет СССР строители тракторов в новом областном центре — Липецке — и сельские механизаторы Городищенской МТС в Сталинградской области. На Дальнем Востоке рыбаки Средне-Амурского рыбтреста перевыполняют январский план добычи рыбы, а на Западе, в Калининской области, коллектив Лесного леспромхоза обязался к 14 марта выполнить квартальное задание.

Ткани и обувь, металл и станки, уголь и одежду, мебель и машины получит народ сверх плановых заданий в честь предстоящих выборов. Такова благородная традиция граждан страны, где труд стал делом чести, доблести и геройства, где особенно глубокий смысл обрели горьковские слова о превосходной должности «быть на земле человеком».

→

На первом участке Ждановского избирательного округа Москвы. Агитатор Е. Г. Демина беседует с группой избирателей.

Фото А. Гостева и И. Тункеля.

Торжественно-траурное заседание в Большом театре, посвященное XXX годовщине со дня смерти Владимира Ильича Ленина. В президиуме (слева направо): товарищи **П. Н. Поспелов, Н. Н. Шаталин, А. И. Микоян, М. Г. Первухин, Л. М. Каганович, М. З. Сабуров, Н. А. Булганин, П. К. Пономаренко, В. М. Молотов, М. А. Суслов, Н. М. Шверник, Г. М. Маленков, А. Н. Косыгин, Н. С. Хрущев, Н. А. Михайлов, М. А. Яснов, В. В. Гришин, Е. А. Фурцева, А. М. Пузанов и И. В. Капитонов.**

ТОРЖЕСТВО ЛЕНИНСКИХ

Тридцать лет без Ленина... Несколько поколений выросло за три прошедших десятилетия, на общественную арену вышли люди, которые родились в годы, когда уже не было среди нас Владимира Ильича. Но великое имя Ленина все так же освещает немеркнущими лучами всю нашу жизнь. Все новые и новые миллионы тружеников становятся под ленинские знамена. Бессмертное учение Ленина озаряет путь к свободе и счастью народов.

В ленинские дни все трудовое человечество почтило память гениального вождя и учителя. На торжественно-траурном заседании в Пекине звучали горячие слова наших друзей и товарищей об огромном значении всепобеждающих идей ленинизма. В народной Польше крупнейшему металлургическому комбинату «Новая Гута» присвоено имя В. И. Ленина. В Братиславе состоялось открытие филиала Пражского музея В. И. Ленина. В библиотеках и читальнях Болгарии были открыты выставки, посвященные жизни Владимира Ильича. Тысячи трудящихся венгерской столицы посетили музей истории КПСС, где представлен богатый материал о деятельности В. И. Ленина.

Широко отметили траурную дату прогрессивные люди в капиталистических странах. В их сердцах живет бессмертный образ Ленина, вечно вдохновляющий трудовое человечество на борьбу против капиталистического гнета.

Вся Советская страна, весь наш народ с любовью чтут светлую память Владимира Ильича. В Москве и Ленинграде, в столицах республик, во всех городах и селах необъятной нашей Родины состоялись торжественно-траурные собрания, вечера и беседы, посвященные памяти В. И. Ленина. Законной гордостью за

Фото А. Гостева.

ИДЕЙ

великую партию, созданную и выпестованную Лениным, партию, которая привела Советскую страну к торжеству социализма и уверенно ведет нас к полной победе коммунизма, преисполнены сердца трудящихся.

В эти дни тысячи трудящихся побывали в ленинских местах, словно заново прочли незабываемые страницы истории, связанные с именем Владимира Ильича. Вновь и вновь осматривали священные ленинские реликвии жители Москвы и Ленинграда. В Ульяновске и Казани тысячи людей посетили места, где сохранилась живая память об Ильиче. Но и там, где ни разу не бывал Ленин, во всем, что создано народом по ленинским заветам, запечатлена

одна
неписанная эпопея
шагов Ильича
от победы к победе.

...21 января 1954 года. 18 часов 50 минут. Торжественно-траурное заседание в Большом театре. В президиуме появляются товарищи Г. М. Маленков, В. М. Молотов, Н. С. Хрущев, Н. А. Булганин, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, М. З. Сабуров, М. Г. Первухин, Н. М. Шверник, П. К. Пономаренко, М. А. Суслов, П. Н. Поспелов, Н. Н. Шаталин. Собравшиеся в зале тепло приветствуют руководителей партии и правительства. Долго не смолкают аплодисменты. Все встают.

Торжественно-траурное заседание открывает вступительной речью первый секретарь Центрального Комитета КПСС товарищ Н. С. Хрущев.

— В веках будет жить великое учение марксизма-ленинизма, могучий источник наших побед! — говорит товарищ Хрущев.

С большим вниманием слушают собравшиеся в Большом театре, а вместе с ними и миллионы советских людей у радиоприемников и репродукторов доклад секретаря ЦК КПСС товарища П. Н. Поспелова.

Докладчик говорит о том, что в условиях новой исторической эпохи, когда капитализм перерос в свою высшую стадию, стадию империализма, когда установилось господство монополий, Ленин дал гениальный научный анализ экономической и политической сущности империализма как последней стадии капитализма. Ленин научно доказал, что в эпоху империализма капитализм превратился в паразитический, умирающий, толкающий человечество в пропасть новых и новых кровавых войн и экономических катастроф. Пролетариат России в союзе с революционным крестьянством, в союзе с ранее угнетенными народами, под гениальным руководством Ленина и ленинской партии совершил величайший исторический подвиг — первым прорвал фронт мирового империализма, установил диктатуру пролетариата, открыл новую эпоху всемирной истории, эпоху торжества социализма.

Осуществилось предсказание Ленина о том, что большинство населения земного шара с необычайной быстротой втягивается в борьбу за свое освобождение. У Ленина не было ни тени сомнения в том, что окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена. Весь ход истории подтвердил научное предвидение Ленина. Создав революционным путем предпосылки для быстрого роста производительных сил, советский народ под руководством ленинской партии построил социалистическое общество в нашей стране, разгромил германский фашизм и японский милитаризм. В результате второй мировой войны от системы империализма отпал ряд стран Европы, отпал великий Китай, образовался могучий лагерь мира, демократии и социализма.

В бессмертных творениях Ленина даны основные принципиальные указания о построении коммунистического общества в нашей стране, о путях постепенного перехода от социализма к коммунизму. Нашей партией и всем советским народом с честью выполнен важнейший завет Ленина — развитие тяжелой индустрии. За 28 лет, прошедших со времени XIV съезда партии, выпуск промышленной продукции в СССР увеличился в 29 раз. Производство стали возросло в 21 раз, угля — в 19 раз, электроэнергии — в 45 раз. Еще более высокими темпами росла продукция машиностроения и химической промышленности. Теперь советские ученые успешно работают над тем, чтобы использовать колоссальные возможности применения атомной энергии для строительства коммунизма, для блага человечества, а не для покорения и истребления народов.

XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза подвел величественные итоги борьбы и побед советского народа и наметил программу дальнейшего движения вперед. Успехи в индустриализации страны подготовили необходимые условия для крутого подъема сельского хозяйства страны и расширения производства легкой и пищевой промышленности. Коммунистическая партия и Советское правительство поставили задачу — в ближайшие 2—3 года в достатке удовлетворить растущие потребности населения нашей страны в продовольственных продуктах и товарах народного потребления.

Каждый наш новый успех в подъеме жизненного уровня трудящихся оказывает огромное влияние на умы и сердца народов капиталистических и колониальных стран. Не случайно в американской буржуазной печати появились признаки беспокойства в связи с программой расширения производства потребительских товаров в Советской стране.

Верная ленинской идее союза рабочего класса с трудящимся крестьянством, Коммунистическая партия неустанно укрепляет этот союз — основу могущества нашей Родины. Исходя из указаний В. И. Ленина о принципе личной материальной заинтересованности, партия и правительство разработали практические меры, повышающие экономическую заинтересованность колхозного крестьянства в развитии животноводства, овощеводства, производства картофеля. Наша партия и Советское правительство руководствуются ленинским указанием о необходимости сочетать личные интересы с интересами всего общества, подчинять личные интересы общенародным, общегосударственным.

Идеология равноправия и дружбы народов, осуществляемая в Советском Союзе, ленинская национальная политика являются одной из важнейших основ нашего могучего многонационального социалистического государства. Над укреплением нерушимой дружбы советских народов неустанно трудился соратник и продолжатель дела Ленина — Сталин; укрепление этой дружбы является предметом постоянной заботы Центрального Комитета партии.

Ленин провозгласил политику мира между народами и положил ее в основу внешнеполитической линии Советского государства. Ленинские указания о возможности сосуществования социалистической и капиталистической систем являются принципиальной основой борьбы нашего правительства за прочный и длительный мир, за ослабление международной напряженности. Эта борьба находит поддержку и сочувствие всего прогрессивного человечества.

Созданная и выпестованная Лениным Коммунистическая партия всей своей полувековой исторической деятельностью заслужила полное доверие народа. Партия сильна монолитным единством, идейной и организационной сплоченностью своих рядов, своей верностью ленинизму, своей неразрывной связью с народом.

Вся партия единодушно одобрила решения июльского и сентябрьского Пленумов Центрального Комитета. Партийные организации всей страны, верные ленинскому знамени, продемонстрировали свою сплоченность вокруг Центрального Комитета партии, авторитетного и мудрого коллектива руководителей, учеников и соратников Ленина и Сталина.

Коллективный опыт и коллективная мудрость Центрального Комитета, опирающиеся на научную основу марксистско-ленинской теории и широкую инициативу руководящих кадров, на творческую энергию и самодеятельность народных масс, обеспечивают правильность руководства партией и страной. Партия неуклонно выполняет указания Ленина и Сталина о том, что нельзя замазывать ошибки и упущения в работе, что нужно решительно критиковать недостатки, своевременно устранять их и добиваться нового и нового подъема.

«Пятьдесят лет,— сказал в заключительной части своего доклада товарищ П. Н. Поспелов,— идет наша партия в авангарде всемирно-исторической борьбы за революционное преобразование человеческого общества.

За эти полвека наша героическая партия выросла из «маленького зернышка», как образно говорил Ленин, в великую руководящую силу советского народа, насчитывает в своих рядах около 7 миллионов коммунистов. Верная ленинскому учению, Коммунистическая партия твердо и уверенно, опираясь на дружную поддержку всего советского народа, решает гигантские задачи коммунистического строительства, ведет неустанную борьбу за прочный и длительный мир».

ШИРОКОЕ ПОЛЕ

Рассказ

А. МУСАТОВ

Рисунки П. Пинкисевича.

Наш институт находился недалеко от города, в старинном имении Отрадное. Тенистый дубовый парк, посыпанные желтым песком дорожки, беседки в укромных уголках парка, живописные пруды с лодками, заросли сирени, перед входом в здание института белые колонны и два спящих каменных льва,— словом, со стороны казалось, что мы живем не в Научно-исследовательском институте зернового хозяйства, а в каком-нибудь литературном музее-усадьбе.

В воскресный день в институтский парк валом валили отдыхающие горожане, дачники, и наш сторож Савельич без конца доказывал им, что здесь не музей и не парк отдыха, а серьезное научное учреждение.

За парком располагались хозяйственные службы института, парники, теплицы и небольшое опытное поле, сжатое со всех сторон дачными поселками. А дальше шли железная дорога, загородный стадион, какие-то склады.

Попав с Николаем в Отрадное сразу же после Тимирязевки, мы были очень довольны. Красивое, живописное место, близость города, сработавшийся коллектив сотрудников, авторитетный директор института Пальчиков — все говорило о том, что нас ждет интересная работа и мы сумеем неплохо устроить свою семейную жизнь.

Пальчиков отвел нам отдельную квартиру и даже любезно посоветовал, какие цветы развести под окнами: сам он был страстный цветовод.

Но, проработав первый год, мы почувствовали, что развернуться в Отрадном трудновато.

Сотрудники института толклись на опытных делянках, словно ученики на пришкольном участке, прочной связи с соседними колхозами не было, опыты приходилось проводить в отдаленном совхозе «Высокое».

Жизнь в институте шла размеренно, тихо. Сотрудники отсиживали в кабинетах положенные часы, писали отчеты, составляли сводки, заседали, кое-кто начинал обрастать хозяйством: заводил огород, породистых кур, бронзовых индеек.

Николай стал поговаривать, что мы с ним попали в тихий дом отдыха и надо, пока не поздно, перебираться в другое место, поближе к земле.

Потом случилось несчастье: Николай попал в автомобильную катастрофу. После его гибели я долго не могла придти в себя, все мне стало кругом немило: и любезный директор, и тенистый парк с прудами, и квартира с цветником под окнами.

Я попросила Пальчикова откомандировать меня в совхоз «Высокое». Тот согласился. Я работала тогда над темой «Биологические особенности гречихи и ее агротехника» и приехала в совхоз с тем, чтобы проверить свои догадки на практике. Заложила целую серию опытов и принялась терпеливо вести наблюдения. Сблизилась с людьми, подобрала помощников и вдруг к концу второго месяца получаю телеграмму от директора института: срок командировки на исходе, и мне необходимо вернуться в институт. Я попросила продолжить командировку. Директор ответил отказом, ссылаясь на то, что это не предусмотрено сметой. Я протелеграфировала, что отказываюсь от суточных и квартирных. Как видно, это никого не тронуло, потому что через день я получила еще одну телеграмму, в которой упоминались слова «буду вынужден» и «категорически».

Не завершив опытов, я рассталась с совхозом. Директор института Пальчиков усадил меня за составление какого-то срочного отчета.

Однажды институт послал меня на областное совещание передовиков урожайности.

Мне поручили выступить в прениях и рассказать совещанию о работе института. Нагрузили цифрами, планами, сводками, таблицами. Я старательно приготовила свою речь, во-время записалась в список ораторов.

Не знаю, как все это получилось,— то ли меня сбили с толку реплики председателей колхозов и бригадиров, то ли еще что,— но только вместо славословия институту я вдруг разразилась пылкой речью о том, как вяло мы работаем, как далеки от живой практики, как заедает нас заседательская суетня, канцелярщина.

Председатель уже дважды звонил в колокольчик, напоминая о регламенте, а из зала кричали: «Продолжить, продолжить!». И я все говорила, говорила. Речь свою я закончила под дружные аплодисменты.

— Слово имеет бригадир колхоза имени Пушкина Варвара Никитична Кивачева,— объявил председатель.

Не успев сойти со сцены, я невольно остановилась. О Кивачевой этим летом немало писали в областной газете.

Я ожидала увидеть пожилую, степенную колхозницу, а из зала поднялась невысокая,

крепенькая, как молодой дубок, светловолосая девушка в цветастом ковровом платке.

Лесенка, ведущая со сцены в зал, была узкая, с мелкими ступеньками, и, сходя, я чуть было не упала, но девушка во-время успела подать мне руку.

— А вы, товарищ Черкашина, хорошо сказали... правильно...— шепнула мне Варя Кивачева и быстро вбежала на сцену. Она положила на трибуну бумажку (как видно, с заготовленным текстом выступления) и не очень уверенно произнесла первые слова. Ей зааплодировали.

От волнения Варя смахнула рукой бумажку с трибуны, и та улетела в зал.

Варя покраснела, перегнулась через трибуну и растерянно следила, как бумажка планировала над головами делегатов. В зале засмеялись.

— Да бог с ней, с бумажкой-то! — ласково сказала пожилая темнолицая колхозница, моя соседка.— Ты не по писаному, ты по сделанному скажи.

— И то правда.— Варя как-то сразу успокоилась, опустила платок на плечи, облокотилась на трибуну и заговорила ровно, по-домашнему, точно заглянула к соседке в окно с улицы.

Она рассказала, как ее бригада соревновалась в этом году с самим Андреем Егоровичем Усовым из колхоза «Рассвет» и как «малость его перешибла» по урожаю пшеницы.

— Словом, как пахали да сеяли, много говорить не буду. То день прожитый. А нам про завтра думать надо. Скажем вот, агроном — первая забота... Нам без него дальше дышать невозможно.

Варя вдруг обернулась в мою сторону.

— Вот вы, товарищ Черкашина, критику тут наводили. Опытное поле у вас тесное, развернуться негде... Так в чем же дело, товарищ Черкашина? Милости просим! Покупайте билет за семь сорок и пожалуйте к нам в колхоз имени Пушкина! От станции два километра, земли пахотной пять тысяч гектаров, сеем пшеницу, рожь, гречиху, овес. Развертывайтесь в свое удовольствие! Дети есть — забирайте с собой, муж — и его примем. Квартиру вам найдем наилучшую, помощников подберем...— Варя лукаво оглядела делегатов, подморгнула и вдруг протянула мне с трибуны руку.— Ну что ж, товарищ Черкашина, как вас по имени, отчеству, не знаю... по рукам, значит?

В зале одобрительно зашумели, и все посмотрели в мою сторону. Кто-то засмеялся:

— Ну и Кивачева... Дипломат! Ловко подъехала!

— Вас спрашивают, чуете?..— наклонилась ко мне соседка. — Да вы не робейте! Пушкинцы — народ исправный, смелый. С ними не пропадешь!

Я подняла руку, точно школьница в классе. Варя, забыв о председателе, постучала по трибуне, призывая всех к порядку, и я сказала, что охотно поработаю в колхозе агрономом.

Мне шумно зааплодировали.

В перерыв Варя Кивачева встретила меня в буфете, усадила в угол за столик, заказала две бутылки фруктовой воды, пачку печенья и принялась рассказывать, как давно их колхоз добивается от области агронома, но агрономы, как видно,— «народ дефицитный, на вес золота».

К нашему столику подошел приземистый мужчина с густыми картинными усами.

— Скрепляете, так сказать, союз труда и науки. Доброе дело! Только не тот сорт горючего выбрали...— Он принес две бутылки пива и подсел к нам.

— Андрей Егорыч Усов,— познакомила меня Варя.— Бригадир из соседнего колхоза. Мы с ним второй год соревнуемся.

— Верно! — подтвердил Усов.— И опасная соперница, скажу вам. Все бегала, опыт перенимала, «покажи да расскажи, Андрей Егорыч», а в этом году раз-раз — и в дамки. По озимой пшенице выше всех по району взвилась. Смела! Мне уж проходу не стало: «Усов на пенсию собрался». Ну, погоди, молодица, новый год, он свое покажет.

— Непременно покажет. Я, Андрей Егорыч, урожай по пшенице думаю еще поднять пудов на тридцать. Будете со мной соревноваться?

— Посчитаем, посмотрим! — уклончиво ответил Усов. — Ты лучше об урожае гречихи подумай. Скучная у вас картина получается.

— Это верно,— согласилась Варя. — Не везет нам с гречихой.

Она налила пива в стаканы, чокнулась и пристально поглядела мне в лицо.

— А вы... вы по-серьезному в колхоз решили? Не передумаете?

— А вы как считаете?

— Я ведь это к тому... Слово-то с трибуны, оно легко идет, как по маслу. Все же у вас город, культурная обстановка...

— Теперь уж никак невозможно вспять идти.— Андрей Егорович пригладил усы.— Вспрыснуто... Навек закреплено.

* * *

В институте, узнав из газет о моем критическом выступлении на совещании, были немало удивлены.

Пальчиков пригласил меня к себе в кабинет.

— Я абсолютно с вами согласен, товарищ Черкашина. Все, что вы сказали,— святая правда! — Он погладил газету и поднял на меня свое благообразное лицо.— Но, понимаете, вы сделали не то ударение, не тот акцент... На таком совещании, как вчера, надо было рассказать о целях нашего института, о наших планах, так сказать, заинтересовать людей, привлечь их внимание. Вы же, как видно, недостаточно продумали свое выступление.

— Простите, Аркадий Сергеевич. Говорила, как думала.

На другой день я подала Пальчикову заявление с просьбой отпустить меня в колхоз. Весть об этом распространилась среди сотрудников с необыкновенной быстротой. На фоне довольно ровной и безмятежной жизни института даже это небольшое событие выглядело сенсацией.

— Позвольте,— заметил Пальчиков, прочтя мое заявление.— А книга, что вы начали писать с мужем? Если бы Николай Григорьевич был жив, разве он позволил бы вам покинуть институт?

Я напомнила Пальчикову, что вот уже три года я занимаюсь чем угодно, но только не книгой.

— А потом... Вы же сами были не большим поклонником нашей работы.

— Я, конечно, критиковал. В ней много неудачного, спорного. Но надо работать, работать...

Наутро новая весть разнеслась по институту. Еще четыре человека подали заявление о переходе в колхозы: Репинский, Поспелов и супруги Кручинины. Последние более всех поразили сослуживцев. Пожилые (каждому из супругов было за сорок), они уже имели взрослых детей и работали в институте с первых дней его существования.

— Это что ж делается, товарищ Черкашина? — вновь заговорил со мной расстроенный Пальчиков.— Мало того, что вы сами уходите, да еще других подбиваете! Так у меня весь институт на травку пожелает, на лоно природы.

Я поклялась, что ни с кем не говорила ни слова.

— Понимаете, в какое вы меня положение ставите? Вы только что выступили с критикой руководства... и вдруг уходите. У людей может создаться впечатление, что я выживаю вас, травлю.

— Но я ж по доброй воле заявление подала. Об этом все знают...

— Все это так... Но понимаете... слухи, кривотолки.— Пальчиков вдруг вышел из себя и потряс руками.— И вообще я категорически возражаю. Сейчас же буду писать в министерство и надеюсь, что меня там поддержат.

Но было уже поздно. Еще через два дня в газетах появилась заметка о том, что в Институте зернового хозяйства началось движение за переход специалистов сельского хозяйства на низовую работу. В числе инициаторов упоминалось и мое имя.

* * *

Через три недели я уже была в колхозе имени Пушкина. Председатель Ефим Шарапов встретил меня радушно, познакомил с бригадирами, с хозяйством.

Варя Кивачева договорилась со своими стариками, и те охотно пустили меня в пустующую комнату.

Отец Вари, Никита Дмитриевич Кивачев, был крепкий, осанистый старик, с сивой густой бородой и крупным носом.

— Чего ради, гражданочка, в село-то подались? — строго спросил меня Никита.— С начальством, что ли, на службе не поладили?

— Да нет,— рассмеялась я.— Просто охота в колхозе поработать.

— А-а,— неопределенно отозвался старик.— Охота, говорят, пуще неволи. Ну, что ж, выручайте Варвару мою. Она вас тут ждет не дождется...

— А что такое? — спросила я.

Никита Дмитриевич рассказал, что их колхоз получил от района задание почти втрое расширить посевы гречихи и значительно повысить ее урожайность.

Когда об этом зашел разговор на правлении колхоза, то многие бригадиры очень сдержанно отнеслись к такому заданию, а вот его не в меру ретивая и горячая дочка сама напросилась, чтобы бóльшую часть посевов гречихи закрепили за ее бригадой. «Хочу,— говорит,— чтобы в колхозе вдоволь гречневой каши было».

— Так это же похвально, Никита Дмитриевич! Радоваться за дочку нужно,— сказала я старику.

— Опасаюсь, Петровна,— старик пошевелил мохнатыми бровями,— как бы пустоцветом варькино слово не обернулось... Стыда не оберешься.

— Почему же пустоцветом?

— Тут дело такое. Вот рожь, скажем, или пшеницу умеют у нас в колхозе выращивать, любят их, заботятся, а гречиха, вроде падчерицы,— заброшенная культура, на последнем счету в колхозе. Ни сноровки до нее у людей, ни умения. Ну и урожай, конечно, курам на смех. А Варька возьми да и сболтни на собрании: сниму с каждого гектара по двести пудов! Это же ни в какие ворота не лезет!

Я не нашлась, что возразить Никите Дмитриевичу: действительно, урожайность гречихи по области в последние годы была очень низкой.

Переговорила об этом с председателем колхоза. Он также заметил, что обещание Кивачевой о двухсотпудовом урожае несерьезно.

Через несколько дней Варя вернулась с курсов.

Никита Дмитриевич спросил, чему она там научилась и что думает теперь насчет гречихи.

— Вот тут и гадай, как к этой культуре подступиться,— призналась Варя.— Я на курсах и агрономов пытала и в книгах рылась — и никакого ответа. Выходит, что сей гречиху, трудись, старайся, а высокого урожая не жди.

Никита Дмитриевич посмотрел на грустное, осунувшееся лицо дочери.

— Я же говорил, лишку ты хватила, Варюша. Пока не поздно, откажись от своего обещания.

— Что ты, батя! — растерялась Варя.— Я же Усову вызов на соревнование послала!

— Этого еще не хватало! — Никита Дмитриевич с досадой покачал головой.— Придется, видно, поломать...

И вдруг я ощутила на себе настойчивый, вопрошающий взгляд Вари, точно от меня всецело зависела судьба урожая.

— Да что она, заколдованная, эта гречиха? Так уж и сделать ничего нельзя?

Я сказала, что способы получения хороших урожаев гречихи агрономам, конечно, известны: умелый выбор участка, внесение удобрений, правильный уход за посевами,— но все же по двести пудов с гектара вырастить пока никому не удавалось.

— Вот-вот,— уныло согласился Никита Дмитриевич.— Закон природы. Его, видно, не перейдешь. Перед ним и наука шапку ломит.

— Хорош наставник — наука. Люди в беде, а она голоса не подает! — запальчиво сказала Варя, кинув на меня недовольный взгляд.— Завтра к Андрею Егорычу поеду.

— Это еще зачем? — удивился Никита Дмитриевич.

— Мы же соревнуемся с ними! Может, что и подскажет.

— Да чем он тебе поможет, Андрей Егорыч? Тут вот и пообразованнее его люди,— старик кивнул в мою сторону,— и то ничего поделать не могут.

— Что же теперь, так и сидеть сложа руки? — с досадой сказала Варя.

С тяжелым сердцем вернулась я к себе в комнату. Я понимала, как разочаровали Варю мои слова. Но что я могла ей посоветовать?..

Невольно взгляд мой остановился на чемодане, в котором я хранила свои бумаги.

Зажгла лампу, раскрыла чемодан и поспешно принялась перебирать книги, старые журналы, тетради с выписками и заметками.

Вот наконец и она, наша давняя работа: «Новый способ сева гречихи».

Мы выезжали в совхозы, вели наблюдения, ставили опыты. Но книга осталась незаконченной: после смерти Николая меня загрузили новыми заданиями.

Долго я читала отдельные перепечатанные главы, рукописные заметки. В них затрагивался тот самый вопрос, который сейчас так остро волновал Варю Кивачеву. Я прочла материалы несколько раз, и меня бросило в жар. Я возбужденно заходила по комнате.

А что если рассказать о нашей работе Варе, председателю, всем колхозникам и предложить план действий? Они, конечно, согласятся: это же их кровное, насущное дело. «Согласятся ли?» — уняла я свои разгоряченные мысли, вспомнив, как сдержанно отнесся к этой работе директор института Пальчиков, как он советовал дать ей отлежаться, не спешить с выводами. «Имею ли я право толкать колхозников на риск, если мне и самой не все еще ясно?»

Я долго вглядывалась в портрет Николая, висевший над моей кроватью. Как мне не хватало сейчас его твердого слова, доброго совета!

«А что если поехать в институт, поговорить со старыми друзьями, может быть, даже и с самим Пальчиковым, объяснить им, какое положение сейчас в колхозе?»

В комнату осторожно заглянула Варя.

— Не спите, Надежда Петровна? — вполголоса спросила она.— И у меня сна ни в одном глазу нет. Лежу и все думаю, думаю.

Варя присела ко мне на кровать.

— А если письмо написать какому-нибудь видному ученому? Или прямо в Москву поехать, в Академию сельскохозяйственных наук? Может быть, там какой новый способ нашли, как гречиху по-новому выращивать? Должны найти!

Я внимательно посмотрела на Варю.

— Допустим, приехали мы в академию. Нам говорят: «Есть такой способ, нашел один специалист. Но только мы за этот способ полностью поручиться не можем. Он пока удался только на опытном участке, а на колхозных полях не проверен. Подождите еще годика три — четыре».

— Что вы, Надежда Петровна! — испугалась Варя.— Три — четыре годика! Сколько же мы гречихи людям недодадим?!

— Иначе большой риск, Варя.

— Раз мы с этой гречихой связались, нам теперь отступать нельзя. Ну прямо никак невозможно... А риск — дело святое. Нашу землю без риска не одолеешь.— Сказано это было с такой убежденностью, что я поняла: Варя от своего дела не отступится.

Я протянула ей руку.

— Согласна, поедем.

— В Москву, в академию?

— Нет, поближе. В институт, где я работала. Помнится, есть там один специалист, который нам нужен.

— Это правда, Надежда Петровна? — вскрикнула Варя.— Кто он?

— Там узнаете.

— Тогда поедемте завтра же. Только надо еще Усова захватить. Можно?

— Почему же нельзя?

Мы давно уже забыли, что была глубокая ночь, и разговаривали во весь голос, пока проснувшийся за перегородкой Никита Дмитриевич не прикрикнул на нас:

— Спите вы, полуночницы!

— Значит, завтра,— шепнула Варя и убежала к себе.

* * *

Утром разгулялась метель. Улица побелела, около домов намело высокие остроrранные сугробы.

Мы с Варей попросили Никиту Дмитриевича подвезти нас до станции на лошади.

— Куда в такую заваруху? — удивился старик.— В поле ад кромешный, лошадь не повезет.

Варя объяснила, зачем мы едем в город.

— Тогда другой разговор,— оживился Никита Дмитриевич и отправился на конюшню за подводой.

В сенях зашаркали веником: кто-то обметал с валенок снег. Затем дверь распахнулась, и заснеженный человек в полушубке переступил порог.

Варя вгляделась и бросилась ему навстречу:

— Андрей Егорыч! Вы? Вот хорошо, что приехали. А мы за вами собирались...

Усов снял полушубок, оборвал сосульки с усов, вытер мокрое лицо и только после этого поздоровался с нами за руку.

— Ну и погодка, чтоб ей было пусто! И несет и кружит. Знаете, куда меня лошадь завезла? В Дедюхино.

Варя загремела самоваром.

— Сейчас я вас чаем напою.

— Не откажусь! — согласился Усов и кивнул мне на окно, за которым кружилась белая колючая мгла.

— Видали, какая у нас зима непредвиденная! То мороз без снега, то пуржит напропалую.

— Что же делать-то, Андрей Егорыч? Наобещали мы с вами. Договор собираемся подписать. А теперь, выходит, вспять пошли?

— Это зачем же вспять? — удивился бригадир.— Разве мы раки, чтобы назад пятиться? Раз слово дали, стоять надо.

— Как же стоять-то, Андрей Егорыч?

— Вот за тем и приехал, чтобы обговорить все.— Усов обернулся ко мне.— И с Надеждой Петровной посоветоваться.

— Вы что-нибудь можете предложить? — спросила я.

— Предложение у меня простое,— помолчав, ответил Усов.— Надо сеять гречиху по-новому.

— А именно?

— Вот послушайте. В позапрошлом году я один опыт провел: взял да и посеял на сотке гречиху не как обычно, а широкорядным способом, так, чтобы каждому растению простор был, чтобы и пищи вволю хватило, и воды, и света.

— Ну и как?

— Могу в натуре показать.

Усов вышел в сени и через минуту внес в избу снопик из высоких раскидистых стеблей гречихи.

— Вот, пожалуйте. А в прошлом году ради опыта я уже четверть гектара широкорядным способом засеял. И опять добрый урожай сняли.

Я долго рассматривала рослые стебли, перебирала коричневые, с острыми гранями зерна.

— Вы... вы сами додумались до такого опыта? — обратилась я к Усову.

— Да не совсем. Меня одна статейка на ум наставила.

— Какая статейка?

— Я как-то у секретаря райкома был. Сижу в приемной, журнальчик листаю. Смотрю, статейка насчет гречихи. Прочел. Меня так и осенило: эге, да это нам на руку! Толковый человек, видно, писал. Ну, зачитал я журнальчик, виноват. Да вот он при мне. Посмотрите, если желаете.

Усов достал из кармана потрепанный журнал.

Я узнала его сразу. Это был «Вестник Института зернового хозяйства». Узнала и статью. В ней говорилось об одном опыте, проведенном в совхозе. Авторы статьи рассказывали, как им удалось, посеяв гречиху широкорядным способом, получить урожай в два раза выше обычного.

Статья была подписана инициалами: «Н. и Н. Ч—ны».

Не знаю, заметили ли Варя и Андрей Егорович, как низко я наклонилась над журналом, как задрожали у меня руки.

Пожалуй, что нет. Варя была всецело занята стеблями гречихи.

Вдруг она подняла голову:

— Никогда такой гречихи не видывала! Чуть ли не до пояса мне! Андрей Егорыч, да это же очень здорово! Значит, так и решим: сеять по-новому.

— Невелик я знаток в агрономии,— хмыкнул Усов.— Вот как Надежда Петровна скажет, так тому и быть. Да хорошо бы еще для верности с автором списаться.

— Чего там списываться? — возразила Варя.— Лично надо поехать, полную инструкцию от него получить. Раз такое дело, человек не откажет.

— Понятно, не откажет. Да вот жаль: фамилию свою автор не обозначил.

Варя заглянула через мое плечо в конец статьи, где стояли инициалы автора.

— И правда, засекреченный товарищ. Надежда Петровна, может, вы знаете, кто этот человек?

Я молчала.

— Ну никак нам не везет! — сокрушенно вздохнула Варя.— По этим буковкам теперь его днем с огнем не сыщешь.

— Зачем же днем с огнем,— тихо сказала я.— Один из авторов не так уж далеко сидит от вас.

— Вы?! — привстал Усов.

Я объяснила, что статья в журнале написана мною вместе с мужем незадолго до его смерти, а загадочную подпись следует читать так: «Надежда и Николай Черкашины».

Еще я сказала, что хотя опыт удался и статья была напечатана, но она большого интереса в зерновом институте не вызвала и вскоре забылась.

— А работу свою вы напрасно забросили,— помолчав, заметил Усов.— Она нам, что хлеб насущный. Вот поживите с нами, и вас, как живой водой, спрыснет. Ведь по вашей статейке этот опыт с гречихой и в других колхозах ставили. Теперь только ваше твердое слово требуется. Сеять можно смело.

В избу вошли Никита Дмитриевич и председатель колхоза Шарапов. Председатель был одет по-праздничному.

— Надежда Петровна,— обратился он ко мне.— Никита Митрич сказывал, что вы специалиста в городе знаете. Будто он помочь нам может. Тогда и я с вами поеду. Если человек стоящий, так мы его к себе зазовем. Ставьте, мол, дорогой товарищ, свой опыт на широту, с размахом, ничего не бойтесь!

— Опоздали, Ефим Семенович,— засмеялась Варя.— Он уже приехал, тот специалист.

— Как приехал?

Варя коротко рассказала обо всем Шарапову.

— Мы тут голову ломаем, терзаемся, а вы с таким капиталом живете и молчите до сих пор,— с легким укором сказал мне Шарапов.— Давайте тогда так, Надежда Петровна. Вечером соберу правление с активом. Вы, конечно, суть дела доложите. Товарищ Усов выступит. Планчик сева наметим. Потом и в районе и в области побываем. Приемлемо, Надежда Петровна?

— Согласна! — кивнула я и с благодарностью оглядела окруживших меня новых друзей.

Из «Моабитской тетради»

Муса ДЖАЛИЛЬ

(К десятилетию со дня смерти)

Муса Джалиль.

«Другу, который знает читать по-татарски и прочтет эту тетрадку. Это написал известный татарскому народу поэт Муса Джалиль. Испытав все ужасы фашистского концлагеря, не покорившись страху 40 смертей, был привезен в Берлин. Здесь он был обвинен в участии в подпольной организации, в распространении советской пропаганды... и заключен в тюрьму. Его присудят к смертной казни. Он умрет. Но у него останется 115 стихов, написанных в заточении. Он беспокоится за них... Если эта книжка попадет в твои руки, аккуратно, внимательно перепиши их набело, сбереги их и после войны сообщи в Казань, выпусти их в свет как стихи погибшего поэта татарского народа. Это — мое завещание. Муса Джалиль. 1943. Декабрь».

Предсмертную записку поэта-коммуниста вместе со стихами сохранил его товарищ по камере — бельгийский партизан — и после падения Берлина, вернувшись на свою родину, передал советскому консульству.

Меня учила песня жить,
Любить, беду встречать.
Звучала песней жизнь моя,
И смерть должна звучать.

Эти строки, написанные поэтом в Моабитской тюрьме, можно взять эпиграфом к его биографии. 13-летним юнцом поэт уже участвовал в боях против белобандитов. Тогда же он начал писать стихи. По окончании института работал в ЦК ВЛКСМ, редактировал детский журнал. Одновременно писал лирику, драмы, сатиру... В годы Отечественной войны Муса Джалиль ушел на Волховский фронт политработником. Тяжело раненный, он очутился в плену. Едва оправившись от болезни, еще на костылях, организовал подпольную боевую группу.

«Мы должны быть сильнее смерти, — предупреждал он товарищей по подполью. — Наш долг — вырвать людей из пасти фашистского чудовища. Или погибнуть. Только так!»

Его присудили к смерти и казнили в январе 1944 года. Его последними стихами были:

Придет тот день. Народ мой будет судить.
Приговор будет беспощаден и краток.
Кровью написанная моя последняя песнь,
Будь обвинительным актом фашисту!

Ниже публикуются три стихотворения Мусы Джалиля, написанные в тюрьме.

А. ФАИЗИ

* * *

Необъяснимое творится иногда:
Ничто не удивляет.
Смерть возьмется,
Как ветер, дуть — душа твоя тверда,
Ни лепестка на ней не шелохнется.
Улыбка на челе твоем горда.
Мирская суета умолкнет в отдаленье.
И почему-то именно тогда
Из сердца просится на свет стихотворенье...
Меня убить не стоит вам труда.
Хотите! Ладно — убивайте.
Чернила только дайте мне сюда,
Чернила и перо поэту дайте!

ОСУЖДЕННЫЙ

Был нынче суд над ним. И тем судом
Он к смертной казни был приговорен.
Уже не плачет он. Давно не плачет он.
Давно все выплакал и слез лишен.

В тюрьме все спит. Одна луна не спит,
Печально глядя с высоты ночной.
А он, бедняга, лишь о том скорбит,
Что вырастет ребенок сиротой...

ОБ ОТВАГЕ

Слышу, джигит, песню твою.
Вижу, ты любишь отчизну родную.
Только скажи мне: в грозном бою
Ты проявил отвагу какую!

Был ли в строю, когда страна
Пеплом и кровью была покрыта!
В эти минуты отвага нужна:
В битвах народ проверяет джигита.

Чтобы достигнуть цели в борьбе,
Мужества много надо джигиту:
Мужество даст волю тебе —
Мужества нет, и воля убита!

Враг не скует никогда, так и знай,
Только того, кто отважен в сраженье.
В лапах врага плачь, умоляй —
Будут напрасны плач и моленья.

Стоит ли жить в клетке врага,
Сгинуть бесследно жалким, несчастным!
Только отважная жизнь долга,
Только свободная жизнь прекрасна!

Ты завоюешь отчизны любовь,
Кровь проливая в борьбе благородной,—
Каплет в ведро предателя кровь,
Кровь богатырская — в сердце народа.

Друг! Богатырством имя прославь —
Имя батыра не умирает.
Сам умирай, но имя оставь:
Пусть наизусть поколения знают!

Перевел с татарского Илья ФРЕНКЕЛЬ.

Декабрь 1943 г.

ЗА СПАСЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА...

В. И. Семенов вместе с Марией Ивановной посетил в больнице Володю.

Фото Б. Кузьмина.

Во время пожара в немецком городе Наумбурге старший лейтенант Иванушкин бросился в горящий дом на помощь матери с тремя детьми. В палату советского военного госпиталя, где лежал получивший ожоги А. Г. Иванушкин, прибыл премьер-министр Германской Демократической Республики Отто Гротеволь, чтобы поблагодарить офицера Советской Армии за проявленные им самоотверженность и гуманизм. В ответ на благодарность премьер-министра Иванушкин заявил: «Наш долг — оказывать помощь людям, и прежде всего детям, везде, всегда, когда это нужно. Я комсомолец, воспитанный Коммунистической партией».

Сообщение о подвиге старшего лейтенанта Иванушкина и о посещении его Отто Гротеволем было напечатано в «Правде» в начале нынешнего месяца. Как рассказали нам в Главном управлении пожарной охраны, наши пожарники получают неоценимую помощь от рядовых советских людей, которые, подобно старшему лейтенанту Иванушкину, проявляют героизм и самопожертвование во время пожаров. Вот один из последних случаев.

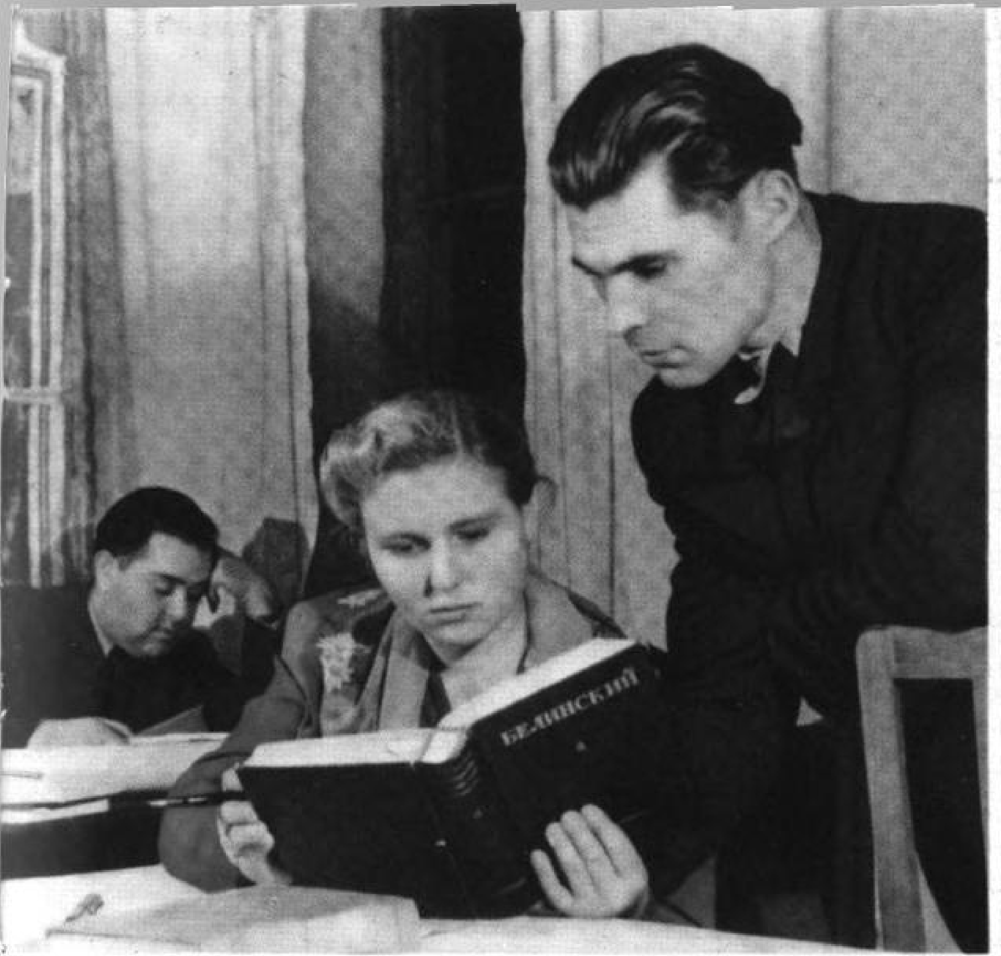
На прошлой неделе Управление пожарной охраны Москвы наградило почетной грамотой «За спасение человека» рабочего-газосварщика фабрики имени Калинина Валентина Ивановича Семенова. Проходя днем по Костянскому переулку, Семенов заметил дым, валивший из открытой форточки. Он бросился искать вход в квартиру. Ему пришлось выбить две запертые двери, пока он проник в комнату, где возник пожар. Рискуя жизнью, Семенов вынес оттуда пятилетнего мальчика Володю Ермолова. Володя получил значительные ожоги, но усилиями советских врачей жизнь его спасена. Сейчас Володя Ермолов уже ходит. На днях Валентин Иванович вместе с матерью спасенного мальчика Марией Ивановной побывал в детской больнице имени Дзержинского, где находится Володя.

Грамоты «За спасение человека» Управление пожарной охраны Москвы выдало в 1953 году также В. М. Гладкову, В. А. Шарову, В. С. Брандееву. В торжественной обстановке, на собрании школьниц 605-й школы, почетная грамота была вручена ученице 7-го класса пионерке Розе Ильиной, вынесшей из огня четырехлетнего Сашу Павлова.

В Ереване пионерка Лида Аветисян вынесла из горящего дома двух детей. Ученица 9-го класса из села Доглаури, Карельского района, Грузинской ССР, Цицино Кобесова спасла четырех детей. Она бросилась в рушившийся от огня сарай, где находились дети. Платье на Цицино загорелось, но она вновь вернулась в сарай, чтобы вынести четвертого ребенка. Цицино получила ожоги первой степени и месяц пролежала в больнице.

Помочь попавшему в беду человеку, не считаясь с риском для собственной жизни, не проходить мимо несчастья «постороннего» человека — такова норма поведения советских людей.

И. АГРАНОВСКИЙ

СЕГОДНЯ В НОВО-ЖИВОТИННОМ

Фото М. Савина.

— Сегодня состоится выездное заседание ученого совета!

Голос диктора раздался на центральной площади села Ново-Животинного. Так началось зимнее утро воронежского села.

В те часы, когда дети сидят в школе, ново-животинновские колхозники занимаются на курсах по агротехнике, в лекторском объединении обсуждается план очередной лекции, на селекционной станции заседает ученый совет... Почти все в колхозе имени В. М. Молотова, Березовского района, учатся.

Ново-Животинное — это то самое село, которому до революции был вынесен приговор: обречено на вымирание. В книге, озаглавленной «Вымирающая деревня» и изданной в девятисотых годах, А. И. Шингарев писал: «Чего ждать там, где люди хронически голодают, где жизнь наполнена непрерывной и безуспешной борьбой за самый малый и плохой кусок хлеба, где население вымирает и вырождается. Суровая, примитивная борьба за существование иногда доходит здесь до невероятных, трагических размеров».

Страшный приговор был отменен Октябрьской революцией...

Сегодня Ново-Животинное — обычное село Воронежской области, где с каждым годом все культурней и зажиточней живут колхозники.

Немалый отряд учителей занят воспитанием младшего поколения. Но и сами учителя пополняют свои знания. Сельские педагоги заканчивают высшие учебные заведения. А. Я. Швырева и В. А. Федоров (снимок вверху слева) готовятся к очередной сессии студентов-заочников.

Так же напряженно учатся и на агротехнических курсах. За последние годы урожайность сахарной свеклы в здешнем колхозе повысилась в три раза. Чего еще можно добиться, если до дна использовать агротехнику? Этим, как и многими другими вопросами, заняты учащиеся курсов. На снимке (вверху справа) — колхозники Н. С. Журавская и П. Е. Фомин в часы занятий.

При сельском совете создано лекторское объединение, в нем 22 человека: учителя, специалисты сельского хозяйства, медицинские работники. Учительница-комсомолка Римма Французова подготовила лекцию о коммунистическом воспитании молодежи; Нина Логунова по просьбе литературного кружка при сельской библиотеке прочла лекцию «Максим Горький в борьбе за мир». На снимке внизу — члены объединения обсуждают очередную лекцию.

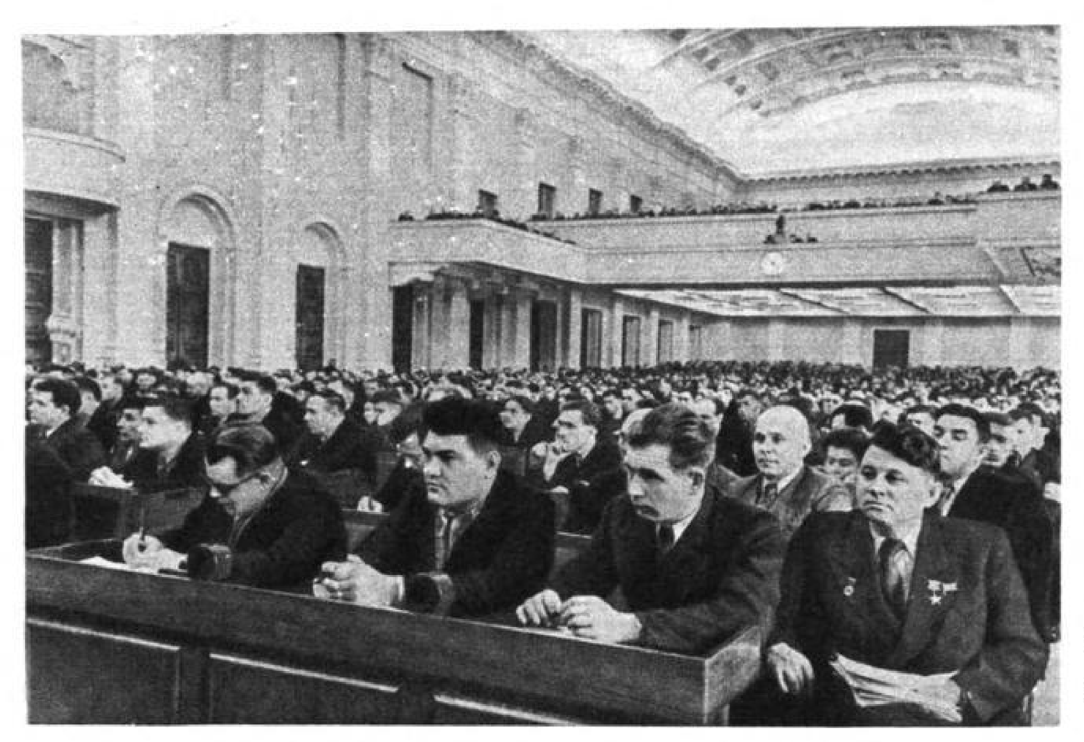
Пожалуй, самое важное в жизни села — все то, что связано с селекционной работой. Не случайно именно в Ново-Животинном происходит выездное заседание ученого совета Рамоньской опытно-селекционной станции. На заседании с докладом выступил председатель колхоза имени В. М. Молотова Григорий Матвеевич Головин. Звеньевые рассказывали о своем опыте, о том, как они выращивают по 400—500 центнеров сахарной свеклы на гектаре.

Колхозники тесно связаны с опытной станцией. Вот и на этот раз (снимок слева) к доктору сельскохозяйственных наук, лауреату Сталинской премии А. Л. Мазлумову приехали передовики колхоза имени В. М. Молотова — Д. М. Королева, Р. Н. Васильева и Е. С. Федорова.

Пусть кто-нибудь скажет этим девушкам из села Ново-Животинного (снимок внизу), что они живут в деревне, которая некогда считалась обреченной на вымирание... У них, студентов воронежских вузов, все в будущем, и ничто не омрачает их сегодняшнего дня!

В. ТИШАНИНОВ

Совещание механизаторов в Кремле

25 января в Большом Кремлевском дворце открылось Всесоюзное совещание работников машинно-тракторных станций, созванное ЦК КПСС и Советом Министров Союза ССР. На совещании присутствовали 2 140 человек: директора и главные инженеры МТС, агрономы, зоотехники, заведующие мастерскими и механики, трактористы и комбайнеры, председатели колхозов, работники партийных и комсомольских организаций и сельскохозяйственных органов областей, краев и республик, а также научные работники.

В совещании принимали участие товарищи: Г. М. Маленков, Н. С. Хрущев, К. Е. Ворошилов, Н. А. Булганин, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, М. З. Сабуров, М. Г. Первухин, Н. М. Шверник, П. К. Пономаренко, М. А. Суслов, П. Н. Поспелов, Н. Н. Шаталин.

Представители двухмиллионной армии работников МТС и сельскохозяйственных органов обсудили доклад министра сельского хозяйства СССР тов. И. А. Бенедиктова о ходе выполнения постановления сентябрьского Пленума ЦК КПСС и решения партии и правительства о мерах дальнейшего улучшения работы МТС.

На снимке: В Большом Кремлевском дворце на совещании.

ГЛАВНЫЙ КОСТЕР

Детство любого человека наших, советских, поколений озарено пионерским костром. У одних он зажигался на росистом лугу за селом, у других — в актовом зале школы. Но вот пришло новое поколение, которое скажет, что костер его пионерского детства вспыхнул в Большом Кремлевском дворце.

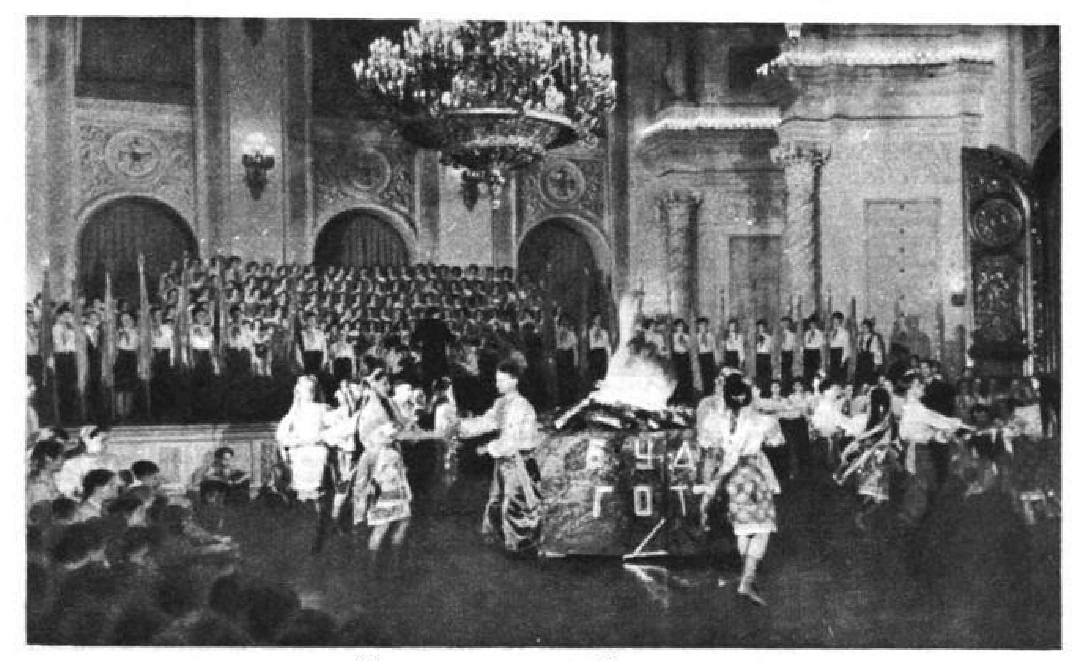
В этот исторический зал юная смена пришла с рапортом о своих успехах. Взвиваются, трепеща всеми красками, легкие стрекозы — достижения юных авиамоделистов. Проходят маленькие конструкторы и кораблестроители, юные умельцы. Вот, неся над головой оранжевые початки кукурузы, торжественно шествуют юннаты. Им есть о чем рассказать. Их занятия не просто забава или ребячьи поиски — это конкретные, полезные дела. Одни помогли колхозу вырастить полторы тысячи голов молодняка. Другие вывели для подшефного колхоза высокоурожайный сорт кукурузы — «кутузовку». Сейчас их достижения видят пионеры Москвы, стоящие шеренгами по обе стороны зала. И хотя в строю не полагается разговаривать, белобрысый мальчуган не может удержаться, чтобы не шепнуть соседу: «Наш мичуринский кружок и не такое еще делает, тоже могли бы показываться». Конечно, могли бы!

Лишь полчаса назад вспыхнул костер, а рожденные песни о нем уже опередило это светлое событие. Песня гремит, исполняемая пионерским хором:

Советские дети в Кремле побывали,
В родном и любимом московском Кремле!
С рожденья ребятам звезды сияли —
Звезды, хранящие мир на земле!

Эта песня перекликается с песней пионеров первых поколений — «Взвейтесь кострами, синие ночи!».

Е. ТАРХАНОВА

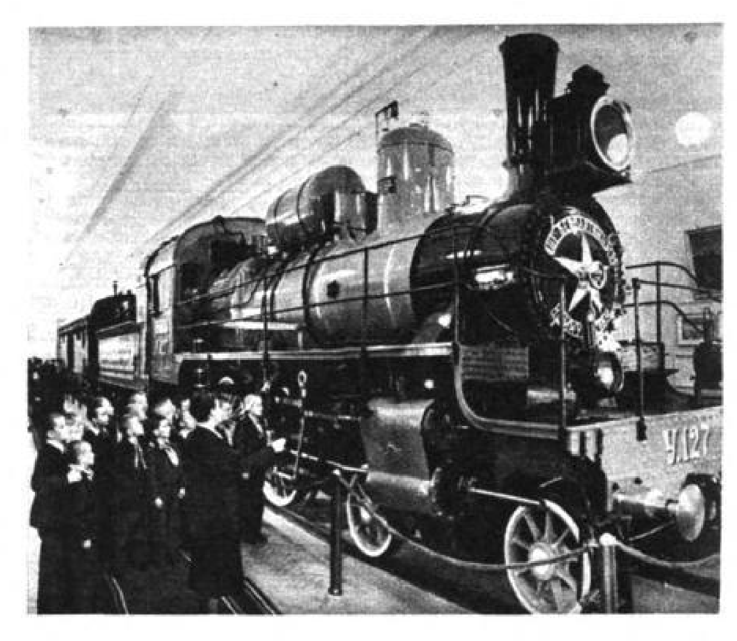

Вспыхнул пионерский костер...
Фото А. Гостева и И. Тункеля.

ПАВИЛЬОН-МУЗЕЙ

К ленинским дням в Москве, у Павелецкого вокзала, после капитального переоборудования открылся филиал Центрального музея В. И. Ленина — павильон «Траурный поезд». Снова в главном экспозиционном зале можно увидеть ставшие историческими паровоз «У-127» и вагон № 1691. Только сейчас они сверкают свежей краской, отливают медью, и кажется, будто вот-вот вышли из заводских ворот и остановились здесь, под крышей, на запасном пути...

История этого паровоза, построенного еще в 1910 году, по существу, началась тринадцать лет спустя, когда беспартийные рабочие депо при станции Москва-Павелецкая отремонтировали его во внеурочное время и в качестве подарка преподнесли коммунистам-железнодорожникам. В память об этом событии на тендере была сделана надпись: «Беспартийные, в ногу с коммунистами, смело вперед, к светлому будущему! Выпущен из среднего ремонта беспартийными рабочими депо к 6-летнему юбилею ячейки РКП(б). ст. Москва. Р.-У.ж.д. 12 мая 1923 г.». Почетным машинистом паровоза «У-127» был избран В. И. Ленин.

В павильоне-музее «Траурный поезд Владимира Ильича Ленина».

Фото А. Вочинина.

Когда скорбная весть о смерти Владимира Ильича облетела земной шар, паровоз «У-127» прибыл на платформу Герасимовская, чтобы доставить тело Ленина в Москву. Ныне об этом напоминает мемориальная доска, укрепленная на будке машиниста: «Этот паровоз вел траурный поезд, в котором перевезено тело Вождя Мирового Пролетариата Владимира Ильича ЛЕНИНА 23 января 1924 г. от платформы Герасимовской до ст. Москва-пассажирская».

Для поезда был сооружен павильон, который за пять лет существования посетило более полумиллиона человек.

Со временем многие части паровоза и вагона, построенного в девяностых годах прошлого века, надо было обновить.

— Предстояла большая и сложная работа, — рассказывает руководитель лаборатории лакокрасочных покрытий Всесоюзного научно-исследовательского института железнодорожного транспорта С. Казарновский. — Ее с любовью и тщательностью выполнили рабочие паровозного и вагонного депо станций Люблино и Бирюлево под руководством бригады института. Некоторые части поезда были заменены, деревянные детали пропитаны особой пастой «Вагонка», разработанной нашей лабораторией консервирования древесины, а металлические — очищены и покрыты антикоррозийной смазкой.

В павильоне можно увидеть венки, тридцать лет тому назад возложенные на гроб с телом В. И. Ленина. Они совсем как новые. Заведующий лабораторией по реставрации и консервации музейных ценностей Исторического музея А. Чиварзин поясняет:

— По составленной нами рецептуре удалось изготовить специальную массу из белой глины и мельчайшей фарфоровой крошки и восстановить утраченные лепестки цветов и листья.

Замечательная работа, проделанная советскими специалистами и железнодорожниками, позволит на долгие годы сохранить эти дорогие реликвии нашего народа.

Одновременно произведен и капитальный ремонт здания; к нему сделаны две пристройки, позволившие расширить экспозицию. В первой из них экспонируются материалы, характеризующие последний период жизни Владимира Ильича. В витринах — фотокопии ленинских рукописей.

В центре второй пристройки на мраморном постаменте под стеклом можно увидеть скульптурную маску В. И. Ленина. На ней сохранилась надпись: «Горки, 22 января 1924 г. 4 ч. ночи. С. Меркуров».

По проекту архитектора М. Прохоровой сейчас производится генеральная реконструкция Кожевнического сквера, где находится павильон «Траурный поезд». С карьеров Украины доставлен гранит нескольких цветов. У входа сооружается арка, которую облицуют светлорозовым гранитом. Вдоль центральной аллеи уже высажено около трех десятков серебристых елей, много венгерской сирени и пирамидальных туй. Весной здесь посадят липы, серебристые ивы, акацию.

А. СИНЕЛЬНИКОВ

Реликвии братства и дружбы

На выставке, посвященной трехсотлетию воссоединения Украины с Россией, во Львовском историческом музее.

Фото Я. Рюмкина.

Дом № 4 на площади Рынок — один из самых достопримечательных в древнем городе Львове. Стоит шагнуть за порог — и сразу точно оказываешься в далеком прошлом. Гулко звучат шаги под темными сводами рыцарских покоев. Тут и там высятся фигуры воинов в почерневших от времени латах. Открывается дверь во внутренний дворик — и нам невольно вспоминаются знакомые по картинам и гравюрам дворцы Венеции. Поднимемся на второй этаж, и перед нами предстанет залитый светом тронный зал Яна Собесского.

Здание Львовского исторического музея на площади Рынок — интереснейший памятник архитектуры. Построенное в середине XV века, оно стало впоследствии временной резиденцией польских королей, наездами бывавших в этом городе. Во Львовском дворце в 1686 году был подписан так называемый вечный мир, по которому Польша отказалась от своих претензий на Левобережную Украину и Киев, воссоединенные к тому времени с Россией.

На этой же площади, в доме напротив, также принадлежащем ныне историческому музею, в 1705 году останавливался Петр I, посетивший Львов во время войны со шведами.

Недавно во Львовском музее открылась выставка, посвященная трехсотлетию воссоединения Украины с Россией.

Издавна жила в украинцах мечта о воссоединении с великой русской державой. Одна из картин на выставке показывает героическую оборону Львова от польской шляхты в XIV веке, на другой изображен прием царем Федором Иоанновичем послов города Львова в 1592 году.

На исконных украинских землях бывшего Галицкого княжества вела победоносные бои армия Богдана Хмельницкого. Вот картина, посвященная штурму Высокого замка во Львове сортатником Хмельницкого Максимом Кривоносом, в войсках которого вместе с украинцами сражались донские казаки.

Бесценны исторические реликвии: портрет Хмельницкого, написанный в XVII веке, письмо Богдана царю Алексею Михайловичу от 6 июня 1648 года с просьбой о помощи в борьбе против польских панов, сабли и секиры, пищали и пушки казаков.

Национально-освободительная борьба с польскими панами продолжалась на Правобережной Украине и в XVIII веке. Из золоченых рам смотрят суровые лица Железняка, Гонты, Довбуша — вожаков украинских народных восстаний.

Тягой на Восток, к родной русской культуре был наполнен и следующий исторический период в жизни Западной Украины, когда после раздела Польши она отошла к Австро-Венгрии. Вот книги Тараса Шевченко и Котляревского, изданные в Галиции в прошлом веке. Большая картина изображает Ивана Франко, читающего львовским студентам «Что делать?» Н. Г. Чернышевского.

Двадцатый век. Двадцатые и тридцатые годы. Жители Западной Украины, вновь порабощенные польскими панами, устремляют свои взоры к Киеву и Москве, к великому Советскому Союзу. Перед нами подпольные издания «Коммунистического манифеста» и Советской Конституции, макет типографии в селе Толмачи под Львовом, созданной коммунистами — братьями Костик.

Содержательно показан на выставке сегодняшний Львов. На стендах модели автопогрузчиков и кормозапарников, которые строятся на машиностроительных заводах Львова, образцы обуви, тканей, трикотажа. Львов за годы Советской власти вырос в крупный индустриальный центр Украины.

С. МЕСЯЦЕВ

Памяти Бориса Горбатова

Борис Леонтьевич Горбатов умер всего сорока пяти лет от роду, не довершив свой последний писательский замысел — создание большого трехтомного романа о людях советского Донбасса. Тяжелая болезнь сердца, безвременно унесшая писателя в могилу, застигла его в начале работы над вторым томом этого произведения, и его товарищам по перу и его друзьям — читателям — горько думать, что они уже не встретятся на страницах новых книг Горбатова с молодыми героями первого тома «Донбасса» — Виктором и Андреем, с людьми, которые, по замыслу автора, должны были прожить большую и интересную жизнь.

Сам Борис Горбатов, несмотря на то, что он так рано ушел от нас, прожил именно такую большую, интересную и благородную жизнь. Четырнадцатилетним донбасским пареньком он написал свой первый напечатанный в газете рассказ, а девятнадцатилетним юношей издал повесть «Ячейка», уже в те годы принесшую ему как писателю широкую известность. С начала тридцатых годов Горбатов становится профессиональным журналистом. Неутомимый разъездной корреспондент «Правды», где только не побывал он — сначала в мирные годы, а потом и в годы войны! Поездки в родной Донбасс, на Урал, на героические стройки первых пятилеток, арктические перелеты с В. Молоковым, полярные зимовки, а потом, как только заговорили орудия, — армия, поля войны. Тут и штурм линии Маннергейма, и Южный фронт в тяжелые сорок первый и сорок второй годы, и Западный фронт, и бои за освобождение Польши, и штурм Берлина. А после войны длительная поездка корреспондентом «Правды» в Японию, и наконец снова родной Донбасс, куда Горбатов ездит неутомимо, много раз, подолгу живя там, с громадной любовью и увлечением изучая людей и их дела, кропотливо вникая во все подробности, стремясь с наибольшей точностью и правдивостью написать о том крае, который он безгранично любил, и о тех людях, которые были его земляками.

Так, в неустанной работе журналиста, в кропотливом труде писателя, проходила жизнь этого человека, воспитанного комсомолом и партией и прошедшего высокую правдистскую школу.

Это был человек очень храбрый, очень скромный, требовательный к себе, добрый к людям, стойкий в своих убеждениях и верный в дружбе.

Все эти черты личности Бориса Горбатова неотъемлемо связаны с ним в сознании людей, знавших его, а его знало много людей, ибо он не принадлежал к числу писателей, замыкающихся в скорлупу одной только литературной среды. Нет, он отлично знал жизнь, а это значит, что он близко, хорошо знал очень и очень многих и разных людей во многих и разных уголках нашей Родины.

Однако самое главное, конечно, что прекрасные черты личности писателя наложили глубокий отпечаток на все его книги и таким образом стали достоянием читателей.

Суровые, цельные и мужественные характеры людей «Обыкновенной Арктики», бесстрашные, несгибаемые герои «Непокоренных», скрытный, даже застенчивый, но твердый, как алмаз, когда дело доходит до принципов, Андрей Воронько из «Донбасса» — все эти люди, написанные с лиризмом, с душой, несли в себе черты личности автора книг, и это хорошо, потому что сама эта личность была цельна и благородна.

Борис Горбатов оставил после себя большое и разнообразное литературное наследство. Он был одинаково строг к себе как к художнику, и когда писал роман и когда писал очерк или корреспонденцию для газеты. И если люди, пережившие войну, сейчас все с тем же волнением, что и в годы ее, перечитывают «Непокоренных», то с тем же чувством непроходящей взволнованности они могут снова открыть печатавшиеся тогда подвалами в «Правде» «Письма товарищу». Сколько души в этих письмах, сколько боли за страдания Родины, сколько любви к людям, сколько веры в победу! Это дышащая непосредственностью душевная исповедь человека, и в то же время это — произведение, написанное мастерской рукой зрелого и строгого к себе художника.

Мне кажется, что в этих «Письмах товарищу», которые сам автор очень любил, с наибольшей лирической откровенностью раскрывалась перед читателем благородная и мужественная душа Бориса Горбатова, писателя-коммуниста, человека, беззаветно преданного партии, идеям коммунизма.

От нас безвозвратно ушел очень дорогой нам человек. Но делам его, то есть его книгам, суждено прожить еще долгую и хорошую жизнь; они принесут еще немало радости и добра людям. А ведь в этом и есть смысл и цель жизни писателя.

Константин СИМОНОВ

В Таллинской киностудии

Кадр из фильма «Пярнуские рыбаки».

Нелегок труд операторов кинохроники. С аппаратурой часами выжидают они на высокой заводской эстакаде появления солнца из-за туч, вместе с альпинистами взбираются на горные пики, уходят в плавание с китобойными флотилиями.

По крупицам собираются в Центральную студию документальных фильмов кадры со всех концов огромной страны. Зритель видит на экране хлопковые поля и виноградники юга, великие стройки на Волге, пламя, бушующее в мартенах Урала, сланцевые шахты Эстонии...

Таллинская киностудия ежегодно выпускает 36 номеров киножурнала — 150—160 небольших кинoинформаций. В 1953 году на всесоюзный экран приняты были из Таллинской студии: «Рационализатор Мейеров», «Мотогонки», «В семье рыбака», «Концертный рояль «Эстония». На всесоюзный экран вышли и киноочерки «Пярнуские рыбаки», «Животноводы колхоза «Каардивяэлане», документально - биографический очерк о писателе Ф. Крейцвальде.

Н. ХРАБРОВА

Новый корпус библиотеки имени В. И. Ленина

В новом читальном зале Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина.

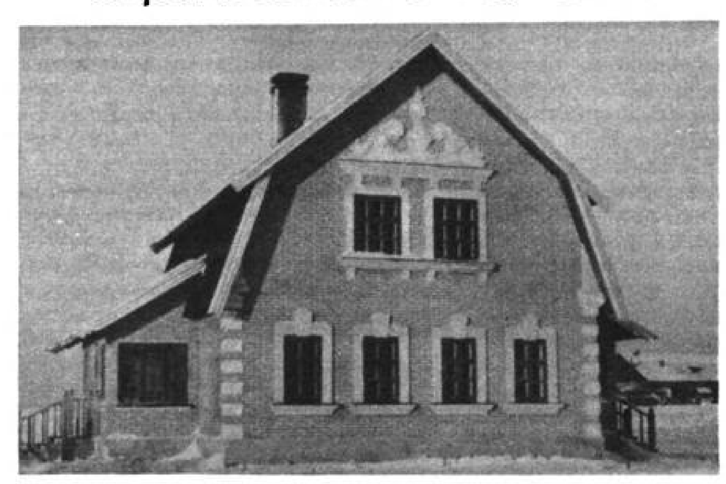
Фото Е. Тиханова.

В Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина в недавно построенном, пятом по счету, корпусе открылся новый читальный зал.

Вдоль стен установлены открытые шкафы. В них — сотни томов произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, собрания Сочинений В. И. Ленина и И. В. Сталина. В отдельном шкафу — материалы XIX съезда партии, сентябрьского Пленума ЦК КПСС. На полках — энциклопедии и другая справочная литература. Всеми этими книгами читатели пользуются, не прибегая к услугам библиотекаря.

На других этажах корпуса разместились разные отделы библиотеки. На первом этаже — отдел межбиблиотечного абонента. Из года в год расширяет он свою деятельность. Более двух тысяч библиотек страны получают литературу из библиотеки имени В. И. Ленина. Большое помещение занимает отдел редких книг. В его фондах — свыше трехсот тысяч ценнейших произведений печати, тысячи экземпляров уникальных изданий.

Строительство на селе

Жилой дом, построенный в Ленинской МТС Московской области в 1952 году по проекту Научно-исследовательского института архитектуры сельских зданий и сооружений Академии архитектуры СССР. Дом предназначен для двух семей. Авторы проекта: Ф. И. Лопарев, Л. Я. Бекси, В. И. Николаев.

Двухэтажное здание. В первом этаже расположены большая комната, кухня, передняя. Из передней деревянная лестница ведет в мансарду — в комнаты второго этажа: спальню и рабочий кабинет. В каждой квартире остекленная веранда, хозяйственная кладовая, погреб. Отапливаются квартиры печами или же местным центральным отоплением (от кухонной плиты). При доме участок для плодового сада, огорода, цветника. Имеется и хозяйственный двор с необходимыми постройками.

Около ста таких жилых домов построено сейчас в поселках МТС Московской области по типовому проекту Научно-исследовательского института архитектуры. Проект предусматривает применение железобетонных деталей и конструкций, изготовленных на заводе.

Вопросам типового сельского строительства посвящена была состоявшаяся недавно сессия Академии архитектуры СССР.

Президент Академии архитектуры СССР А. Г. Мордвинов отметил недостатки типового проектирования в этой области. Проекты, по которым должно вестись массовое строительство, и в архитектурно-художественном и в техническом отношении должны отвечать современным требованиям. В строительстве на селе будут широко использованы сборные детали и конструкции заводского изготовления. Они уже сейчас применяются в колхозах Московской и Ростовской областей, на Украине.

В работе сессии приняли участие виднейшие советские архитекторы, научные сотрудники, работники сельского хозяйства.

Архитектор С. РАЙТ

В турнирном зале.

Фото М. Мельника (ТАСС).

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ЛИДЕР

Из дневника участника

17 ЯНВАРЯ

Седьмой тур дал семь ничейных результатов. Обычно зрители недовольны таким исходом шахматной партии. Однако сегодня они не скучали: ничьи были боевыми. Вот, например, партия С. Фурман — В. Корчной, очень важная в борьбе за лидерство. Фурмана называют живой шахматной энциклопедией. Но на этот раз неожиданный ход в дебюте заставил его задуматься на целый час. Правда, потом не меньше думал над ходом и Корчной. Начались такие головоломные осложнения, что будущему комментатору этой партии предстоит большая работа. Против таких ничьих возражать трудно!

Плохое положение в турнирной таблице часто приводит шахматиста к новым катастрофам. Е. Геллер стал играть очень азартно. В партии с Ю. Авербахом он, начав штурм позиции противника, слишком ослабил свою позицию. Но Авербах не из тех, кого можно взять «голыми руками».

18 ЯНВАРЯ

Сегодня все зрители волновались за судьбу партии ленинградца В. Корчного. Кажется, что многие местные болельщики переключились с Геллера на Корчного.

Его противник, также ленинградский мастер, Г. Борисенко долгое время имел преимущество. Но как только позиция позволила Корчному проявить свои тактические способности, картина изменилась, и Корчной заработал очко.

После удачного старта А. Лилиенталь почему-то растерялся. Он потерпел поражение от Г. Лисицына.

20—21 ЯНВАРЯ

М. Тайманова знают как пианиста и как шахматиста. Но, оказывается, он еще и «злопамятный» человек. В прошлом году он проиграл А. Суэтину и Е. Геллеру. Сейчас ему довелось подряд играть с тем и другим. Сначала он легко «отомстил» Суэтину. Затем, играя с Геллером, бросившимся в атаку, Тайманов защищался спокойно и уверенно. В эндшпиле Геллер не досчитался тех пешек, которые он пожертвовал ради несостоявшейся атаки, и в результате также оказался жертвой «злопамятности».

В. Корчной попал в тяжелую позицию с А. Сокольским. «Все! Сегодня и Корчной не выпутается!» — говорили некоторые участники и зрители. Хорошее настроение было у гроссмейстеров. Серьезный соперник на первое место наконец-то пошатнулся. Но... флажок на часах поднимается. Цейтнот! Сокольский нервничает. Серия ошибок, и у Корчного все в порядке.

В. Бывшев, также «недоатаковав» Ю. Авербаха, проиграл неплохую партию.

Хорошо играющий в турнире уральский мастер Г. Иливицкий сегодня в партии с А. Банником потерпел первое поражение.

Отличился Ю. Авербах. В последних шести партиях гроссмейстер набрал 5,5 очка. В 10-м туре его очередной жертвой был А. Лилиенталь.

Чемпион Ленинграда С. Фурман заболел и пропустил два тура. Но в день доигрывания и затем в выходной день больной набрал 1,5 очка в партиях с Р. Нежметдиновым и Г. Лисицыным.

Закончилась первая половина чемпионата.

Лидируют мастер В. Корчной и гроссмейстер Ю. Авербах. Вплотную за ними — С. Фурман, Т. Петросян, М. Тайманов, Г. Лисицын.

Борьба за почетное звание чемпиона протекает очень остро. И пока трудно отдать кому-либо предпочтение. Лидирует иногда несколько шахматистов — группой. Лидер пока, так сказать, коллективный.

Предстоит вторая половина турнира. Она существует для того, чтобы лидеры старались удержать свои позиции, а отстающие — улучшить свое турнирное положение.

С. ФЛОР

Киев.

По телефону.

Последняя шайба

Вспыхнула сигнальная лампа. Прозвучал колокол. Кончилась последняя встреча на первенство страны по хоккею. Хоккеисты «Динамо» (Москва) стали чемпионами Советского Союза.

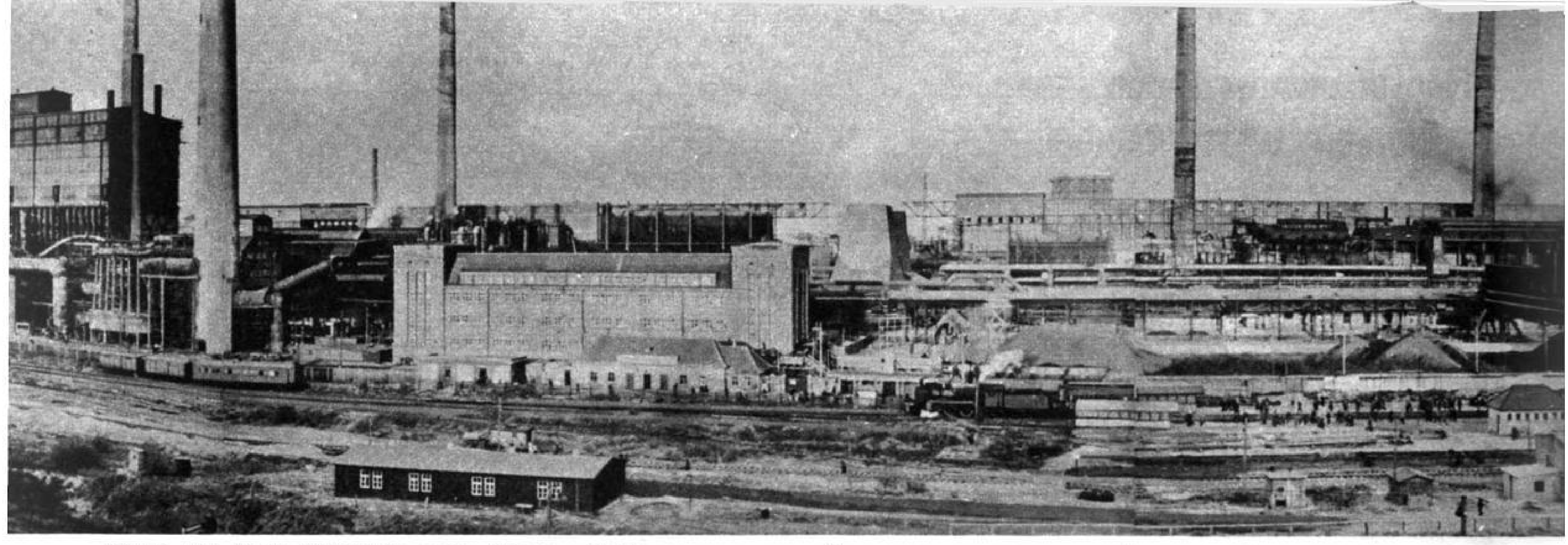
Из 16 проведенных соревнований динамовцы выиграли 15. Они забросили 118 шайб, а в свои ворота пропустили только 36.

Второе место занял коллектив Центрального Дома Советской Армии, третье — московская команда общества «Зенит».

Н а с н и м к е: чемпионы Советского Союза по хоккею — московские динамовцы.

Фото А. Бочинина.

Общий вид завода Леунаверке имени Вальтера Ульбрихта, переданного Советским правительством в собственность Германской Демократической Республики.

ОДИН ИЗ ТРИДЦАТИ

В первый день нового года трудящиеся Германской Демократической Республики увидели над воротами ряда крупнейших заводов и фабрик в Берлине, Лейпциге, Магдебурге и других городах новые вывески: «Народное предприятие ГДР».

С 1 января 1954 года 33 гиганта машиностроения, металлургии, химии и других отраслей промышленности переданы безвозмездно Советским Союзом в собственность Германской Демократической Республики — в соответствии с Протоколом, подписанным в августе прошлого года между Правительством СССР и Правительственной делегацией ГДР. Общая стоимость этих предприятий — 2 миллиарда 700 миллионов марок.

Печатаемый ниже репортаж знакомит читателя с одним из этих 33 предприятий — заводом тяжелого машиностроения имени Эрнста Тельмана в Магдебурге.

Так выглядел в 1946 году и так выглядит сейчас один из цехов завода имени Эрнста Тельмана.

Достопримечательностями города Магдебурга считались готические колокольни старинного собора и «Длинный Генрих» — огромная труба машиностроительного завода «Крупп-Грузон-Верк».

И на собор и на завод во время войны несколько раз обрушивался град авиабомб. Обе «верхушки города», как называют их магдебуржцы, уцелели; они по-прежнему далеко видны в голубом небе. Но вокруг них идет ныне совершенно новая, прекрасная жизнь...

«Длинный Генрих» — он на несколько метров выше, чем соборные колокольни, — сегодня возвещает мощными клубами дыма о мирном труде 12 тысяч рабочих этого крупнейшего машиностроительного завода. К концу войны американские и английские бомбы — их было сброшено около тысячи двухсот фугасных и до полутора тысяч зажигательных — превратили завод в груды кирпича, исковерканных железных конструкций, изуродованных станков и машин. Это был конец одного из старых предприятий крупповского концерна. То, что осталось от завода, перешло в 1946 году в собственность СССР в качестве репараций. И с того же времени началось восстановление завода, которому было присвоено имя великого сына немецкого народа Эрнста Тельмана.

...В дождливый декабрьский день — незадолго до передачи завода в общенародную собственность ГДР — мы обошли всю его территорию. Она явно тесна для такого гиганта: из 700 тысяч квадратных метров заводской территории 250 тысяч застроено. Да, так строили раньше, при капиталистах. Кто думал тогда об удобствах и здоровье рабочих! Эта теснота создала серьезные трудности при расширении завода, предпринятом советской администрацией. Все же новое, рожденное гуманными советскими принципами, бурно пробивается и прорастает здесь, где когда-то господствовала жестокая и бесчеловечная династия Круппов...

Рядом с заводоуправлением, на месте разрушенного цеха № 1, раскинулась площадь, летом радующая глаз своими клумбами и газонами. Сейчас садовники готовят землю для весенних посадок. Немного дальше — площадки для волейбольных игр.

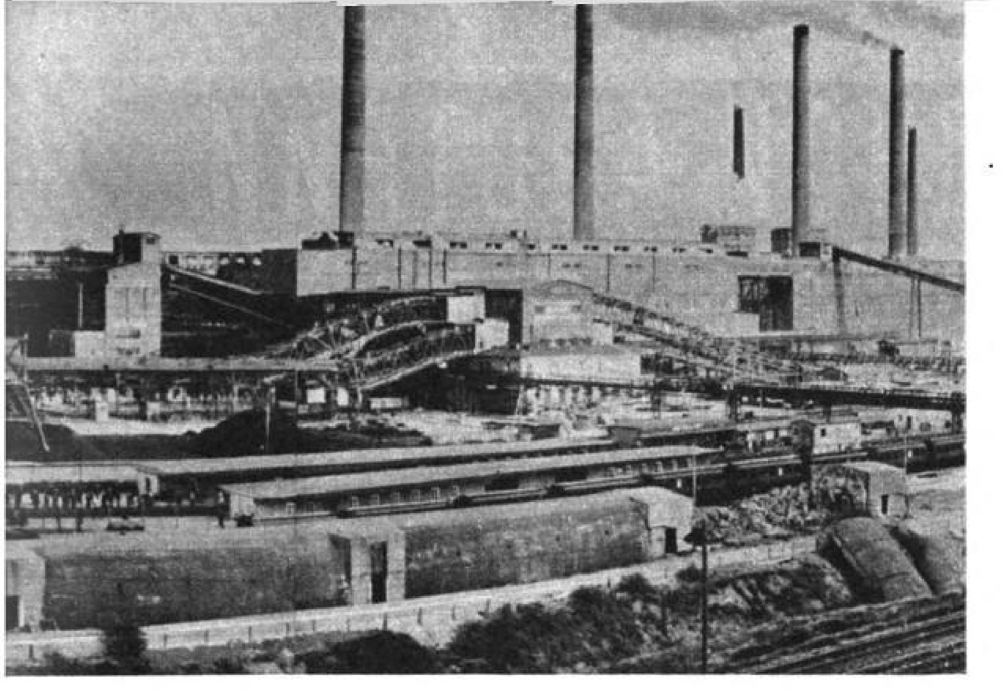
Люди вспоминают зиму 1946 года. Станки уже работали под временными укрытиями из брезента, а вокруг грузовики отвозили битый кирпич, возводились стены, чинились крыши. Рабочие тогда говорили: если уж приходится многое строить заново, так давайте строить лучше, удобнее для тех, кто трудится. Это нашло полную поддержку у советской администрации.

Мы направляемся к огромному цеху, где создается тяжелое машинное оборудование. Тут большие окна, прекрасное верхнее освещение. Цех этот — гордость тельмановцев.

А вот новый литейный цех. Какой жалкой и приземистой выглядит старая литейная рядом с этим могучим, напоминающим огромный корабль, корпусом, где делаются отливки весом до 55 тонн!

Не описать всех преобразований, которыми отмечена жизнь завода за истекшие семь лет. Остается только перечислить их. Восстановлены и расширены семь крупных механических цехов, большая кузница, сталелитейный и чугунолитейный цехи, учебные мастерские, ряд подсобных цехов...

Но на заводе произошло и нечто большее: в этих цехах стало реальностью то, о чем не могли и мечтать рабочие старого завода Круппа-Грузона. Старожилы рассказывают, что при капиталистах рабочему выдавались... скамеечка и деревянное ведро. Это должно было «заменить» отсутствующую столовую, умывальную комнату. Теперь на каждом шагу встречаешь хорошо оборудованные душевые установки, удобные, приветливые столовые, сверкающие чистотой кухни. Все это — уже нечто само собой разумеющееся, как и заводская поликлиника, где работает 20 врачей, или

ТРЕХ

детский сад, ставший вторым домом для трех сотен ребят, или, наконец, Дом культуры, где за один только прошлый год было дано свыше 500 концертов и спектаклей. У рабочих есть теперь и то, что показалось бы фантастикой при Круппах – Грузонах: прекрасный дом отдыха у самого подножия горы Броккен...

Нам называют цифры. В одни только строительные работы вложено более 18 миллионов марок; на социально-культурные учреждения израсходовано около семи миллионов; на социальное страхование и охрану труда рабочих — более пяти с половиной миллионов.

Завод словно помолодел: каждое новое сооружение — будь то мощная котельная, или модельный цех, или выложенная кафелем душевая — еще один шаг к тому, чтобы он стал образцовым социалистическим предприятием.

* * *

В первые послевоенные годы перед заводом стояли нелегкие задачи: восстанавливая разрушенное, надо было одновременно давать продукцию. Рабочие «Эрнста Тельмана» оказались на высоте этих задач. Мы заносим в блокнот столбец цифр: в 1946 году на каждого рабочего приходилось выпущенных готовых изделий на сумму около трех с половиной тысяч марок, через два года эта сумма поднялась до четырнадцати тысяч, а в прошлом году достигла уже двадцати трех тысяч. За семь лет производительность труда возросла почти вшестеро!

Спрашиваем тельмановцев: в чем видят они причины крутого взлета производительности их завода? Ответ единодушен: во-первых, завод вооружен теперь гораздо более мощной, современной техникой; во-вторых, рабочие стали работать по-иному — «не на Круппа работаем, а на себя»; в-третьих, советские руководители завода научили лучше планировать производство, лучше организовывать работу.

...Проходим еще раз по двухсотметровому цеху тяжелого машиностроения. Вот он, замечательный парк машин, которым обладает завод сегодня! Мы рискуем утомить читателя цифрами, но еще одну нам хочется все же назвать: на старом «Крупп – Грузоне» было около 800 машин и станков, сейчас их — 1 997!

Стальные великаны — машины, которые создаются здесь, на «Эрнсте Тельмане», могут спорить с самыми мощными и новейшими агрегатами. Вот перед нами один из таких гигантов; он предназначен для крупной стройки Советского Союза... Тельмановцы строили сложные агрегаты для Советского Союза, для народного Китая, для Польши и других народно-демократических стран. Одновременно завод вооружал мощной техникой и возрождающуюся промышленность родной Германской Демократической Республики.

Завод имени Эрнста Тельмана гордится своими славными питомцами. Среди них лауреаты Сталинской премии Эйтге и Шейд, заслуженные техники-изобретатели Вигхардт, Бири, Гатцфельд, Бухман и многие другие. С большой благодарностью отмечают тельмановцы творческий подвиг главного металлурга, лауреата Национальной премии Хонца и возглавляемой им группы инженеров: благодаря их усилиям завод выпускает теперь до 150 сортов качественной стали...

Быстро растут люди завода. Нынешний директор, Фрике, не так давно был начальником цеха. Формовщик Франц Мейер, талантливый изобретатель, возглавляет сейчас литейный цех. Мастер Вилли Бенс стал заместителем начальника цеха тяжелого машиностроения; токарь Теодор Теннштед — мастером; литейщик Гизе — обермастером. За ними идет целая армия рабочих-активистов, насчитывающая до двух тысяч человек...

* * *

Рабочие завода имени Эрнста Тельмана приняли под новый год обязательство: в 1954 году, первом году существования завода в качестве народного предприятия ГДР, дать сверх плана продукции на 25 миллионов марок.

Это — выражение твердой веры рабочих Германской Демократической Республики в свои силы, в счастливое будущее единой, миролюбивой, демократической Германии.

А. ХУБЕР

ОТРАВЛЯЮЩИЕ ВЕЩЕСТВА В ЛЕВЕРКУЗЕНЕ

Более года прошло с того дня, когда в Леверкузене (Западная Германия) на опытном заводе ИГ Фарбениндустри произошел взрыв агрегата «Т-16». Восемьдесят рабочих были доставлены в больницы с явлениями тяжелого отравления газами. Один из рабочих, Гюнтер Хейманн, умер в больнице. В его больничном листке значилось черным по белому: «Отравление фосгеном». Кельнские газеты писали тогда, что «прокуратура ведет спешное расследование». Однако до сих пор результатов следствия никто не знает. Директор же завода Мирбах не только не был привлечен к ответственности, но получил новое высокое назначение.

Прогрессивная печать Германии напоминает, что на этом самом заводе десять лет тому назад производилось лишенное запаха отравляющее вещество «циклон Б». В Майданеке, Аушвице и других гитлеровских лагерях смерти были убиты с помощью «циклона Б» миллионы людей. С полным основанием прогрессивная немецкая печать задает вопрос: кто виноват в том, что сегодня в Леверкузене вновь производятся боевые отравляющие вещества?

...Была счастливая семья: молодой монтер Гюнтер Хейманн, его жена Анна-Лиза и дочурка Марлиз. Работа у Гюнтера была непостоянная, иногда долгими неделями приходилось отмечаться на бирже труда. Анна-Лиза брала тогда в стирку белье и рада была всякой случайной работе. Жилось нелегко, но молодые супруги не унывали, стараясь украсить жизнь чтением книг и скромными развлечениями...

Однажды в холодный октябрьский день 1952 года я застал чету Хейманнов дома. За чашкой кофе Гюнтер рассказывал мне, что получил работу на заводе ИГ в Леверкузене. Хороший и, видимо, долговременный заработок...

— Сегодня,—продолжал Гюнтер,— в тот цех, где я работаю, явилась иностранная военная комиссия — американские и французские офицеры в форме. Они долго осматривали новую установку «Т-16», потом баллоны для перевозки газов... Ребята сказали, что с завода уже отправляли куда-то эти баллоны... Надо будет поглядеть, в чем тут дело! — заключил Гюнтер Хейманн.

Я еще не предполагал тогда, что это будет моя последняя встреча с Гюнтером.

5 ноября утром Гюнтер отправился, как всегда, на химический завод в Леверкузене. Как рассказывал потом его друг, электротехник Франц, им было велено вдвоем изолировать трубы на установке «Т-16». Гюнтеру пришлось работать на высоте метров в пять — шесть. Он спросил Франца с недоумением: почему инженеры ходят по цеху в противогазах? Потом Франц, в свою очередь, осведомился: не кажется ли Гюнтеру, что трубы становятся все горячее?..

На несколько минут Франц отлучился за большим гаечным ключом. В это время в трубах что-то сильно зашумело. И вдруг — огромной силы взрыв! Струя газа ударила Гюнтеру в лицо. Ему пришлось спрыгнуть с пятиметровой высоты, он упал, сломал ногу и остался лежать без памяти, вдыхая ядовитый газ.

Рабочие всего цеха разбегались. Франц кинулся на помощь товарищу и с огромным трудом вынес его на плечах из смертельной зоны. Любопытная деталь: по дороге Францу попались двое заводских охранников, он стал звать их на помощь. «Заткни глотку!» — ответили они ему и пробежали мимо...

В заводской амбулатории находилось уже свыше 80 отравленных газом рабочих. Врачей не хватало. Гюнтер пролежал без всякой помощи несколько часов, пока его отправили на грузовике в больницу в Кельн. Там принялись перевязывать ему сломанную ногу и лишь потом спохватились, что он отравился газом, но было уже поздно.

Страшное отравляющее вещество — фосген — начинает свое разрушительное действие на организм через восемь часов после отравления. Эти часы были потеряны. Гюнтер Хейманн умер...

Дирекция ИГ Фарбениндустри не сочла нужным даже выразить официальное сочувствие осиротевшей семье. Поскольку Хейманн был «непостоянным рабочим», директор завода отказал и в выдаче денежного пособия.

Взорвавшаяся установка «Т-16» разобрана. Но на ее месте уже стоит новая, бóльших размеров. Когда директора завода инженера Мирбаха спросили о причинах катастрофы, он нагло сказал: «Рассказывать об этом — все равно, что хвататься руками за раскаленное железо».

До сего времени упорно замалчивается тот факт, что на заводе производятся химические вещества, предназначенные для массового истребления людей. Фосген! Это было написано черным по белому во врачебном свидетельстве о смерти Гюнтера Хейманна. Видимо, поэтому так интересовалась американская военная комиссия установкой «Т-16».

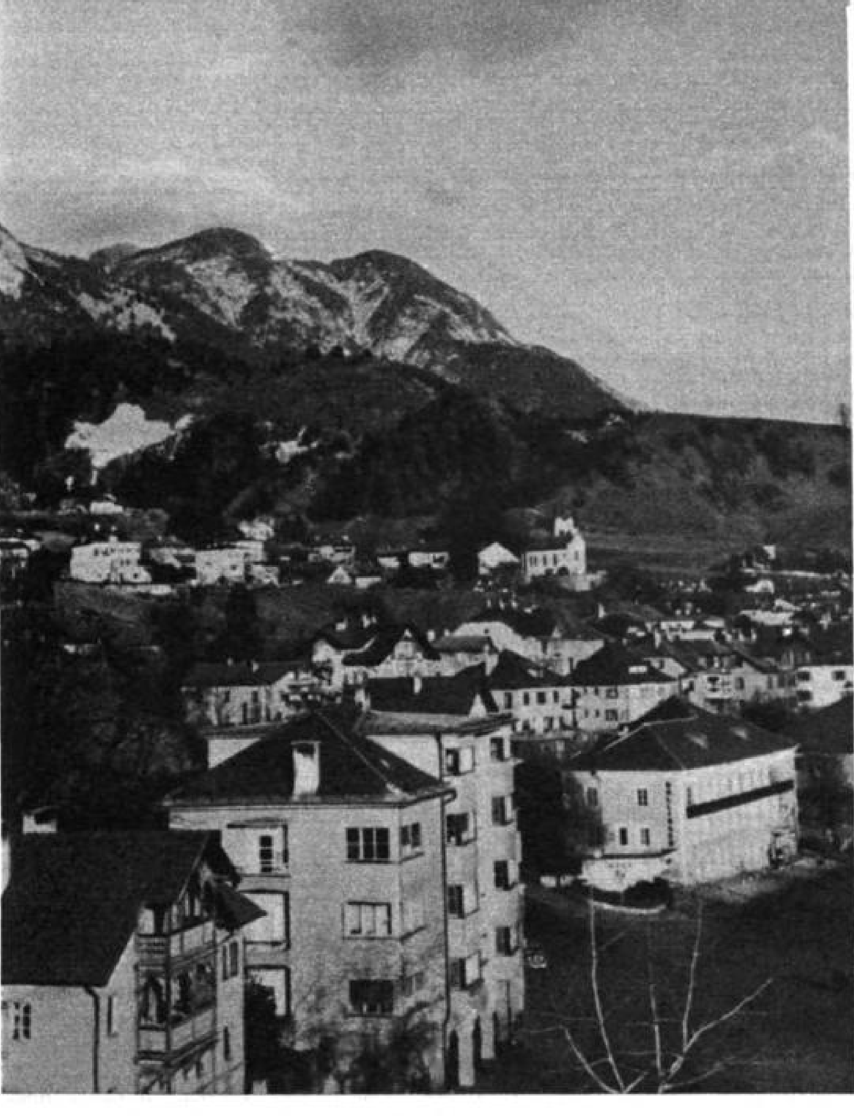
Но пусть не думают господа из ИГ Фарбениндустри, что народы забыли о «циклоне Б»! Пусть не тешатся мыслью, что их преступная деятельность останется неизвестной немецкому народу!

Г. ХРИСТИАН

Жена Гюнтера Хейманна Анна-Лиза показывает своей дочурке Марлиз портрет ее отца

ПО ЗАПАДНОЙ АВСТРИИ

Инсбрук.

К. НЕПОМНЯЩИЙ,
специальный корреспондент «Огонька»

В долине

Хорошо бы попасть в Инсбрук засветло. Но так прекрасны тихие озера среди горных лесов, так живописны бурные водопады и сам перевал с его бездонными ущельями, крутыми подъемами и спусками, что мы часто останавливаемся и стоим как зачарованные.

Вершины гор в снегу, а склоны — в зелени лесов даже теперь, зимой. Небо же совсем бледное, словно оно отдало все свои краски земле.

Величественные горы наползают друг на друга и закрывают небо. В долине Инна еще светло, а здесь, на перевале, в четыре часа дня уже густые сумерки. Последний спуск. Приходится зажечь фары. Справа пропасть, слева сказочной красоты лес. Фары выхватывают из темноты грузную фигуру дровосека в тирольской шляпе с пером...

Аккуратные маленькие города и села с башнями церквей и древних замков. Да, это Тироль, воспетый в народных песнях и легендах.

С давних времен он привлекал к себе туристов из Италии, Германии, Швейцарии и самой Австрии. За последние два — три года их стало много меньше.

— Скажите, кто остановится в моих номерах, если узнает, что у меня под боком американский склад взрывчатки?! — горячо говорит хозяин гостиницы.

Мы прибыли в Тироль, когда эта горная австрийская провинция переживала тревожные дни. Французские части покидали Тироль, а их казармы, военные бараки и учебные плацы спешно занимала жандармерия, которую здесь называют «черной армией». К тому же на дорогах, как отмечают местные жители, заметно увеличилось количество американских военных машин. Из дома в дом передавали: американцы расширяют и укрепляют свои лагери. Тирольцы открыто высказывали опасения, как бы Инсбрук, их столица и их гордость, не стал американским военным опорным пунктом, так же как стал им Зальцбург. Повсюду здесь тот же страх за своих жен, дочерей, сестер, какой мы наблюдали в Зальцбурге.

Но кое-кто чувствует себя сегодня в Тироле хорошо. «Черная армия» получила не только новые, просторные казармы; ей переданы уставы, солдатские календари, справочники, карты и другие учебные пособия гитлеровской армии, захваченные в свое время в Австрии в качестве трофеев.

Различные «содружества бывших воинов» тоже чувствуют себя здесь неплохо. Многие из них нагло объявили, что они-то и есть единственные законные наследники традиций Андреаса Гофера — героя и вождя тирольских повстанцев, боровшихся в период наполеоновских войн против подчинения Тироля Баварии.

— Бесчестно использовать благородное имя Гофера в ущерб Австрии! — говорят жители Инсбрука.

Но что до этого лжепатриотам, утверждающим, будто Тироль ближе к Бонну, чем к Вене!

Несколько лет тому назад мне привелось в Москве беседовать с гостями из Австрии, а затем совершить с ними поездку по Советскому Союзу. Для наших австрийских гостей каждый день, проведенный ими в СССР, был, по их словам, днем замечательных открытий. Они мало знали о советской действительности, поэтому все, буквально все их радовало и изумляло. Во время этой поездки они часто вспоминали Вену, Зальцбург, Тироль. О последнем говорили с тревогой. В те дни враги мира, притворяющиеся друзьями Австрии, вытаскивали из архива старый план Гитлера о превращении Тироля в «альпийскую крепость». В словах простых австрийцев — ученых, рабочих, писателей — вместе с тревогой чувствовалась и скрытая надежда на то, что, хотя об «альпийской крепости» много пишут и говорят, вряд ли кто-нибудь теперь осмелится претворить в жизнь этот дьявольский план Гитлера.

Но нынешней зимой, путешествуя по дорогам Тироля, мы видели этот план в действии. Первое, что вам расскажут по приезде в Инсбрук, — это о наглых притязаниях инженерного отдела американских оккупационных сил. Отдел, оказывается, потребовал недавно от общинного совета Инсбрука соорудить новые коммуникации между двумя американскими лагерями в Тироле — Райхенау и Артцль-Рум — за счет тирольцев, конечно.

Если вы зайдете в общинный совет Инсбрука, то вы и здесь услышите разговоры о военных лагерях. В Райхенау недавно построены мастерские для ремонта танков. Там же строят сто квартир для американских офицеров и унтер-офицеров. Можно спросить, какое отношение ко всему этому имеет общинный совет Инсбрука, сугубо гражданское учреждение. Вам ответят: самое непосредственное. Общинный совет рад бы не заниматься такими делами. Однако в повестку дня одного из недавних его заседаний по настоянию оккупационных властей был внесен пункт о строительстве новых бараков для американских войск. Об этом писала «Фриденсцейтунг». Эта же газета с полным основанием утверждала, что постройка новой дороги между Инсбруком и Матрай-на-Бреннере — на нее израсходовано тридцать миллионов шиллингов — совершенно не нужна гражданскому населению и «носит чисто военный характер». Таких дорог в Тироле построено в последнее время немало.

В горах Тироля...

В маленьком поезде, а затем в похожем на дирижабль вагоне подвесной дороги мы поднимаемся на одну из самых высоких вершин, окружающих Инсбрук. Отсюда видны весь Тироль, знаменитый Бреннерский перевал, итальянские Альпы, Южная Германия. Группа итальянцев, поднявшаяся вместе с нами, шумно восхищается живописным пейзажем. Кто-то поднимает фотоаппарат к глазам, намереваясь сделать снимок на память. И тотчас наш гид — местный житель — вежливо напоминает итальянцу, что вокруг военные объекты. Впереди — Райхенау, а рядом с ним, как всем известно в Тироле,— военный лагерь.

— А горы снимать можно? — с иронией спрашивает итальянец.— Или они тоже военные объекты?

Возможно, он и не представлял себе, как близок был к истине, высказывая подобное предположение. Прогрессивные тирольские газеты пишут о том, что пещеры в Альпах пронумерованы: в них устроены склады амуниции, взрывчатки, снарядов и патронов.

Многие тирольцы с сожалением говорят о том, что в их краях за последнее время появилось немало новых людей, которым нет дела до суровой красоты тирольских гор и долин.

Профессор Генрих Брандвайнер должен был констатировать подобные факты в своем докладе на сессии австрийского совета мира, которая проходила недавно здесь, в Инсбруке.

Не случайно, конечно, именно в Тироле были одержаны важные успехи в австрийском движении за мир. У жителей Инсбрука еще свежи в памяти события, развернувшиеся два — три года назад в долине Кшнитцаль, а также в общинах Навис и Миминг. Стоит вспомнить о них, чтобы лучше представить себе, что́ происходит в Тироле сегодня.

Оккупационные власти, попытавшиеся в то время конфисковать для военных целей крестьянскую землю в долине Кшнитцаль, натолкнулись на упорное сопротивление. Крестьяне тотчас собрались и приняли резолюцию протеста. Само по себе это было важным шагом — они не хотели слепо подчиняться воле тех, кто готовит Тиролю судьбу «альпийской крепости». Затем крестьяне послали делегацию к федеральному правительству и непосредственно в штабы оккупационных войск. В ответ на границах конфискованного участка земли появились отряды вооруженных людей. Крестьяне изгнали их из деревни: «Мы сами будем охранять свою землю!» После этого несколько крестьян были арестованы. Их хотели судить, но не решились, так как в ходе процесса выявились бы факты, которые лучше держать в тайне. Все же прогрессивные газеты узнали о происшедшем. Они писали, что процесс над крестьянами, защитившими свои земли, «не был организован лишь потому, что он послужил бы еще

одним доказательством подготовки Тироля к войне».

Успешно действовала и община Навис. Издавна крестьяне этой общины боролись за то, чтобы их каменистая земля давала больший урожай. Теперь им пришлось бороться за самую землю, потому что, по замыслу оккупационных штабов, в этом районе надо было что-то строить в военных целях.

— Никаких военных построек мы не допустим на земле общины! — заявили жители Нависа.

Муниципальные советники поддержали крестьян и обратились с внушительным посланием в провинциальное правительство. Они писали, что если требования общины не будут удовлетворены и оккупационные власти не оставят ее в покое, они обратятся ко всей Австрии. И приехавшим саперам и инженерам пришлось отступить.

«Крестьяне маленькой общины,— писала «Фриденсцейтунг»,— оказались сильнее западных оккупационных властей, сильнее атлантического штаба, который хотел было распорядиться их землей...»

Трудовые люди Тироля искренне радовались победам крестьян. Тем, кто желает превратить Тироль в бастион войны, ныне волей-неволей приходится считаться, что население хочет сделать свою горную провинцию бастионом мира.

В гостях у доктора Тепста

— Здрав-ствуй-те, дру-зья! — медленно произнес по-русски доктор Вильгельм Тепст, приветствуя нас на пороге своего дома в Инсбруке.

Доктор недавно вернулся из поездки по Советскому Союзу, и он рад продемонстрировать свои успехи в изучении русского языка.

До встречи с доктором Тепстом мы знали о нем немного. Он не принадлежит ни к одной партии Австрии, преподает в торговой академии здесь, в Инсбруке, и одновременно сотрудничает в так называемой независимой газете «Тиролер тагесцейтунг».

Хозяин дома старается показать, что все у него хорошо, иногда шутит. Но если присмотреться и прислушаться к его словам, можно заметить: доктору Тепсту сегодня не очень весело. Да и жена его почему-то молчалива и печальна. Действительно ли доктор рад нашему визиту? Или, может быть, что-либо случилось здесь, в этом тихом доме на тихой улице Инсбрука?

Доктор Тепст берет со стола конверт и, не раскрывая его, кладет на место.

— Начну с главного,— говорит он.— Как вы знаете, я побывал в Советском Союзе. Когда я получил приглашение австро-советского Общества дружбы посетить вашу страну, многие мне завидовали. Некоторые отговаривали. Кое-кто спрашивал: не рискованно ли? В этом вопросе не было ничего неожиданного: ведь из Тироля не так часто ездят в Москву. Я читал в наших газетах о Москве много противоречивого и решил увидеть Советский Союз своими глазами.

Мы внимательно слушаем Вильгельма Тепста и узнаем подробности его путешествия. Всю дорогу от Москвы до Инсбрука он мучительно раздумывал над тем, разрешат ли ему написать и напечатать правду о Советской стране. При этом ему вспоминалась поездка заместителя редактора «Тиролер тагесцейтунг» Манфреда Нойера в Соединенные Штаты. Вернувшись из-за океана, Нойер выступил в газете с двадцатью статьями, в которых подробно описывал свои впечатления. Конечно, доктор Тепст не был так наивен, чтобы предполагать, что ему дадут выступить тоже с двадцатью статьями. «Независимые» газеты на Западе очень часто совсем не независимы! Все же он надеялся, что сможет написать для своей газеты об СССР...

— Однако в Инсбруке отказались печатать мои статьи,— говорит доктор,— кроме одной прогрессивной газеты, где появилось пока первое короткое интервью.

Доктор замолчал. Взгляд его снова скользнул по конверту, лежащему на столе.

— Что же говорилось в вашем интервью?

— О, очень немногое, к сожалению. Оно сдавалось в набор в последний момент. Там была такая фраза: «В Советском Союзе я имел возможность встречаться с теми людьми, которых хотел встретить, и имел возможность свободно беседовать с ними по любому вопросу».

На следующий день, когда доктор Тепст пришел в свою редакцию, шеф-редактор Антон Клотц задал ему лишь один вопрос:

— Вы это говорили? — Он показал на газету, где было напечатано интервью.— Я не верю, что вы это говорили, Вильгельм.

— Нет, шеф,— ответил Вильгельм Тепст,— это точно мои слова.

Антон Клотц повернулся к Тепсту спиной. Ну что ж делать, шеф недоволен. Бывает! На следующий день доктору Тепсту снова дали понять, что его дальнейшая работа в газете «зависит от него самого». Во-первых, он мог бы опровергнуть уже опубликованное интервью. Во-вторых, ему наверняка предложат прочитать публичные доклады о советской жизни. Очень многое будет зависеть от того, какое они произведут впечатление. Это был весьма прозрачный намек. Ему оставляли лазейку: если Тепст захочет дать обратный ход, все в его силах.

Доктор Тепст сделал свой первый доклад. Зал был переполнен. Ему задали множество вопросов. Завязалась дискуссия. На следующий день он повторил свой доклад.

— Я рассказывал правду обо всем, что видел. И разве могло быть иначе?

Этот вопрос был обращен, кажется, больше к супруге доктора, чем к нам.

Да, она согласна с ним, что иначе быть не могло.

— Одним словом,—продолжает доктор,— у моего шефа ко вчерашнему дню уже могло сложиться ясное представление о моей позиции. Сегодня, незадолго до вашего приезда, я получил это письмо.

Доктор взял со стола конверт и подал нам. Письмо за подписью Антона Клотца было написано в самых изысканных выражениях. Оно начиналось словами: «Уважаемый господин доктор». И дальше: «К глубокому сожалению, после восьмилетнего сотрудничества я должен порвать наши связи, так как среди читателей возникло впечатление, что вы слишком активно выступаете за дружбу с Советским Союзом. Это делает нашу совместную работу невозможной».

— Очень вежливое письмо, не правда ли? — спросил доктор Тепст с иронической улыбкой.— Но оно помогло мне лично многое уяснить и понять.

И после паузы:

— Это честь для меня — получить такое письмо!

Затем мы узнаем: кое-кто уже предпринял шаги, чтобы изгнать доктора Тепста и из торговой академии и вообще лишить его права преподавать...

Много километров проехали мы по дорогам Западной Австрии. Мы видели ускоренное строительство полигонов и аэродромов, усиленную фельдфебельскую муштру у новых казарм, видели людей, одержимых идеями реванша и аншлюса, толкающих Австрию на опасный путь подготовки новой войны. Но гораздо больше встречали мы честных людей, настоящих патриотов. Они верят в светлое будущее своего народа, они борются против враждебных сил, действующих в ущерб национальным интересам страны. И они полны решимости довести свою патриотическую борьбу до конца.

То, чего не видят туристы. В таких вагонах и домах живут тирольцы...

Шерфбек Хелена (1862—1946). «ВЫЗДОРАВЛИВАЮЩИЙ РЕБЕНОК» (1888 г.)

ФИНСКИЕ ХУДОЖНИКИ

Дм. НАЛБАНДЯН,
член-корреспондент Академии художеств СССР

Выставка финского изобразительного искусства, состоявшаяся недавно в залах Академии художеств СССР, охватывает столетие. Самая ранняя по времени создания картина — «Цветы и птицы» одного из братьев фон Вригт, Фердинанда,— датирована 1854 годом. Последние работы относятся к 1953 году.

В выставочных залах можно было познакомиться с историей финской живописи, скульптуры и графики, с творчеством многих выдающихся, глубоко своеобразных художников. И в то же время выставка наглядно показала, насколько пагубно иной раз отражаются на развитии живописи пустые и бессодержательные эксперименты — дань увлечению формализмом, лишающим искусство национальных, народных черт.

Первые пейзажисты Финляндии — рано умерший В. Холмберг, Фанни Гурберг, В. Вестерхолм — с увлечением писали суровые леса, замшелые валуны, быстрые реки. Работы Гурберг полны романтики. В ее пейзажах бушуют ветры, они гнут деревья, в клочья рвут облака. Вестерхолму свойственно спокойное любование родным краем. Чудесно его полотно «Почтовая пристань Эккерё»: уверенной, мастерской кистью написаны разношерстная толпа, все детали картины — и море и влажные доски. Вестерхолм был отличный рисовальщик реалистического толка.

В конце прошлого века финское искусство располагало большим количеством превосходных мастеров. И в первую очередь надо назвать среди них Альберта Эдельфельта, у которого еще Стасов отмечал здоровый, свежий реализм.

Его полотно «Бабы из Руоколахти», не раз воспроизводившееся в русской дореволюционной печати под названием «Старухи у церкви», относится к лучшим достижениям финского искусства. Картина изображает простую сцену: где-то в деревне или же в небольшом городке у церковной стены собрались женщины и ведут разговор о своем. На первом плане четыре фигуры — четыре разных характера. Особенно замечательна моложавая женщина в красном платке, с узлом на коленях. Ее образ — это рассказ художника о трудной жизни бедного человека, рассказ без всяких прикрас. Сколько тяжелых дум в ее глазах, сколько тягостных мыслей на лице! Великолепно написан задний план картины, где особенно запоминаются милые маленькие девочки, по-взрослому, на крестьянский манер повязанные платками.

Кисти Эдельфельта принадлежит и эпическое полотно «Рыбаки с дальних островов», полное сурового величия. Эти простые труженики исполнены большой внутренней силы. Багровое небо как бы подчеркивает торжественность темы, посвященной прославлению человека.

Тема человека, человеческого достоинства пронизывает творчество выдающихся финских реалистов, таких, как Ярнефельт, Халонен, о работах которых с большим сочувствием писал Горький.

Произведение Э. Ярнефельта «Подневольный труд» носит и другое название — «Пожоги». Картина изображает людей на пожарище. В центре холста — девочка с перепуганным, измученным лицом. В ее хрупкой фигурке, в бледном, измазанном сажей личике столько горя, что впечатление от картины грустное.

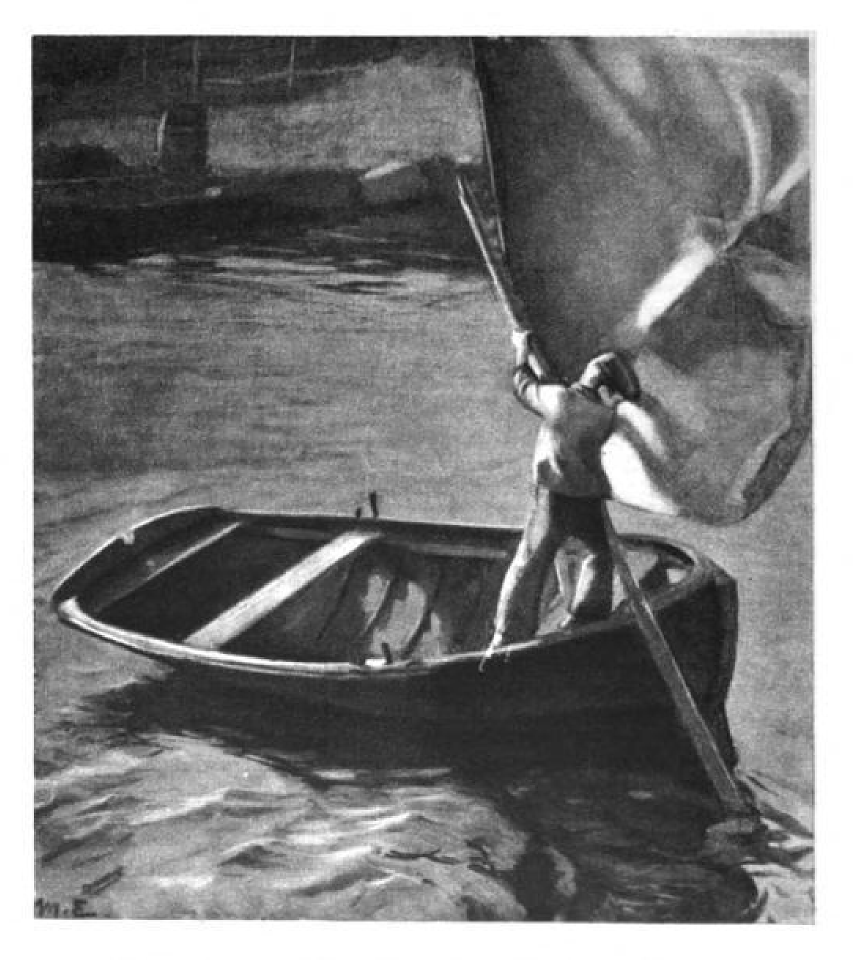
Ярнефельт умел быть и мягким лириком. Его «Возвращение из леса с ягодами» — бесхитростный рассказ о крестьянской жизни, где привлекают зрителя дети, тепло написанные художником: один — постарше, в непомерно большом картузе, другой — совсем маленький, смешной белобрысый парнишка.

Правдива и выразительна картина П. Халонена «Сплавщики у костра». Талантливо написано полотно Хелены Шерфбек «Выздоравливающий ребенок», в котором художница трогательно рассказала о возвращении к жизни. Виртуозно владел формой живописец Г. Берндсон. И, наконец, истинный шедевр — полотно «Первый урок» Аксели Галлен-Каллелы, которого в числе других художников запечатлел Репин в своем полотне «Финские знаменитости».

«Первый урок» перекликается с полотнами передвижников. Картина изображает дочку бедного рыбака, которая в жалкой лачуге впервые в жизни берется за книгу. На лице отца радость: очень хочется ему, чтоб выросла дочка грамотной. И так это трудно!

Картина написана сильной, мужественной кистью и написана по натуре. Это было время, когда Галлен-Каллела выступал как реалист, художник-демократ. Но позднее, примерно с 1894 года, он безоговорочно порвал с реализмом. Его картины на темы «Калевалы», созданные в более поздний период, носят печать увлечений символикой.

Начало XX века ознаменовывается проникновением в финскую живопись чуждых влияний. Группировки художников «Септем» и «Ноябрьская группа», сложившиеся под воз-

Энкелл Магнус (1870—1925). «МАЛЬЧИК С ПАРУСОМ».

Ярнефельт Ээро (1863—1937). ПОДНЕВОЛЬНЫЙ ТРУД. 1893 год.

действием некоторых французских школ, на наш взгляд, вопреки мнению нынешних финских искусствоведов оказали плохую услугу развитию финского искусства. С этого времени живопись становится во многом отвлеченной, и, за исключением работ некоторых художников, трудно назвать произведения, радующие свежестью мысли, живыми наблюдениями, народной основой. Выходом было бы обращение живописцев к своему культурному наследию, возрождение национальных традиций.

Группа финских художников, побывавшая в связи с открытием выставки в Советском Союзе, посетила Третьяковскую галерею, Русский музей в Ленинграде, осмотрела некоторые мастерские советских живописцев. Наши гости участвовали в творческом обсуждении выставки, организованной Академией художеств СССР.

Гости рассказывали нам, что многое из увиденного у нас принесло им большую пользу. Они говорили: мы теперь убедились в том, что только реалистическое искусство может быть доступно народу и нужно ему. Только реализм поможет возродить замечательные традиции финской живописи: человечность, жизненность, глубину психологических характеристик, раскрытие национальных черт.

Но если современная финская живопись еще во многом оторвана от народа, то финская скульптура неразрывно связана с народным искусством. В современном финском искусстве заслуженное место заняло творчество Вяйнё Аалтонена, одного из лучших ваятелей нашего времени. Его двенадцать работ, показанных в Москве,— пожалуй, самое интересное на выставке. «Композитор Сибелиус» Аалтонена привлекает нас поэтичностью облика. Как мастерски вылеплены его руки — тонкие, нервные руки музыканта! Полон мыслей и творческих замыслов «Писатель Алексис Киви». Необычен по глубине психологической характеристики портрет профессора Даниельсона-Калмари. Знаменитая в Финляндии статуя бегуна Пааво Нурми говорит об отличном умении Аалтонена передать красоту и силу человеческого тела.

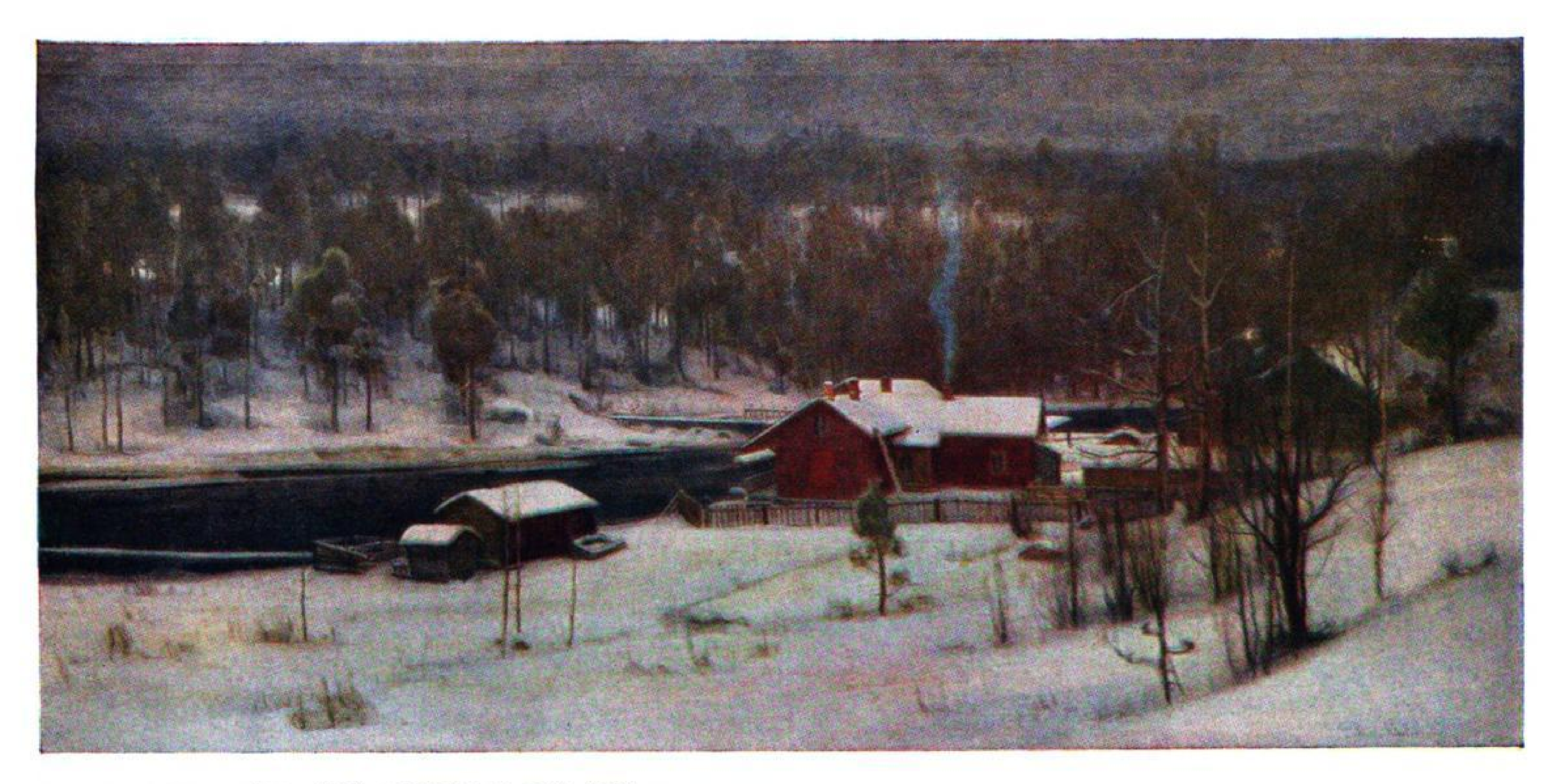
Интересно, что Аалтонен в молодости собирался быть живописцем и образование получил в школе живописи. Скульптурой он занимался лишь как самоучка. Чтобы овладеть мастерством обработки камня, свой летний отпуск Аалтонен проводил в городе Турку, где работал обыкновенным каменщиком.

Творчество финских скульпторов правдиво и жизненно, и в этом источник их достижений. Привлекают знание человеческого тела, четкая лепка фигуры в «Сидящей девочке» Е. Рясянена, интересна композиция «Отец и сын» А. Тукияйнена, где запечатлена мысль о неразрывности двух поколений, о силе и мощи, таящихся в человеке. Интересны психологические характеристики в портретной галерее Эсси Рэнвалл, работающей с оксидированной бронзой.

И, конечно, особенный интерес представляют финские мастера резьбы по дереву, следующие в своем искусстве народным традициям. Большой успех имели у москвичей работы Х. Аутере и А. Каасинена. А. Каасинен создает живые, полные юмора сценки. Его

Халонен Пекка (1865—1933). СПЛАВЩИКИ У КОСТРА. 1893 год.

Вестерхолм Виктор (1860—1919). МЕСТЕЧКО У РЕКИ. 1904 год.

группа «Баня», комическая пара «Придешь ли вечером на станцию?» и другие необычайно привлекательны.

И в графике, несмотря на тяготение отдельных художников к чисто формалистическим изощрениям, мы отмечаем неослабевающий интерес к человеку, к природе: офорты, литографии, гравюры Э. Тантту, Х. Симберга, А. Финча, Х. Ниеминена, Т. Тапиоваара и других.

Выставка финского изобразительного искусства была значительным событием в культурной жизни Москвы; это подтверждает и тот факт, что каждый день выставку посещало больше тысячи человек.

Как бы символизируя стремления обоих народов — советского и финского,— над всею выставкой возвышается вдохновенная статуя Аалтонена «Мир», статуя, заслуженно удостоенная золотой медали Мира.

Эдельфельт Альберт (1854—1905). РЫБАКИ С ДАЛЬНИХ ОСТРОВОВ. 1898 год.

Галлен-Каллела Аксели (1865—1931). ПЕРВЫЙ УРОК. 1889 год.

Павел КРАВЧЕНКО

Рисунки П. Караченцова.

Нет, встреча с новым классом вышла совсем не такая, как мечталось. Она оглядывала детей, и ей понравился задорный хохолок Степы Носкова. А Степа Носков, улучив момент, когда Лидия Федоровна отвернулась, довольно громко сказал ребятам:

— Ага, новенькая учительница. Ну, ничего, мы и ее доведем до точки.

В классе засмеялись.

А Лидия Федоровна растерялась и не нашла нужного ответа. На первом же уроке было шумно. Ребята резвились, и Лидия Федоровна не знала, как их унять. Старалась говорить громче, но и шум становился сильнее. Тогда она умолкла. Вскоре замолчали и ребята, удивленно глядя на нее. Она спросила их совсем тихо и грустно:

— Что, мальчики, разве вам не нравится урок?

Никто ничего не ответил, но в классе стало куда тише.

— Ведь это же у меня получился совсем не педагогический прием,— сказала на перемене молодая учительница директору Екатерине Николаевне.— Понимаете, кажется, я просто возбудила у них жалость к себе.

— Ну, Лидия Федоровна, педагогические приемы бывают настолько разнообразны и неожиданны, что не уложатся ни в какой формуляр. Ваш шестой «Б» — очень трудный класс. Мария Николаевна в прошлом году с ним не справилась. Всякие приемы у вас еще будут. А самый главный прием — не вешать носа.

Дверь учительской быстро отворилась, и вошла женщина в малиновом пальто и в зеленой шляпе.

— Кто здесь руководительница шестого «Б»? — спросила она.

— Я.

— Вы?! — Брови из-под зеленой шляпы удивленно поднялись.— Но, простите меня... сколько вам лет?

— Двадцать пять,— и Лидия Федоровна покраснела: на самом деле ей было двадцать.

— М-мм... Извините меня, можно мне поговорить наедине с директором? Я мать Эдика Павлова.

Наедине с директором мать Эдика Павлова попросила перевести сына в другой класс, где «учительница была бы опытнее и... ну, солиднее, что ли. Это же у меня единственный!» Последовал отказ: молодость — совсем не отрицательное качество для учителя.

Павлова ушла рассерженная, а Лидия Федоровна подумала: «Ничего у меня не получится, и в учительницы я все-таки не гожусь». Зачем она сказала неправду про свой возраст? Ведь, как говорили в учительском институте, контакт с родителями — это очень серьезная часть воспитательной работы.

Вскоре заболел Степа Носков — тот самый, который собирался «довести учительницу до точки». И Лидия Федоровна отправилась к нему на квартиру.

«Контакта с родителями» и на этот раз не получилось: родителей просто не оказалось дома. Степа лежал в постели одетый, но босой и на стук ответил:

— Ну кто еще там?

Когда Лидия Федоровна вошла, он отвернулся к стене. На полу лежали книжки, тряпка. У печки мелко изорванная бумага. На столе грязная посуда. Учительница спросила:

— Может быть, ты пригласишь меня присесть?

— Садитесь,— буркнул Степа и посмотрел на нее одним глазом.

— Какая у тебя температура?

Степа не торопился с ответом. Нехотя сказал:

— Сегодня нормальная. Врач велел в школу завтра.

— Где мама?

— На работе.

— Когда она убирает комнату?

— Ну... вечером, когда вернется, тогда и убирает.

— Встань с кровати!

Степа свесил ноги с кровати и озадаченно посмотрел на учительницу.

— А что такое?

— А то, что тебе должно быть стыдно: мать весь день на работе, а ты для себя и для нее убрать комнату не можешь! Ну, бери же веник!

Пришлось Степе убрать комнату, перемыть посуду. Потом Лидия Федоровна показала ему уроки, дала задание.

— Теперь дай мне, пожалуйста, попить воды.

Степа принес ей стакан на блюдце.

«Почему самый непослушный из учеников сегодня был так послушен? — размышляла она по дороге в школу. — Наверное, потому, что я сама даже не допускала и мысли, что он может не выполнить приказание. Эта убежденность передалась ему. И потом, мать свою он, конечно, любит... «Педагогические приемы»? Да, тут есть о чем подумать... Есть ли вдохновение в учительской работе? — И сама себя обрывала: — Ну, тоже вдохновение! Заставила тринадцатилетнего мальчишку пол подмести! Вот тебе и вдохновение. А он все-таки лодырь: лень комнату убрать».

Ходила, обдумывала, а на следующий день поговорила с ребятами о том, какую неожиданную радость может доставить человеку его трудолюбие. Память вовремя подсказала когда-то читанные слова Чехова: «...Праздная жизнь не может быть чистою». И не пожалела она еще одной цитаты — из Горького: «Человек- это звучит... гордо.» Многие ребята впервые слышали эти слова. И говорила-то она будто с подъемом, а ребята слушали рассеянно.

«Да, мораль читать детям — самая легкая часть работы,— с огорчением размышляла она дома, ложась спать.— Ни после одной, ни после десятка бесед мальчики еще не переменятся, как в сказке, и не станут сразу и поголовно умилительно-трудолюбивыми. Ой, до чего же много работы! А ведь еще зачеты в вечернем педагогическом институте...»

Труднее всего оказалось решение так называемой проблемы взаимоотношений семьи и школы. Иногда становилось просто обидно: сколько родителей еще не понимают, какая это огромная и важная задача — вырастить человека! Думают: ходит в школу — и достаточно... Там воспитают... А мальчик в школе лишь пять — шесть часов в сутки. Но редкие отец или мать сами явятся, чтобы поговорить с воспитателем, выработать единый план действий. Даже в дневник не заглянут. Ждут, пока вызовешь. Ну, что же это такое? От непонимания это или... от равнодушия? Но как можно быть равнодушным к своим детям?

Бывает, оказывается, полезным поговорить не только с родителями, но и с их соседями. Сережа Чепков высокомерен с товарищами. Говорит: «Лидия Федоровна, что вы спрашиваете Ивана? Он в падежах столько же смыслит, сколько крыса в высшей математике!» А когда на литературном кружке Валерий Сергучев разволновался и, рассказав о гибели Пушкина, стал приподнятым голосом читать: «И славен буду я, доколь в подлунном мире жив будет хоть один пиит», — Чепков нагнулся к соседу и с кривой усмешкой довольно громко сказал:

— Распелся холерий-Валерий... бамбук-пиит.

Глупые, бессмысленные слова развеяли очарование пушкинских стихов. Ребята засмеялись. Валерий оторопел, потом залился краской и сел на место.

В этот же день, выходя из школы, Лидия Федоровна увидела, как Чепков, засунув руки в карманы, остановился перед третьеклассником и приказал:

— Ножик, про какой я тебе говорил, принесешь завтра. Понял?

— Ты про какой ножик говоришь, Чепков?

— А, это вы, Лидия Федоровна! Перочинный. Я Леньке вчера дал построгать, а он не несет.

— Вынь руки из карманов!

Чепков вынул из карманов руки и ушел.

Через несколько минут ее догнал третьеклассник с громким плачем:

— Лидия Федоровна, чего я сказать вам хотел! Не давал мне Сережка никакого ножика! Не давал!

Из разговоров выяснилось, что Чепков вымогает у самых слабеньких малышей вещи, угрожая, что если малыш «нафискалит» об этом кому-нибудь, то «не увидит больше ни папы, ни мамы». Так

он обзавелся сначала самокатом, а потом коньками, не считая «мелочей».

Лидия Федоровна пошла к родителям Сережи, но их не оказалось дома.

Соседи сказали:

— А что с ним говорить, с Василием Чепковым! Он «левша»-шофер.

— Как «левша»?

— Да так. Выдастся свободный часок, так он на государственной машине пассажиров возит, а деньги — себе в карман. Называется: «налево» работает. Придет домой, хвастает: «Сегодня пятьдесят целковых слева отхватил». Жена подхваливает: ты, мол, хороший у нас отец, заботливый. А Сережа слушает про отцовскую доблесть да на ус мотает.

— Почему же вы не разоблачите его?

— Попробуй разоблачи! Найди того пассажира, которого он возил! Слез с машины — и нет его. А не пойман — не вор.

Уходя, учительница расстроилась. Неужели так? Может, соседи поссорились и напраслину возводят? Ну, а если не напраслину? Как же можно таким родителям доверять воспитание члена нашего общества? Она ходила все-таки к шоферу Чепкову еще не раз. Слушая осторожные слова учительницы, шофер все посмеивался да посмеивался, а жена его неприязненно смотрела на гостью. Учительница решила, что соседи, наверно, рассказали правду. Она написала директору завода, на котором работал Чепков, большое и страстное письмо. Директор вызвал к себе Чепкова.

— «Налево» работаешь?

— Нет.

— На тебя сигнал такой поступил.

— А... милицейский протокол есть?

Что мог ответить директор? Он перевел шофера на внутренние перевозки, по заводскому двору. Тогда Чепков попросил расчет и перешел на другой завод.

Учительница потерпела неудачу? Нет, она считает, что только начала борьбу за Сережу Чепкова. Для начала завтра будет школьное комсомольское собрание, на которое пригласят Сережу Чепкова. В школе много замечательных ребят, которые, конечно, помогут справиться с Чепковым, проследят и дальше за его поведением. Пионеров в классе тоже много. Школа не позволит, чтобы из Сережи Чепкова вырос негодяй... А вот как быть с шофером-«левшой», на которого пока нет «милицейского протокола»? «Ничего, доберемся и на тот завод, куда он перешел!»

Положим, взаимоотношения семьи и школы редко выливаются в такие конфликты. Бывает поругому. Сын Варвары Сергеевны Топорковой Миша поставил своеобразный рекорд: за целый месяц у него не было ни одной удовлетворительной отметки — одни двойки. Лидия Федоровна сходила к Топорковой. Оказалось, что Варвара Сергеевна живет вдвоем с сыном, работает уборщицей, грамота у нее невелика и проверять мишины уроки ей не под силу. Лидия Федоровна попросила одного девятиклассника, жившего по соседству, помогать Мише, часто занималась с ним сама. Миша стал веселее: двойка осталась только по английскому. И теперь, когда Лидия Федоровна подходит к школе, она каждый раз встречает ожидающую у ворот Варвару Сергеевну: школа по дороге на работу, а поводов для разговоров с учительницей оказалось много.

Путь дальнейшего воспитания Чепкова хоть и труден, но ясен. У Топоркова, конечно, впереди будет тоже много трудностей, но и здесь все ясно.

А вот как быть с Эдиком Павловым, пока неясно.

Его мать вернулась со своей дачи в Москву только в ноябре. А весь сентябрь и октябрь Эдик находился под присмотром домашней работницы и престарелой бабушки. Через день после приезда мать отправилась в школу, отыскала Лидию Федоровну и с первых же слов ошеломила ее:

— Я так и знала, что вы мне испортите ребенка! Что вы с ним сделали? Он, оказывается, курит. Это в школе его учат курить?

— Специальных курсов у нас нет для этого.

— О господи, когда же в наших школах будут приличные учителя и воспитатели! Я вас спрашиваю: почему он вчера домой пришел в двенадцать часов ночи? Где он был в это время?

— Не знаю. Вчера он на занятия не приходил. Сейчас я собиралась написать вам об этом записку.

— Не может быть! Я сама его отправляла и сама вот этими руками, — Павлова показала руки в расшитых перчатках, — завязывала ему шарф!

— А я с вами давно уже хочу поговорить о вашем сыне. Может быть, вы успокоитесь и присядете?

— Ах, значит, я должна успокоиться? Этого вы не дождетесь. Не рекомендую дерзить мне.

И ушла.

Ох, трудно иногда «налаживать контакт» с родителями!

А класс каждый день приносил что-нибудь новое. Рассказы русских классиков часто грустны. Детям же свойствен оптимизм. И многие из ребят, рассказывая, например, о жизни Шевченко, вдруг начинали задорно и упоенно фантазировать о том, какая жизнь была бы у поэта Шевченко сейчас. Подобным же образом решил отличиться и Витя Чурилкин. Ответив на вопрос, что особенно понравилось Тургеневу в Павлуше из «Бежина луга», он очень внушительно заключил:

— А сейчас СССР — оплот.

— Что? — не поняла Лидия Федоровна.

— Оплот, — подтвердил Витя и сел за парту.

И, только идя домой, Лидия Федоровна вспомнила, что вчера она сама в классе произнесла это слово. Бегло упомянув о том, что наша страна — оплот свободолюбивых сил всего мира, она, не задержавшись на этом, продолжала говорить уже о другом. Вите Чурилкину понравилось новое, не очень понятное для него слово, и он решил козырнуть им.

Это был урок и для нее. Равнодушно можно говорить о цвете волос соседки. Есть слова и понятия, о которых походя, равнодушно говорить нельзя. Слова ведь есть и такие: родина, честь, коммунист, любимая. И, пожалуй, их нужно произносить пореже и никогда не говорить зря: от частого употребления слово, как даже самая лучшая сабля, зазубривается, теряет силу. Кто постоянно болтает о чести, как и о своей любимой, тот вызывает недоверие. Гордые, большие слова не произносятся казенным, бесстрастным голосом и созданы не для того, чтобы их утомительно вызубривать наизусть.

Кому бы лучше знать об этом, как не ей, преподавательнице русского языка!

Она думала о языке, и частенько возникала обида на составителей учебников. Вчера Миша Топорков остался после уроков в классе. Зайдя к нему, чтобы помочь, Лидия Федоровна услышала, что он подозрительно часто сморкается.

— Что с тобой?

— Да вот, Лидия Федоровна, вы велели повторить мне на странице сорок девятой... А тут написано: «Согласно морфологическому принципу в безударном положении пишутся, как общее правило, такие согласные, которые пишутся в той же части слова... когда эта часть стоит под ударением...» Пишутся, пишутся... Ничего я вовсе тут не понял. А кончается: «Таким образом, морфологический принцип письма исходит из производства слов, из живых связей между родственными словами. Благодаря этому облегчается чтение и понимание писанного (напечатанного) текста...» Ничего я не понял, чего тут облегчается! — И Миша снова усиленно засморкался. Да, даже педагог с трудом мог разобраться в языке этой «Грамматики русского языка», вышедшей в Учпедгизе в 1950 году.

Пришлось долго рассказывать и наконец удалось объяснить понятно. А ведь и без того как перегружены наши программы! Даже очень способному ученику для приготовления уроков надо сидеть за столом все свободное от школы время. Книжку, если она не входит в программу, почитать некогда. На лыжи и коньки остается в сутки не больше часа... А тут еще в учебнике такой стиль объяснений!

* * *

Позади первая половина учебного года. И стóит теперь подумать: что ты сделала за это время и способна ли ты, именно ты, быть учительницей?

Во-первых, опыт. Даже не думалось, что за полугодие можно так много понять. Потом ученики. У каждого свое лицо, свой, не похожий на других характер. Бывший «круглый двоечник» Миша Топорков к концу полугодия наконец и по английскому языку ликвидировал свою последнюю двойку. Появились у него четверки, как первые ласточки. Оказалось, что он может быть очень трудолюбивым. К концу года должны быть у него и пятерки. Обязательно!

То, что в институте называлось «индивидуальным подходом к ребенку», стало просто обычным чутьем. Например, выяснилось, что если Гришу Зайцева громко похвалить перед классом за первый, пусть случайный успех, то Гриша Зайцев примется заниматься с невиданным азартом. Тогда достаточно опять вслух сказать: хорошая работа Гриши, мол, стала нормой, — и он изо всех сил постарается работой доказать, что

иначе о нем, о Грише, и говорить нельзя. Но это легкие педагогические успехи, основанные на том, что и Миша и Гриша — люди впечатлительные.

Бывает труднее. Занятия спортом для подростка — дело необходимое. Но нельзя же целыми днями просиживать на стадионе «Динамо», как это делал Володя Скворцов. Мальчик оказался упорным, на него не действовали никакие уговоры. По всем предметам он сильно отстал. Ничего с ним не могли сделать и родители. На всех переменах Володя в экстазе повествовал о своем любимом футболисте. Пришлось сходить к этому футболисту, благо стадион рядом. Футболист внимательно выслушал учительницу, улыбнулся, и через два дня он уже беседовал с Володей, неимоверно осчастливив мальчика. Неизвестно, о чем они там говорили, но после этого Володя свирепо налег на уроки, а на стадион ходил раз в неделю — по воскресеньям, — причем нередко подходил к своему кумиру и о чем-то ему рапортовал... Надолго ли только хватит у Володи выдержки?

Хилого и безропотного Сеню Белова, застенчиво сторонившегося всех своих товарищей, наоборот, пришлось уговорить вступить в гимнастическую секцию. А Кириллу — старосте секции — потихоньку, на ухо, было дано доверительное поручение («Между нами, понимаешь?»), чтобы никаких насмешек над Сеней не допускать, взять Сеню под свое покровительство.

— Этого требуют наши с тобой, Кирилл, педагогические цели. Ясно?

— Есть, будет сделано, Лидия Федоровна!

И вскоре Сеня с Кириллом стали неразлучными друзьями.

Не до конца подобран ключ к Степе Носкову. Правда, он давно уже не говорит: «Мы эту учительницу доведем...» Он стал серьезнее и даже учится хорошо. Но когда в класс пришла комиссия из Мосгороно, Степа демонстративно явился на урок без галстука, позевывал, к доске вышел, не торопясь, вразвалку, а как только зазвенел звонок, встал из-за парты и побежал из класса, не дожидаясь разрешения.

— Почему ты себя так вел, Степа?

— А что, Лидия Федоровна, я специально для них буду стараться? Ходят тут, проверяют!

И двое учителей по другим предметам жалуются, что ведет он себя из рук вон плохо... Недавно снова рогатку отобрали.

И как же все-таки быть с франтоватым и независимым Эдиком Павловым? Учится он временами хорошо, а чаще плохо. Напускает на себя равнодушно-утомленный вид. На уроке, полуприкрыв тетрадью книгу, читает какие-то засаленные бульварные романы выпуска 1912 года. Иногда прогуливает, старается говорить в нос и думает, что так он походит на иностранца.

Но одну деталь Лидия Федоровна запомнила очень хорошо.

В журнале «Советский Союз» была напечатана фотография мальчиков одной из московских школ. Журнал этот попал в далекий французский город Марсель. И четверо ребят — дети марсельских докеров — написали в московскую школу письмо. Они писали, что вот уже целых полмесяца помогают своим родителям, оставшимся без работы: разносят по квартирам ручную кладь с овощного рынка; что им, марсельским детям, хоть одним глазком хотелось бы взглянуть на русские дворцы пионеров и на детские санатории, о которых они читали в журнале и слышали от родителей; что они немножко завидуют московским школьникам и от всего сердца желают им счастья.

Это письмо Лидия Федоровна взяла у своей приятельницы-учительницы и прочла вслух на сборе отряда. И она хорошо помнит, как задумался Эдик Павлов, как потом подошел и из-за плеч ребят вглядывался в письмо с незнакомой маркой. Какая-то новая мысль рождалась в его голове. Или, может быть, ей просто очень хотелось, чтобы так было... Ведь это пишут именно иностранцы, жизнь которых Эдик представлял по старым романам. Задумался ли он сегодня над этим? Ох, как бы здесь нужна была помощь родителей! Но с матерью Эдика Павлова разговаривать, кажется, бесполезно. А вот с отцом... Она еще ни разу не видела его, а увидеть надо.

Столько дел впереди, и с каждым нужно управиться! Хочется, очень хочется, чтобы вторая половина учебного года прошла лучше первой!

Вот только еще если бы каждый взрослый помнил: это и его долг и его кровная ответственность — воспитать нового человека.

Михаил ЛЬВОВ

Чья эта каска, у земли спросите!
Прострелена — живого места нет,—
Чужая каска светится, как сито,
Валяясь на кургане десять лет.

Столкнуть ее с Мамаева кургана!
Зачем лежать ей столько лет подряд?
Шли экскурсанты (из-за океана)...
И я не тронул каску. Пусть глядят!

МУЗЕЙ имени Пушкина

История этой богатейшей сокровищницы искусства многих народов начинается с 1912 года, когда при Московском университете был открыт музей первоклассных слепков со скульптур античности. Сейчас значение этой коллекции возросло в связи с тем, что многие подлинники погибли во время войн. После Октябрьской революции музей начал приобретать живописные оригиналы западных художников и гравюры иностранных и русских мастеров.

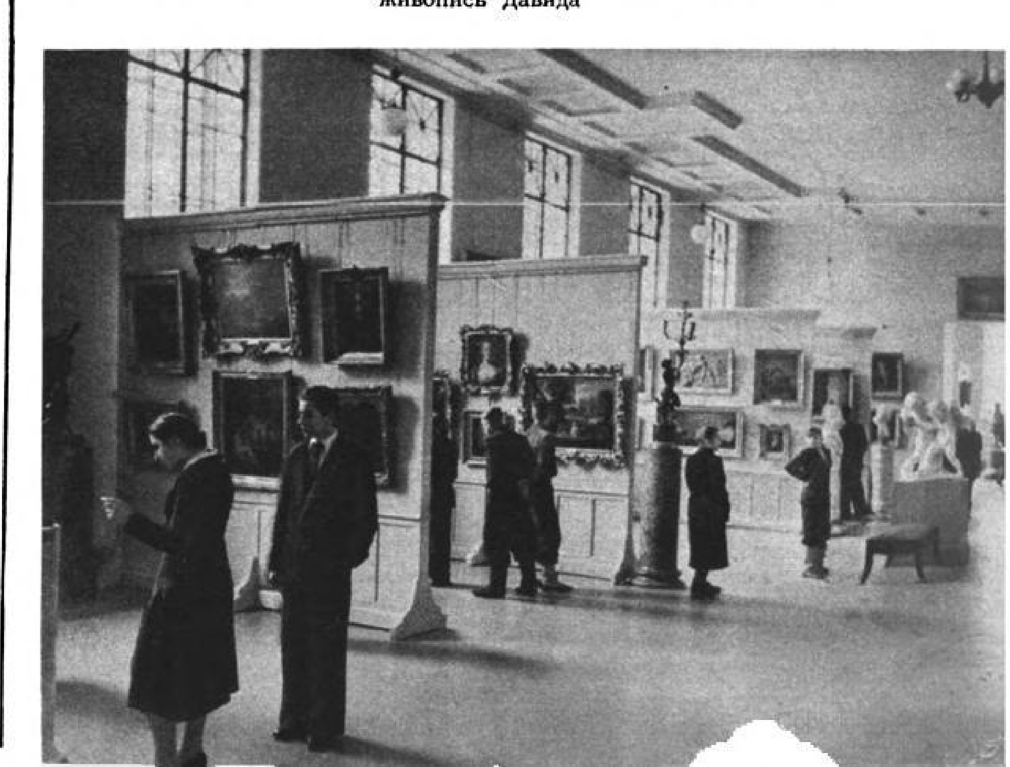
Ныне эта коллекция по праву считается одной из лучших в мире. Здесь собраны работы художников, на многие века вписавших свои имена в историю мирового искусства: Рембрандт, Рубенс, Пуссен, Ватто, Давид, Домье, Коро, Курбе... Произведения этих художников силой таланта, правдивостью передачи, высокой живописной техникой ярко воспевают природу, глубоко раскрывают жизнь людей, рассказывают о их характерах, умах и сердцах, изображают житейское и героическое, повествуют о чувствах, страстях, борьбе...

Посетители знакомятся здесь с искусством различных времен и народов: древнего Востока, античной Греции и Рима, с живописью Италии, Нидерландов, Франции, Англии, Германии и других стран с XIII по XX век.

В экспозиции, которая недавно открылась в музее, представлено свыше 6 тысяч произведений. Многие работы показываются впервые. Вновь созданы зал Северного Причерноморья и отдел древнего государства Урарту. Значительно шире, чем прежде, музей знакомит посетителей с искусством Нидерландов XVI века и Франции. Открыт новый раздел французской живописи — с семидесятых годов XIX века до нашего времени.

Задолго до открытия у входа

Зал французского искусства XVII—XVIII веков. Здесь большие красочные полотна Пуссена на мифологические сюжеты соседствуют с изящными, грациозными по рисунку и вместе с тем правдивыми картинами Ватто, декоративная живопись Буше — с простыми и ясными натюрмортами Шардена, рядом с сентиментальным Грёзом — мужественная, романтическая живопись Давида

собирается народ — москвичи и приезжие. Одни знают хорошо коллекцию и пришли ознакомиться с новой экспозицией, другие посетят музей впервые. Впрочем, таких меньше, и их сразу можно узнать: они ходят вдоль ограды, любуясь зданием, его изящным портиком, легкими колоннами, — для них осмотр уже начался.

Но вот доносится бой Кремлевских курантов, и посетители заполняют залы.

У пейзажей Гюбера Робера, французского художника XVIII века, разговорились архитектор А. Д. Сурис и курсант военно-морского училища Владимир Ефремов.

Владимир любит живопись, интересуется архитектурой. Вот и сейчас, приехав в Москву на каникулы, он успел побывать в Третьяковской галерее, музеях Революции и истории и реконструкции Москвы. Здесь, в новом зале Причерноморья, в античных и египетском залах, он познакомился с архитектурой тех времен. Сурис рассказывал юноше, как Робер своими живописными работами, подобно итальянцу Пиранези в гравюре, сильно повлиял на современную ему архитектуру.

У пейзажей Робера. Архитектор А. Д. Сурис и курсант военно-морского училища Владимир Ефремов.

Семья рабочего Н. С. Васильева в египетском зале.

Генерал-майор И. И. Жибуркус у стенда французской графики.

Члены семьи московского рабочего Н. С. Васильева начинали осмотр с египетского зала. К Васильеву пожаловали гости — родственники с Украины, Смоленщины, из колхоза Витебской области, и все вместе решили осмотреть достопримечательности Москвы.

Все здесь привлекало их внимание — и архитектурное оформление египетского зала с характерными папирусообразными колоннами, и памятники первобытного искусства, относящиеся еще к концу IV тысячелетия до нашей эры, — сосуды из камня и обожженной глины, покрытые узорами, монументальные статуи и один из лучших в мире памятников древнего Египта — надгробная плита с плакальщиками.

Генерал-майор Иван Иосифович Жибуркус рассматривал произведения искусства времен французской революции XVIII века.

— Очень хорошо, что здесь так полно представлена графика этого периода: и гравюра, и народный лубок, и политическая карикатура — искусство наиболее оперативное и документальное...

Жибуркус живет в Вильнюсе и это собрание посетил впервые. Ему очень понравились залы итальянской живописи XV—XVII веков, залы Рембрандта, Рубенса, древнего мира.

— Видно, что музей уже тесен для такой коллекции, — продолжает Иван Иосифович. — Вот смотрите, картины развесили в два ряда, а это лишает возможности прочесть подписи под верхними. Жаль, что не нашлось места для современной скульптуры. А в общем надо, видно, строить высотные дворцы искусства, чтобы сделать доступными для обозрения все сокровища, которыми владеют наши музеи.

В «Итальянском дворике» за мольбертом сидел дипломник художественного факультета Всесоюзного государственного института кинематографии Юрий Истратов. Студенты художественных вузов здесь постоянные посетители: они пишут копии с картин, воспроизводят в рисунках скульптуру. Истратова, как будущего художника-декоратора, оформителя кинофильмов, интересовало внутреннее устройство здания — его интерьеры.

У школьниц Молотовской области — Люды Пономаревой, Аиды Щербаковой и Аллы Остарковой — за время осмотра накопилось множество вопросов. С завистью читали они объявления о том, что в музее существует специальный лекторий не только для

Студент Ю. Истратов зарисовывает «Итальянский дворик». «Итальянский дворик» с лестницей и колоннадой воспроизводит внутренний дворик здания XIV века во Флоренции. Здесь выставлены скульптуры итальянского Возрождения — работы величайших мастеров Донателло, Вероккио, Микельанджело. На снимке в глубине: скульптуры Микельанджело — «Давид» и «Плач над телом Христа».

взрослых, но и для школьников, что здесь проводятся тематические экскурсии в соответствии со школьными программами, а с февраля будут работать детские кружки. Позавидовав московским ребятам, уральские школьницы атаковали вопросами консультанта: их интересовало содержание картин, биографии художников, история отдельных памятников. Впрочем, этим интересовались не только школьницы.

Посетителей привлекает зал Северного Причерноморья; все экспонаты в нем — подлинники. Интересна их история.

Портретная скульптура Неокла, правителя древнего города Горгиппии (II век н. э.), была обнаружена в Анапе в 1939 году при установке телеграфных столбов. Маленькие скульптуры, монеты, черепки посуды нашли и передали музею школьники. Местными жителями найден в Крыму в 1939 году и великолепный памятник IV века до н. э. акротерий — величественное надгробие, виртуозно вырубленное из целого куска мрамора.

Но большинство экспонатов добыто участниками довоенных и послевоенных специальных археологических экспедиций, проводившихся музеем.

Сейчас ведутся раскопки в Керчи. Найденные там надгробия, вазы, фрагменты архитектурных сооружений, терракотовые статуэтки (VII—V вв. до н. э.) знакомят с

Уральские школьницы Люда Пономарева, Аида Щербакова и Алла Остаркова беседуют с консультантом Н. Кнорре.

культурой и бытом древнего города Пантикапеи.

Одна из экспедиций работает близ столицы Армении — на холме Арин-Берд, в районе древней урартской крепости Еребуни. Лишь второй сезон ведутся здесь раскопки, но уже выявлены на обширной территории, окруженной мощной крепостной стеной, дворцовые помещения крупнейшего урартского административного центра (VIII в. до н. э.).

Предметы, найденные экспедицией, пролежавшие более двух тысяч лет под землей, поступают подчас в таком виде, который может вызвать восхищение только специалистов: это десятки, а то и сотни мельчайших грязных осколков. Небольшой женский гребень был собран здесь из 51 найденной детали, стеклянный сосуд склеен из сотен частиц. Смонтированы и акротерий, и скульптура Неокла, и другие произведения искусства.

Реставраторы применяют свое искусство не только к вновь поступившим памятникам. Они постоянно наблюдают за всеми экспонатами: ведь от времени рассыпаются даже камни. Требуются неустанная профилактика, строгий режим.

Дважды в день научные сотрудники проверяют температуру и влажность воздуха.

— Реставратор, — улыбаясь, говорит Павел Дмитриевич Корин,— это как врач, который изо дня в день наблюдает за состоянием вашего здоровья.

Лауреат Сталинской премии художник Павел Дмитриевич Корин 25 лет руководит реставрационной мастерской живописи. Вряд ли в экспозиции наберется сотня картин, которые не прошли бы у него курса лечения. Стоит заглянуть хотя бы в одну из семи больших книг — записей реставраторов (первая датирована 1929 годом) — и вы сможете проследить все заболевания картин, их лечение и результаты. Впрочем, о результатах лучше судить по экспозиции. Ни на одной картине не видно ни трещин, ни царапин, ни осыпей грунта, ни вздутий, ни помутнений, ни потемнений и, что не менее важно, не видно и следов предпринятого лечения. Столь высоко мастерство сотрудников, столь высока техника реставрации.

Все оборудование мастерской создано или смонтировано здесь же художником-реставратором Б. М. Шаховым.

Немало славных открытий принадлежит реставраторам музея. Всему мировому искусствоведению памятна история с портретом Форнарины работы Джулио Романо, ученика Рафаэля. На портрете, который поступил в музей, Форнарина была задрапирована в тяжелую, плотную ткань. Во время реставрации Корин обнаружил, что у картины два слоя живописи: верхний—одежда Форнарины — написан в XIX веке. Сама же картина — обнаженная натура — написана в XVI веке. Путем тщательнейшей ювелирной реставрационной работы картине удалось вернуть ее первоначальный вид. Здесь же был открыт женский портрет Рубенса, украсивший коллекцию. Неоднократно удавалось устанавливать, кто из известных мастеров являлся автором той или иной картины или гравюры. Немалую лепту в историю мирового искусства внесли и другие работники. В этом нетрудно убедиться, просматривая многочисленные исследования, изданные музеем.

Рамки работы коллектива значительно расширяются передвижными выставками: научные сотрудники организуют их из фондов музея для многих городов Союза.

В Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина обращаются за консультациями и периферийные музеи и отдельные любители искусства. Здесь проходят практику студенты-искусствоведы и работники музеев. Больше ста тысяч книг по изобразительному искусству имеется в библиотеке. Она обладает редкими, уникальными изданиями.

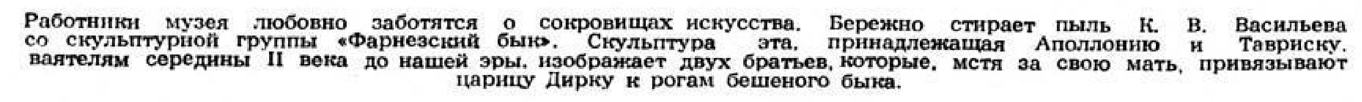
И каждый день новые книги поступают в библиотеку и новыми произведениями искусства обогащаются фонды музея. Строго и вдумчиво отбирает художественный совет музея пополнение — только первоклассные экспонаты достойны войти в эту коллекцию.

И. ВЕРШИНИНА,
Н. СВЕТЛОВА
Фото Е. Умнова.

Художники-реставраторы скульптуры Е. А. Болотникова и И. А. Касяненко.

В реставрационной мастерской живописи. Заслуженный деятель искусств, лауреат Сталинской премии П. Д. Корин (справа) и художники-реставраторы П. Т. Корина и Б. М. Шахов.

Работники музея любовно заботятся о сокровищах искусства. Бережно стирает пыль К. В. Васильева со скульптурной группы «Фарнезский бык». Скульптура эта, принадлежащая Аполлонию и Тавриску. ваятелям середины II века до нашей эры, изображает двух братьев, которые, мстя за свою мать, привязывают царицу Дирку к рогам бешеного быка.

Слева направо: директор музея Н. И. Слоневский, доктор искусствоведческих наук Б. Р. Виппер, А. Ф. Павлов и кандидат искусствоведческих наук А. А. Губер осматривают недавно приобретенный бюст Мольера работы французского скульптора XVIII—XIX веков Гудона.

СЕЛЬСКИЙ

— Ну, как, сынок, впору? — Знатная звеньевая колхоза имени Кагановича Т. И. Дергунова примеряет башмачки сыну Юре. Справа — продавщица А. Я. Лемина.

— Теперь сами обновы шить будем! — сестры Гришины Валентина (слева) и Нина пробуют только что купленную швейную машину. Справа — продавщица А. Ф. Коновалова.

Директор школы И. З. Александров и директор районного универмага Я. А. Явин встретились у прилавка. И. З. Александров выбирает ручные часы. Справа — продавщица Е. С. Кочнева.

Они встретились у прилавка: покупатель и продавец, сельский учитель и сельский кооператор. Довольный покупкой, директор школы Иван Зиновьевич Александров шутливо приветствовал директора районного универмага Якова Андреевича Явина:

«У дядюшки Якова
Хватит про всякого...»

Но Явин был настроен куда самокритичнее.

— Товар, конечно, имеется. Но ассортиментом пока не хвалимся. Вы, Иван Зиновьевич, «Победу» с ремешком купили? Хорошо. А соседке вашей нужна «Звезда» с браслетом. «Звезды»-то нет у нас, по разнарядке не получили.

Девушка, только что стоявшая у прилавка рядом с учителем, перешла тем временем в отдел трикотажа. Там подруги разглядывали на свет золотистую паутинку капрона. Молодые колхозницы приценивались к духам. Видно было по всему: девушки в нерешительности.

— Ясное дело,— уверенно определил Яков Андреевич, показывая на них,— хороши духи, но дороговаты. Девчата взяли бы, будь расфасовка помельче... Случается и с другими товарами непорядок. Примусов, например, у нас полно, а хозяйкам керогазы требуются.

Александров вдруг оживился:

— А рекламу кто создал вам, товарищ директор?

И оба рассмеялись, вспомнив, как несколько лет тому назад учитель первым в селе приобрел керогаз.

Учитель Александров и кооператор Явин знакомы давно. Иван Зиновьевич помнит время, когда Яков Андреевич, стоя за прилавком, один-одинешенек наторговывал за день на червонец с копейками. Вся лавочка его, громко именовавшаяся магазином сельского потребительского общества, могла бы легко уместиться в тележке некрасовского дядюшки Якова. Когда впервые стал за прилавок бывший батрак Яков Явин, колесная мазь и ситец считались дефицитными товарами. Хозяйки не раз в сердцах поругивали «красного купца». Но крестьяне шли все-таки в лавку сельпо: они верили в свою советскую кооперацию, доверяли Якову Андреевичу — земляку, активисту сельсовета.

С той поры, вот уж четверть века, хорошо говорят о кооператоре Явине по всему Больше-Вьясскому району, Пензенской области. Район этот глубинный, лесной. На холмах вокруг села бронзовыми отблесками горят на зимнем солнце стволы сосен, из-под снежных шапок зеленеет темная хвоя густых елей. Выйдешь за околицу, посмотришь вдаль — едва приметно петляет узкий проселок по снежной целине. Добрых тридцать километров протрясешься тут по ухабам, пока доедешь до первой железнодорожной станции. От иных колхозов куда ближе до железной дороги, ведущей в Пензу, чем до собственного районного центра. Но все-таки в воскресные дни едут за покупками в Большой Вьясс. Преодолевая заносы, ползут вереницы розвален, автомашин.

Успешно завершен сельскохозяйственный год в районе. Из двадцати пяти артелей девять — миллионеры. Значит, и покупателей больше приходит в районный универмаг, и товаров требуется больше, самых разнообразных.

Стоит оговориться: при слове «универмаг» представляешь себе многоэтажный дом с зеркальными витринами. Ничего этого, конечно, вы не увидите в Большом Вьяссе. Тут специализированные отделы районного магазина предстанут перед вами в одноэтажных аккуратных домиках, расположенных по соседству друг от друга на базарной площади. По вывескам можно узнать, где готовое платье и обувь, где ткани и трикотаж.

Бойко торгуют в Большом Вьясе в воскресный день.

Словно волшебной палочкой, взмахивает продавец своим метром, и по прилавку разноцветными потоками разливаются ситцы и шелка. Наталия Андреевна Доронькина из колхоза имени Димитрова облюбовывает, что поярче на платье. Надо бы за компанию и шерсти прихватить, но серое в полоску трико грубовато. Драп, хоть и первосортный, тяжел для женского пальто.

— А ну, товарищи женщины, разрешите и мне обновку справить! — И к прилавку протиснулся парень в расстегнутой шинели со следами недавно спороты петлиц.

УНИВЕРМАГ

— Мне на пальто как раз такой материал подойдет.

На парня зашикали: зачем очередь нарушает. Хотела было Таня Дергунова пробрать его как следует, но раздумала: больно уж парень-то симпатичный! И фуражка на нем солдатская с дыркой на месте звездочки. Не иначе как с военной службы недавно. Таким молодцом скоро и танин муж из армии вернется.

Таню Дергунову из колхоза имени Кагановича в пору величать по имени-отчеству: по всей области прославилось ее звено высокими урожаями конопли. Богатый аванс получила Татьяна Ивановна на трудодни и, захватив с собой четырехлетнего сынишку, приехала в Большой Вьясс за покупками: себе — на платье, сыну — ботинки, мужу — баян. Он еще в прошлом году писал из армии, что выучился играть. Приятно будет ему теперь, вернувшись домой, получить подарок от жены.

Много покупок сделали и сестры Гришины из колхоза «Заря коммунизма». Старшая, двадцатитрехлетняя Валентина, депутат Пензенского областного Совета, приобрела швейную машину. Младшая, школьница Нина, запаслась тетрадями и карандашами. Средняя, Татьяна... С нынешнего дня она зовется не Гришиной, а Куликовой. Прямо из районного загса пришла Таня в универмаг с мужем Анатолием — фельдшером сельской больницы. Своим домом собираются жить молодые. Нужна обстановка. В универмаге можно выбрать и шифоньер с зеркалом, и комод, и хорошую кровать.

На складе райпотребсоюза. Колхозники строительной бригады артели имени Дзержинского грузят шифер на автомашины.

В ответственном деле подбора обстановки важен совет старшего. Односельчанин Куликовых, седобородый колхозный конюх Гаврил Федорович Голицын, охотно проконсультировал молодых.

— Спасибо, дедушка. На свадьбу приходи!

— На рысаке прикачу, — говорит старик, показывая снятый с прилавка хомут.

В хозяйственном отделе вместе с шорными товарами хорошо идут гвозди, оконное стекло, прутковое железо. Зима — страдная пора для колхозных кузнецов, столяров, плотников.

Но не все товары, нужные деревне, вместишь под крышу магазина. На складе райпотребсоюза, неподалеку от универмага, в кузов машины колхозники грузят листы шифера.

На дворе под навесом стоит прицеп для автолесовоза, предназначенный колхозу имени Димитрова. За ворота только что выкатили четырехтонный «ЗИС»; его приобрел колхоз имени Фрунзе.

Откуда ни возьмись, взметая снежную пыль, подкатывает сверкающая синим лаком «Победа». Высокий человек в кожаном пальто, захлопнув дверь кабины, подходит к председателю райпотребсоюза И. Рузанову, жмет ему руку.

— Докладываю: автопробег город Горький — село Большой Вьясс проведен успешно. Материальная часть в порядке.

— Поздравляю, Михаил Кузьмич...

Агроном Михаил Кузьмич Бобров известен в районе как талантливый организатор колхозного производства. Всего три года назад, по окончании сельскохозяйственной школы, избрали его земляки председателем колхоза имени Кирова. Был тогда этот колхоз одним из самых отстающих в районе, а теперь стал миллионером. Новенькая «Победа» — третья по счету машина в автопарке кировцев — приобретена через потребительскую кооперацию и принята с конвейера Горьковского автозавода.

Восемнадцать автомобилей, легковых и грузовых, продал колхозам Больше-Вьясский райпотребсоюз за 1953 год.

Бывает, что обновки примеряют на улице...

...Окончен воскресный торговый день. Подсчитана выручка, и в графу прихода заносится пятизначная цифра. На девяносто с лишним тысяч рублей продано тканей, готового платья, обуви, мебели, посуды, хозяйственных товаров.

Богаче, взыскательней становится день ото дня сельский покупатель. Недавно еще любая женская обувь шла нарасхват, а теперь, с наступлением зимы, модельные туфли залеживаются на полках: колхозницам нужны теплые башмаки с меховой опушкой. Не находят сбыта дешевые радиоприемники «Тула» и «Искра»: радиолюбители спрашивают «Родину», хоть она и много дороже. Быстро раскупаются зимние мужские пальто, а женские которую уж неделю висят! Сколько ни твердили кооператоры, что не носят в деревне зимой пальто ярких расцветок, торговые базы продолжают засылать фиолетовые и пунцовые «салопы».

Сельские кооператоры думают над тем, как увеличить товарооборот, как расширить ассортимент за счет местных, районных ресурсов... Есть в Большом Вьяссе артель — неплохие делает стулья. Почему бы не организовать производство и другой мебели, той самой, которую ввозят сейчас из Пензы? Много кровельных материалов требуют колхозные стройки, а железа и шифера не хватает. Нужно делать черепицу — нужно и можно — тут же в районе, на промкомбинате, где изготовляется сейчас кирпич.

Дальновидно, с хозяйственной широтой советских людей мыслят сельские кооператоры в Большом Вьяссе. Энтузиасты своего дела, они стремятся, чтобы универмаг в районном селе хорошо обслуживал колхозного покупателя.

С. МОРОЗОВ

Фото С. Фридлянда.

— Мотор в порядке, отличный автомобиль! — Председатель колхоза имени Кирова М. К. Бобров (слева), колхозный шофер М. В. Талалин (в центре) и председатель Больше-Вьясского райпотребсоюза И. В. Рузанов осматривают новенькую «Победу».

ТРИДЦАТИПЯТИЛЕТИЕ

...Все было ненастоящее. Парики делали из пакли и овечьей шерсти. Рисовали самодельные декорации, которые теперь вызвали бы улыбку. Сами актеры шили себе костюмы, на оберточной бумаге писали афиши, призывавшие зрителей оказать им честь — посмотреть первый спектакль на татарском языке.

З. Саинов и М. Гайнуллина впервые вступили в кружок осенью 1918 года. Они участвовали в создании десятков спектаклей на татарском языке.

В дни юбилея коллектив показал спектакль «Славная эпоха» Т. Гиззата. На снимке — финальная сцена.

Настоящим было чувство, большое, глубокое чувство любви к искусству.

В октябре 1918 года на окраине Казани возник первый кружок любителей татарского театра. Заводские рабочие и служащие, юноши и девушки, затеяли важное для того времени дело: создали коллектив, который ставил пьесы на родном языке.

Дорогу показывал русский драматический театр в Казани. Здесь начинал творческий путь великий русский актер Василий Качалов. Немало и других талантливых актеров начинало свой путь в Казани. Русский театр и русская драматургия были учителями пионеров национальной театральной самодеятельности казанцев.

Сначала любители испытали свои силы на эстраде, читая стихи татарских поэтов, играя в одноактных татарских и переводных пьесах. Выступали они всюду, куда их приглашали: в школе, казарме, на заводе. Но вот в один день, поистине для них прекрасный, после долгих репетиций и творческих поисков они попробовали свои силы в большой драматургии — поставили пьесу «На дне», переведенную на татарский язык. Максим Горький, увековечивший старую Казань в своей знаменитой книге «Мои университеты», был для них писателем понятным и близким.

Постановка имела успех, и первый в Татарской республике кружок, начавший играть на родном языке, быстро завоевал признание зрителей.

В 1934 году в рабочем районе столицы Татарии построили Дворец культуры с хорошо оборудованной просторной сценой и вместительным залом. Здесь обосновался и театральный самодеятельный коллектив, уже накопивший к этому времени известный опыт.

Из года в год кружок самодеятельности расширяет репертуар. Пьесы наших и зарубежных классиков драматургии — Островского, Мольера, Гоцци, — лучшие советские пьесы видит татарский зритель во Дворце культуры в исполнении актеров-любителей. Разумеется, он может увидеть на сцене Дворца и произведения татарских писателей и в их числе «Галиябану» М. Файзи, «Огонь» Ш. Камала и другие пьесы татарских драматургов.

Самодеятельный коллектив Дворца культуры отличается высокой дисциплиной, сплоченностью и зрелым мастерством. Уклад жизни в кружке настолько прочно сложился за долгие годы, что, скажем, опоздание на репетицию расценивается как «чрезвычайное происшествие». Здесь не существует разделения на «выигрышные» и второстепенные роли. Люди живут одними интересами, и это чувствуется в слаженности всего спектакля. Способность перевоплощаться, умение находить яркие детали в трактовке образов, искусный грим, хороший вкус, проявляемый в оформлении спектакля, — все это неизменно выделяет коллектив на традиционных смотрах художественной самодеятельности Татарии.

Некоторые видные мастера профессионального татарского театра начинали свою артистическую деятельность именно здесь, в этом кружке. Артист Татарского государственного академического драматического театра К. Шамиль впервые приобщился к искусству в этом коллективе. Мы видим Шамиля на цветном фотоснимке среди старых друзей-любителей (второй справа) во время генеральной репетиции юбилейного спектакля «Славная эпоха» Т. Гиззата. Дружеские советы и сердечная критика мастера помогли кружку добиться крупного успеха в спектакле, который явился творческим отчетом любителей за 35 лет их театральной деятельности.

Г. Бухараев (слева) в кружке считается лучшим исполнителем характерных бытовых ролей и одновременно мастером грима. Он работает в кружке со дня его организации. С ним беседуют Х. Биккенина и Ш. Мансуров — тоже один из старейших деятелей коллектива.

Юбилейный вечер прошел при переполненном зале. Коллектив получил много поздравительных писем и телеграмм. Президиум Верховного Совета республики, отмечая заслуги коллектива в развитии национального театра, наградил его Почетной грамотой.

И поныне в работе кружка деятельно участвуют любители, которые пришли сюда на первые его репетиции. Они и сегодня с воодушевлением играют на сцене.

С. ХМЕЛЕВ

Участники юбилейного спектакля «Славная эпоха» Т. Гиззата беседуют с бывшим кружковцем, ныне артистом Татарского академического театра, К. Шамилем. Слева направо (стоят): руководитель коллектива художественной самодеятельности К. Мухаметзянов, Г. Бухараев, Ш. Мансуров, М. Гайнуллина, заслуженный артист Татарской АССР К. Шамиль, Д. Курбанова; сидят: З. Саинов и Х. Биккенина.

Фото Дм. Бальтерманца.

К вкладке моделей платьев

На цветной вкладке даны платья из шерстяных тканей — модели экспериментальной мастерской Центрального универмага. Описание фасонов дается слева направо, сначала верхний ряд, затем нижний.

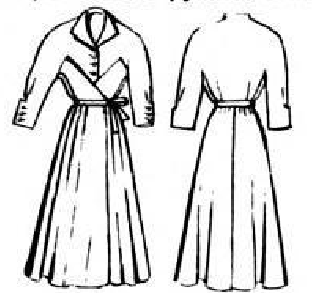
1. Платье отрезное по талии, рукава выкроены вместе с серединой лифа и спинкой. Бока лифа отрезные, втачные, рельефно отстроченные по линиям швов. Прямая юбка с вытачками-

защипами, кушак и пуговицы отделаны бахромой из ткани другого цвета.

Автор модели — Д. Писарева.

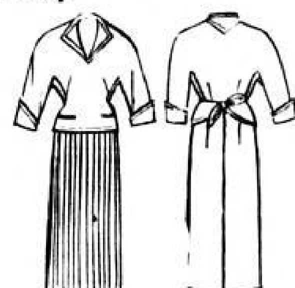
2. Платье отрезное по талии. Воротник и рукава цельнокроенные с кокеткой и спинкой. Бока лифа втачные, вшитые в рукава. Силь-

но расклешенная трехшовная юбка спереди застрочена мягкими складками.

Автор модели — Л. Ефремова.

3. Лиф платья, удлиненный спереди в виде джемпера, цельнокроенный с рукавами и отворотами, переходящими сзади в воротник-стойку.

Втачные бока лифа выкроены вместе с широким поясом, завязывающимся сзади. Перед юбки заплиссирован.

Автор модели — Л. Ефремова.

4. Платье отрезное по талии. Передние части лифа настрочены на втачные бока и выкроены вместе с се-

рединой спинки и рукавами. Расклешенная пятиклинная юбка спереди падает мягкими складками. Пояс и пуговицы окантованы тканью темного цвета.

Автор модели — Д. Писарева.

5. Спинка отрезного по талии лифа этого платья цельнокроенная с рукавами. Рукава спереди вшиваются по линии фигурно выкроен-

ной проймы. Интересна обработка ворота, не подшитого, как обычно, подкройной бейкой, а мягко заворачивающегося внутрь. На лифе и юбке накладные карманы. Юбка прямая, с вытачками-защипами от талии и застроченной складкой сбоку.

Автор модели — Д. Писарева.

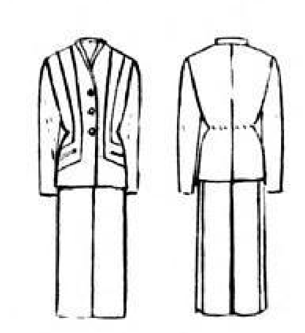
6. Перед платья от плечевых швов застрочен мелки-

ми складочками, расходящимися внизу юбки. Рукава с большими отворотами цельнокроенные с лифом. Бока и спинка платья отрезные по линии талии. В боковых швах юбки, передвинутых к переду, прорезаны карманы. Сзади в юбку втачаны два слегка расклешенных клина.

Автор модели — Д. Писарева.

7. Платье-костюм строгого покроя. Жакет, слегка прилегающий в талии, отделан шелковой тесьмой. Сзади по линии талии подшита кромка. Юбка прямая с тремя

швами сзади, заутюженными на ребро.

Автор модели — Д. Писарева.

8. Лиф платья цельнокроенный с рукавами, не сшит спереди. Лиф застегивается на планку, пришитую снизу к прямой юбке с закругленными полами. Спереди юбки подшит за плиссированный кусок ткани.

Автор модели — Д. Писарева

ПАТРОН В ВИНЧЕСТЕРЕ

Быль

П. АНТОНОВ

Рисунок О. Георгиева.

Эту историю мне рассказали охотники чукотского селения Нунлигран. И добавить к ней можно разве лишь то, что в отличие от некоторых охотников-любителей чукотские промысловики в своих рассказах обычно стараются скорее преуменьшить охотничьи подвиги, чем добавить к ним что-нибудь из области вымысла.

Тринадцатилетний Тыненрультет наконец упросил своего отца дать ему винчестер. Мальчику хотелось поохотиться на зайцев.

Напевая, подросток отправился по «охотничьей дорожке». Когда идешь по ней от Нунлиграна, вскоре выйдешь к озеру. Направо — гора. С этой горы полукилометровый спуск такой крутизны, что если снег твердый, то не удержишься и скатишься вниз, к самому озеру. А если снег мягкий, то он затормозит падение.

В тот день снег был мягкий. И вот каким образом это спасло жизнь Тыненрультету.

Он взобрался наверх и постоял немного, потом пошел вдоль обрыва, разглядывая заячьи следы — те, что казались посвежее. Хороший охотник не тратит на одного зайца по два патрона. Пальцы Тыненрультета нащупали кожаный мешочек на поясе под камлейкой [1]. Вынув один патрон, подросток вставил его в винчестер. Он вставил только один патрон, хотя мог бы заложить всю обойму.

А через пять минут он увидел два белых пятна, быстро передвигавшихся в стороне.

Сын охотника сразу сообразил, что это за пятна. Умки! Белые медведи! И, повидимому, они были очень голодны, потому что стремглав кидались от одной черной точки на снегу к другой. Ведь черное пятно — это, быть может, еда!

Чукотскому охотнику неприлично бояться своей добычи — это Тыненрультет знал твердо. Он выпрямился, подбросил свой малахай вверх и закричал срывающимся голосом: надо было, чтобы медведи обратили на него внимание.

И медведи со всех ног бросились к нему. Скоро их стало хорошо видно. Тот, что впереди, маленький...

Медвежонок! А мать отстает. Оба очень тощие. Проголодались.

Ему бы не следовало разглядывать их так подробно. Вместо этого надо было вложить в винчестер новые патроны. Но он забыл, что в винчестере один патрон, и помнил только, что ружье расположилось в его руках удобно. Ствол уже поднимался кверху.

Ну, теперь близко. Можно стрелять. Прицел хороший... Выстрел! Медвежонок будто бы запнулся, потом завертелся на месте, обхватив голову лапами. Медведица продолжала бежать. Охотник прицелился еще, нажал на спуск. Винчестер негромко клацнул. Еще! Еще! Боек бил по пустому месту.

Только теперь Тыненрультет вспомнил, что в винчестере один патрон. А медведица была уже близко, и, казалось, можно различить красные ее глаза и маленькие уши, прижатые к огромной голове.

Мальчик открыл рот, но глотнуть побольше воздуха не успел. Он прыгнул и что есть силы бросился с горы вниз, стараясь в то же время отыскать мешочек под камлейкой. Над ним поднялось облако снежной пыли, и вскоре его ноги зарылись в пушистую груду.

Для белого медведя спуск не препятствие. Подогнув под себя передние лапы, медведь, как на полозьях, быстро заскользил к охотнику, догнал и хотел схватить его зубами. Но в момент, когда они столкнулись, мальчик изо всей силы ударил прикладом в медвежью морду. Случилось то, что и должно было случиться. От толчка движение медведя затормозилось, а охотник опять поехал вниз, пока не зарылся в снег снова, шаря руками под камлейкой в отчаянных поисках патронов.

Медведь опять скользил к нему на подогнутых передних лапах. Они столкнулись снова. Еще удар в зубы — и еще раз охотник съехал вниз. Медведица ревела. Так повторилось несколько раз. Когда Тыненрультет отлетел особенно далеко, он выхватил нож, разрезал камлейку и отбросил нож в сторону. В ту же секунду на него сверху опять налетел медведь и опять получил удар в зубы. На этот раз Тыненрультет, скользя вниз, сумел наконец через прорез в камлейке достать патрон и быстро вложить его в винчестер. Когда разъяренный медведь в снежной пыли налетел на него, охотник воткнул ствол винчестера в густую шерсть на груди умки и выстрелил.

Медведь навалился на человека, пошаркал лапами по его камлейке и затих. Пуля попала удачно.

Тыненрультет выбрался из-под туши зверя и присел в сторонке, чтобы унять дрожь в ногах. Так он сидел долго. Потом подошел к убитому медведю и посмотрел ему в морду. Глаза умки остекленели, а во рту прикладом были выбиты два зуба. Оглянувшись назад, Тыненрультет увидел, что стоит на самом краю озера. Дальше съезжать было бы некуда.

Ноги стали слабыми, и охотник в изодранной камлейке с трудом снова поднялся в гору. Медвежонок с раздробленной челюстью все еще ревел и вертелся на месте. Затих он после двух неточных выстрелов.

Придя домой, Тыненрультет сказал отцу и брату:

— Надо идти к озеру, разделывать туши. Мною убито два белых медведя.

И заплакал только после того, как взрослые ушли разделывать добычу: мать ведь не осудит, если даже плачет охотник, особенно когда охотнику только тринадцать лет.

[1] Охотничья камлейка — белый матерчатый балахон, надеваемый поверх меховой одежды.

КРАСНАЯ

ШКАТУЛКА

Рассказ

Семен АРЕФЬЕВ

Рисунки В. Высоцкого.

На верхней полке бамбуковой этажерки стояла большая шкатулка красного дерева.

Подполковник Петр Васильевич Колесников любил рассказывать своим друзьям ее необыкновенную историю.

Начинал он с того, что предлагал гостю взять шкатулку в руки. Эффект был неожиданным. Лицо гостя краснело от натуги: шкатулка оказывалась неимоверно тяжелой.

— Чем это она у вас набита? Дробью? — спрашивал иной гость.

— Нет,— говорил Петр Васильевич, смеясь,— она совершенно пуста. А еще интереснее то, что вот уже много лет я ищу и не могу найти человека, который открыл бы ее.

Это вызывало протестующие голоса.

— Ну, может быть, это потому,— соглашался Колесников,— что я и не очень-то ищу. А тяжела шкатулка потому, что это, в сущности, сейф с очень толстыми внутренними стенками, сделанными из первоклассной обуховской брони.

Попала она в нашу семью давно, в 1920 году, когда Первая Конная армия гнала белых на юг. Отец мой командовал эскадроном. Однажды пришлось им преследовать остатки разгромленной в бою дивизии белогвардейского генерала Пустоглазова. Автомобиль этого вояки наши бойцы подбили, а сам он спасся бегством на лошади. На заднем сиденье машины стояла вот эта самая шкатулка. Она была открыта, пуста, из замочной скважины торчал ключ.

Что в ней было — драгоценности ли, штабные ли бумаги,— неизвестно. Повидимому, генерал успел извлечь содержимое и унести с собой. А сейф бросил. Конники закрыли шкатулку и принесли ее командиру: не пригодится ли, дескать, в эскадронном хозяйстве для хранения казенных денег или документов...

Закрыть-то закрыли, а открыть не удалось. Ключ в замке не поворачивался. Уж как ни ухищрялись бойцы — а там были квалифицированные слесари Луганского завода,— сейф не открывал своих тайн.

Махнули на него рукой, бросили в обозное имущество и забыли о нем. Так он и провалялся в тачанке до конца гражданской войны. А когда эскадрон расформировывался, интендант не принял шкатулку на склад в числе прочего имущества, так как она не значилась в табельных списках. Отец оставил ее у себя, и вот она хранится у нас в семье как сувенир гражданской войны. Бесполезная, но красивая вещь.

Гости соглашались, что шкатулка красива, и удивлялись тому, что ее до сих пор не сумели открыть.

— А не угодно ли попробовать? — не без иронии предлагал Колесников.

С этими словами он нажимал пальцем на боковую стенку и выдвигал узкую металлическую пластинку с углублением. Плотно прилегая к стенкам углубления, в нем лежал небольшой, потускневший от времени ключ. Обращал на себя внимание чрезвычайно сложный рисунок его бородки. Рисунку в точности соответствовала выемка на металлической пластинке.

— Видите,— продолжал Колесников,— мастер, сделавший сейф, был уверен, что, даже обладая ключом, никто не сможет открыть сейф, не зная секрета. Выемка тоже сделана не зря. Если ключ будет утерян, его легко восстановить: углубление на пластинке точно передает все извилины бородки.

— Ну, а секрет-то в чем? — с нетерпением спрашивали окружающие.

Петр Васильевич приподнимал ногтем указательного пальца деревянную крышечку рядом с замочной скважиной:

— А вот и секрет.

Перед удивленными гостями представал медный кружочек с множеством маленьких отверстий, расположенных по окружности. Сквозь отверстия были заметны буковки. Все вместе несколько походило на вертушку автоматического телефонного аппарата.

— Полюбуйтесь, — продолжал подполковник. — Вся старая русская азбука с ятем, ижицей и фитой, даже знаки препинания не забыты.

Он вставлял ключ в одно из отверстий и вел диск справа налево. Дойдя до шпенька, диск щелкал и быстро возвращался в исходное положение.

— Вот вам секрет. Мастера, которым я показывал шкатулку, объяснили мне, что открыть ее можно, только зная условное слово, а может быть, и целую фразу, которые нужно набрать из этих букв.

— А вы не искали этого слова?

— Искал. Как удержаться! И жена искала. И сын. Это у нас было нечто вроде семейного развлечения, вроде кроссворда.

— Хитро, хитро... Кто же изготовил это чудо?

Колесников с трудом приподнимал шкатулку и показывал медную табличку с надписью: «Санкт-Петербург. Мастерская сейфов купца 1-й гильдии Сабашникова. 1895 год».

— А вы не пытались разыскать мастеров этого Сабашникова? Может быть, кто-нибудь из них еще жив...

— Да нет, не пытался. И не найдешь их, верно, ведь больше полувека прошло.

Снова протестующие голоса. Близкие люди знали, как искусен был Петр Васильевич в распутывании сложнейших жизненных случаев.

История красной шкатулки имела неизменный успех.

Однако вскоре она получила совсем неожиданное продолжение.

* * *

Петра Васильевича вызвал начальник.

— Вам когда-нибудь приходилось разбирать жалобы радиослушателей на плохую работу телевизионного центра? — спросил он подполковника.

Колесников в некотором недоумении отрицательно покачал головой.

Начальник продолжал:

— Дело странное, можно сказать, из ряда вон выходящее. Некто Афанасьев Сергей Ильич, радиолюбитель, как он себя называет, прислал в телецентр письмо, в котором пишет, что позавчера, когда телецентр проводил техническую передачу для радиолюбителей, изображение чертежей оказалось расплывчатым, а слов диктора не было слышно. Но, что самое удивительное, передача проводилась неожиданно для радиослушателей, так как в программе она не значилась.

Начальник сделал паузу, значительно глядя на Петра Васильевича, и продолжал:

— Далее Афанасьев излагает свои предложения по улучшению качества технических передач. Вот его письмо. Я хочу знать ваше мнение обо всем этом.

Колесников вертел в руках почтовую открытку.

— Я не знал,— сказал он, пожав плечами,— что телевизионный центр проводит технические передачи для радиолюбителей.

— Ну, а если я вам скажу, что телецентр никаких технических передач не проводит?..— спросил начальник.

— Как так не проводит? Человек ясно пишет...

Начальник покачал головой:

— Человек пишет, что позавчера его телевизор принял передачу каких-то чертежей. Следовательно, поскольку телевизионный центр их не передавал, значит...

— Значит, их передал кто-то другой! — воскликнул подполковник.

Начальник усмехнулся:

— Теперь вам ясно задание?

— А каков характер чертежей? — спросил Колесников.

Новизна поручения начинала увлекать его.

— Афанасьев пишет, что передача была для радиолюбителей. Видимо, чертежи имеют какое-то отношение к технике радио. Впрочем, не будем гадать. Афанасьев приглашен в телевизионный центр. Вероятно, он уже там.

...Сергей Афанасьев оказался совсем еще молодым человеком. Он служил механиком на одном из крупных московских заводов и был страстным радиолюбителем. Он самостоятельно собрал телевизор, внеся в него некоторые конструктивные усовершенствования. По словам Афанасьева, его телевизор отличался более высокой чувствительностью, чем аппараты, имеющиеся в продаже.

Позавчера Афанасьев включил телевизор для того, чтобы испытать одну сконструированную им деталь. Неожиданно он увидел на экране изображение чертежа. Линии чертежа казались сильно размытыми. Попытка добиться четкости изображения ни к чему не привела.

Пока Афанасьев пытался отрегулировать приемник, на экране появилось изображение второго чертежа.

Всего в течение четырех минут Афанасьев проследил на экране изображения пяти чертежей. После этого передача прекратилась.

— Что представляли собой чертежи? — спросил Колесников.

— Первым чертежом была, по-моему, принципиальная схема телевизора,— ответил Афанасьев.— Два других изображали его отдельные блоки, а остальные чертежи представляли собой, по-моему, разные детали схемы. Но как можно так безобразно передавать!..

— Простите,— перебил его Колесников,— вам приходилось видеть раньше подобные чертежи?

— В том-то и дело, что нет! — воскликнул юноша.— Это были чертежи какого-то нового и, сколько я мог понять, очень совершенного телеприемника. Потому-то я и написал в телецентр...

— Вы смогли бы описать эти чертежи?

— Только в самых общих чертах,— ответил Афанасьев.— Я же говорил, что они были неясно видны. Правда, несколько новшеств мне бросилось в глаза. Например...

Петр Васильевич прервал радиолюбителя:

— Я не специалист и вряд ли пойму то, что вы мне собираетесь рассказать. Мы сейчас пригласим инженера телевизионного центра, постарайтесь объяснить ему.

Инженер внимательно выслушал Афанасьева и недоуменно развел руками. Он ничего не слышал о существовании телевизоров с такими конструктивными особенностями.

Афанасьев сердито махнул рукой и спросил, нужен ли он еще. Его поблагодарили, и он ушел, сказав на прощание, что «телецентр напутал и сейчас увиливает». Колесников не разуверял его.

— Кто же нам поможет? — спросил подполковник у инженера, когда они остались вдвоем.

Инженер только пожал плечами.

— Я иначе поставлю вопрос,— продолжал Петр Васильевич.— Какая научно-техническая организация в Москве занимается конструированием новых телевизоров?

Инженер сообщил Колесникову название этого научного учреждения, но добавил:

— То, что видел Афанасьев, вряд ли могло выйти из стен этого учреждения.

— Почему?

— Потому что, если я правильно понял радиолюбителя, чертежи, виденные им на экране, должны иметь какое-то специальное назначение и отнюдь не предназначены для наших передач. Афанасьев этого не понял.

— Вы твердо в этом уверены?

— Абсолютно твердо.

— Ну, а вы сами можете объяснить, в чем особенности чертежей, описанных Афанасьевым?

Инженер признался, что он затрудняется сказать что-либо определенное.

— Вот что, товарищ подполковник,— сказал он после некоторого раздумья,— мы можем вам помочь иначе. Мы разошлем всем проживающим недалеко от Афанасьева владельцам телевизоров анкету с просьбой сообщить, не появлялись ли на их экранах какие-либо изображения в день и час, указанные Афанасьевым. Дескать, мы проводили некие технические испытания, и нас, естественно, интересуют результаты...

Через некоторое время анкеты вернулись. Как и следовало ожидать, никто не включал телевизоров в неурочное время. Только в одной из анкет сообщалось, что на экране появлялись какие-то туманные линии, напоминающие собой чертежи. Изображение было очень плохое, и разобрать, что именно представляли собой чертежи, было невозможно. Время совпадало с тем, которое указывал Афанасьев.

Автор этой анкеты также оказался радиолюбителем, внесшим некоторые изменения в схему стандартного телевизора, и проживал он неподалеку от Афанасьева. Это подтвердило предположение инженера телецентра, что таинственный телепередатчик должен находиться в том же районе.

Очень скоро Колесников установил, что неподалеку от Афанасьева находилось научно-исследовательское учреждение, занимавшееся конструированием новых телевизоров.

Колесников представился директору учреждения, профессору Николаю Владимировичу Горяеву. Это был высокий, аскетически худой человек с властным выражением лица и сдержанной речью. Он был известен как крупный специалист в области телевидения.

— Есть у нас опытный телевизионный передатчик,— сказал Горяев, внимательно выслушав подполковника.— Но должен вас разочаровать: он настолько маломощен, что даже не во всех помещениях нашего института его передачи могут быть приняты.

Профессор придвинул к себе папку с бумагами, словно считал вопрос исчерпанным.

Петр Васильевич погладил свои низко остриженные волосы и сказал:

— А все-таки, Николай Владимирович, нельзя ли выяснить, производились ли у вас в день и час, указанные Афанасьевым, какие-нибудь передачи?

Профессор чуть поморщился, однако взял трубку внутреннего телефона и позвонил в лабораторию.

Выслушав ответ, он покачал головой:

— Нет. В это время наша установка телепередач не вела.

Он посмотрел на подполковника на этот раз с явным нетерпением.

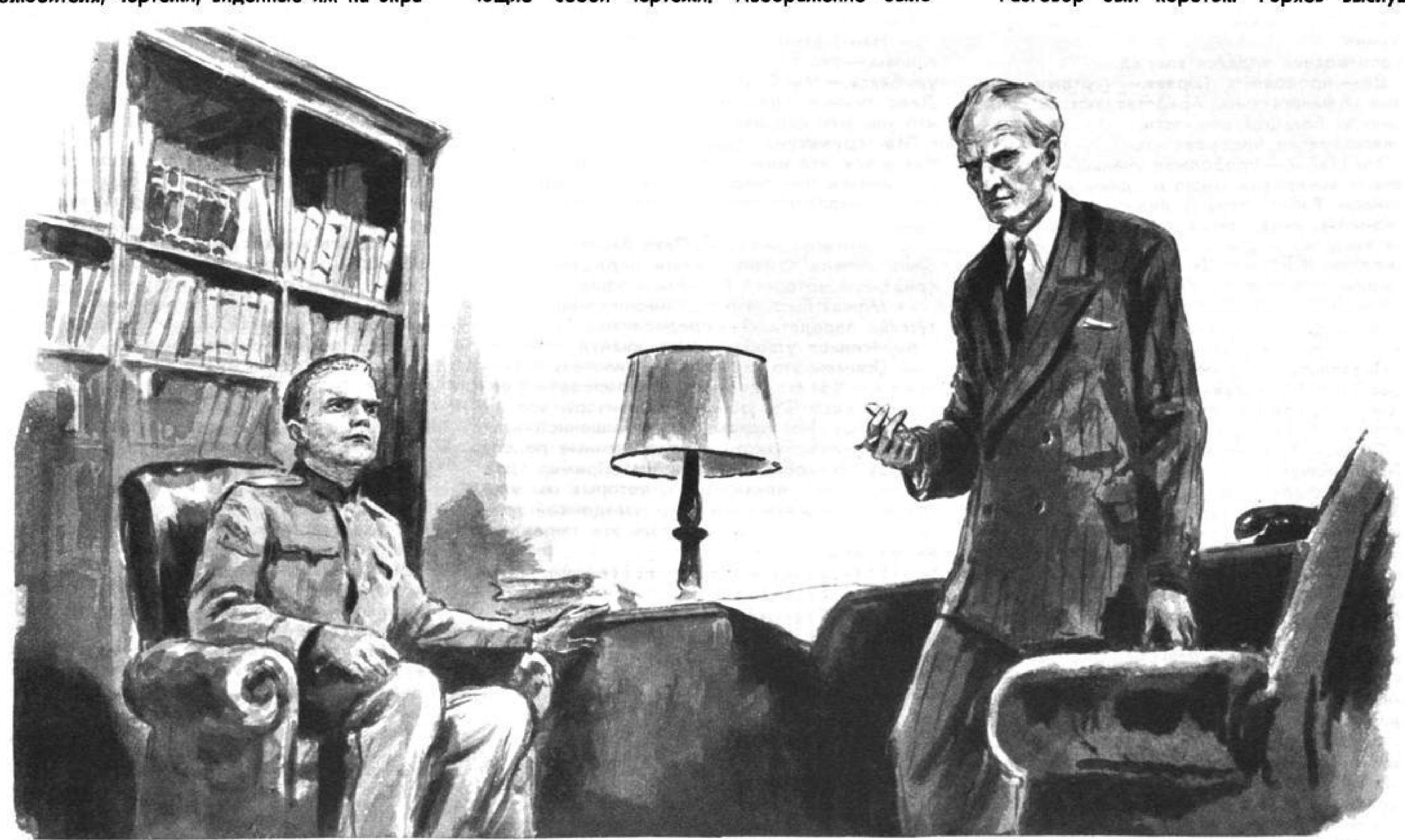
Нимало не смущаясь, Петр Васильевич сказал:

— У меня к вам просьба: я вызову сюда Афанасьева, вы его внимательно выслушаете. А потом скажете мне свое мнение о виденных им чертежах.

Профессор холодно согласился. Видно было, что он считает всю эту историю полнейшим вздором.

За Афанасьевым послали машину, и он прибыл через несколько минут.

Разговор был короток. Горяев выслушал

Младший брат

Константин ВАНШЕНКИН

На зорьке юности туманной
Как я ее боготворил!
Фонарик новенький карманный
Ее братишке подарил.

Но был подарок неудачен:
Он брата слишком восхищал
И нас в саду, за тихой дачей,
Порой нежданно освещал.

Стояла там, в саду, скамейка,
И всей душою был я рад,
Когда сгорела батарейка
И в темноте остался брат.

По всей смешной его фигуре
Глазами грустными скользя,
Сказал я, брови скорбно хмуря,
Что тут помочь уже нельзя.

И он поверил, чуть не плача,
И отошел, судьбу кляня.
Но эта легкая удача
Смутила несколько меня.

Держался он тогда, как надо,
И я, признаться, был бы рад,
Чтоб стал со мной запанибрата
Ее потешный младший брат.

Облокотившись на перила,
Мы б говорили про нее...
Но у него в то время было
Мировоззрение свое,

Свои мечты, друзья-мальчишки,
Азарт мальчишеской игры,
И дела не было братишке
До смутных чувств его сестры.

А чувства вправду были смутны:
Под вечер, сидя у окна,
Наверно, их в тоске минутной
Себе придумала она.

И часто я в разлуке с нею
Тревожно думал до утра,
Что брат характером цельнее
И откровенней, чем сестра.

Грустнее было с каждым разом
Мне на свиданиях... И я
Ему отчасти был обязан
Тем, что прошла любовь моя.

И ныне я хотел бы снова
С ним встретиться, поговорить,
А на прощанье в знак былого
Фонарик новый подарить.

В горах Кузнецкого Алатау

Игнатий РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

* * *

Горы — круче не найдешь, пожалуй,
Речки — попытайся усмири.
Лиственницы, камень нежноалый,
Как полоска утренней зари.

Тихо, тихо, тихо, над горами,
По душе мне дивный этот край...
Кабарга точеными ногами
Радугу задела невзначай.

Захрустел валежником сохатый,
Зажурчал вполголоса родник,
Бурундук, смешной и полосатый,
Свистнул, как мальчишка-озорник.

Воздух чист. Цветы, как пламя, жгучи.
Освеженный снежною водой,
Я иду по самой кромке тучи,
Житель гор, строитель молодой.

Я шагаю утреннею ранью
Рядом с солнцем, вместе с холодком...
Где ты мне назначила свиданье,
Не припомню, в облаке каком?

Загляну я в облако любое,
Где маралы бегают, трубя,
Радугу не спутать бы с тобою;
Так она похожа на тебя...

* * *

Все было: белых скал свеченье,
Багульник, сизый от росы,—
Не видел я со дня рожденья
Такой диковинной красы!

Свергались с кручи камнепады,
И ветер шел, туман клубя,
И подымались гор громады...
И только не было тебя.

Одной тебя. А это значит,
Что мой сердечный разговор,
Что мой рассказ еще не начат
О красоте далеких гор.

Афанасьева с внешне безучастным видом, поблагодарил его и, пожав руку, проводил до дверей кабинета.

Вернувшись к столу, он не сразу заговорил, а сначала закурил папиросу и глубоко затянулся. Только по слегка дрожавшим рукам видно было, как он взволнован. Наконец он заговорил:

— Да, понимаете... Вы напали на след преступления.

Подполковник подался вперед.

— Да,— продолжал Горяев,— чертежи, виденные Афанасьевым, представляют из себя документы большой важности.

Колесников не прерывал его.

— Эти схемы,— продолжал ученый,— разработаны и вычерчены мною и одним моим сотрудником. Работа производилась в специальной комнате, куда, кроме нас, никто не имеет права входить. Чертежи составлены в одном экземпляре. К их изготовлению не были допущены даже чертежники. Хранятся они в сейфе, единственный ключ от которого всегда при мне.

Профессор вынул из внутреннего кармана пиджака большой никелированный ключ.

— Позвольте мне посмотреть ключ,— попросил Петр Васильевич.— Повидимому,— сказал он, с интересом всматриваясь в извилистые линии бородки,— замок очень сложен.

— Очень,— подтвердил Горяев,— для того, чтобы повернуть ключ в замке, я в течение пяти минут произвожу ряд манипуляций над механизмом замка. Секрет его известен одному мне. Когда чертежи находились вне сейфа, я не спускал с них глаз. По этим чертежам пока еще ничего не изготовлено. Это покуда только проект, это техника нашего будущего, правда, недалекого.

Горяев прервал свою быструю и нервную речь, чтобы затянуться папиросой.

— Вы не волнуйтесь,— успокоил его подполковник.—Постарайтесь вспомнить, кто еще мог бы воспроизвести чертежи.

— В том-то и дело, что никто! — вскричал Горяев.— Кроме меня и моего сотрудника, никто! И если их все же кто-то начертил и даже умудрился передать в эфир, то этим «кто-то» мог быть только я: второго уже нет в живых, он умер три месяца назад.

Колесников задумчиво выслушал профессора.

Тот в сильнейшем возбуждении ходил по комнате. Былую его сдержанность как ветром сдуло. Он засыпал Колесникова десятками вопросов.

Между тем Петр Васильевич сам покуда ничего не понимал в этой странной истории. Он постарался успокоить ученого.

— Нам с вами надо иметь сейчас спокойные головы,— сказал Колесников, дружелюбно улыбаясь.— Мы будем работать рука об руку. Дело темное, трудное. Но я не сомневаюсь, что мы этот орешек разгрызем.

Эти дружеские слова успокоили Горяева. Как и все, кто имел дело с Колесниковым, он подчинился спокойной энергии, исходившей от этого широкоплечего улыбающегося человека.

— Я полагаю,— сказал Петр Васильевич, что наша первая задача — найти передатчик, посредством которого послали в эфир чертежи.

— Может быть, это был именно наш, институтский передатчик? — предположил Горяев.

Колесников утвердительно кивнул головой.

— Примем это как рабочую гипотезу,— сказал он.— Как вы заметили, ваш передатчик настолько слаб, что обычно телевизоры его не принимают. Но приемники повышенной чувствительности, притом расположенные по соседству, способны это сделать. Пример: два любительских телевизора, о которых мы уже знаем. И вероятно, какой-то загадочный третий, которому и адресовалась эта передача. Вы согласны со мной?

— Безусловно! — горячо подтвердил профессор.

— Теперь нам надо уяснить себе цель передачи,— сказал Колесников.— Может быть, дело обстояло вот как. Преступник не имел возможности ни сфотографировать чертежи, ни унести их из института, хотя, бесспорно, он держал их в своих руках.

Горяев не удержался от тяжелого вздоха. Подполковник сделал вид, что не заметил этого, и продолжал:

— Что же делает преступник? Он берет чертежи, идет в помещение, где установлен телепередатчик,— и не знаю, как это делается практически,— но так или иначе передает изображение в эфир.

— Это невозможно! — категорически заявил профессор.

— Почему?

— Потому что мы должны тогда включить в число преступников целый ряд работников. Даже если допустить, что преступник смог открыть сейф (а я этого не допускаю), что он смог взять чертежи (а я этого тоже не допускаю), то он был бы разоблачен при первой же попытке передать их в эфир. В помещении, где находится телепередатчик, в тот вечер работало не менее десяти человек.

— Знаете, что,— предложил Петр Васильевич,— пойдемте на место происшествия. Наш разговор начинает принимать отвлеченный характер. Посмотрим, как все это выглядит в натуре.

— Но все же как он заполучил чертежи?! — воскликнул по дороге профессор Горяев.

— Оставим пока этот вопрос в стороне,— сказал Колесников,— и будем развивать дальше нашу гипотезу. Передача состоялась — это факт. Не подлежит сомнению, что преступник знал, что передача будет принята его сообщником.

Петр Васильевич вопросительно посмотрел на Горяева, как бы спрашивая его мнение.

Профессор, заинтересованно слушавший, кивнул головой:

— Продолжайте.

— Злоумышленник не предвидел,— продолжал подполковник,— что передача будет принята еще кем-то. Стало быть, мы вправе сделать вывод, что неподалеку от вашего института должен быть телевизор большей чувствительности, находящийся в руках сообщников преступника.

— Все, что вы говорите,— ответил Горяев,— весьма логично. Но в ваших рассуждениях есть один существенный пробел. Вы старательно обходите вопрос о том, как преступник заполучил в свои руки чертежи. Ведь в день передачи я находился в командировке вне Москвы. И ключ от сейфа был, как всегда, со мной. А без меня — повторяю вам это еще раз,— без меня сейф открыть невозможно.

(Окончание следует.)

СТУПЕНИ ПОБЕДЫ

Я. КУЦЕНКО,
заслуженный мастер спорта

До начала соревнований осталось менее двух часов. В комнатах огромного стокгольмского зала Эриксдальхалле, где готовились к соревнованию советские тяжелоатлеты — участники первенства мира,— толпились любознательные зрители, любители автографов, вездесущие репортеры.

Особенно настойчивым был один из репортеров, уже успевший заполнить свой блокнот множеством записей. Но этого, видимо, ему было мало, и он решительно постучал в двери одной из комнат, где находился известный атлет Николай Саксонов, ожидавший контрольного взвешивания перед началом мирового чемпионата.

Что делает перед выходом на помост призер олимпийских игр? Наверное, нервничает, волнуется, мечется по комнате, может быть, занимается какими-либо особенными упражнениями?..

Бритоголовый, коренастый человек поднялся из-за стола навстречу вошедшему. Саксонов держал в руках какую-то книгу. Репортер бросил быстрый взгляд на обложку и остолбенел от изумления. Это был... учебник немецкого языка.

— О, вы изучаете немецкий? — спросил журналист. — И сейчас, перед началом соревнований?!

— А почему это вас удивляет?— в свою очередь, спросил Саксонов. — Я студент, и у меня скоро экзамены...

Этот незначительный на первый взгляд эпизод раскрывает отличительные черты характера советского спортсмена: несокрушимую волю, невозмутимость, спокойствие. Эти черты заметил еще тринадцать лет назад тонкий знаток тяжелой атлетики «дядя Ваня» — Иван Владимирович Лебедев, когда в Свердловском тяжелоатлетическом клубе он обратил внимание на семнадцатилетнего ученика Морского техникума, гимнаста, футболиста, хоккеиста — комсомольца Колю Саксонова. Юноша зашел в клуб, чтобы испытать свои силы, и пристрастился к тяжелой атлетике на всю жизнь.

Неподатлива была в этот первый день штанга, но снова и снова брался за нее молодой спортсмен, до тех пор, пока не легла на его плечо рука Ивана Владимировича.

— На первый раз хватит, молодой человек. Силенка у вас есть, да и упорства много. Ну а все остальное со временем приложится... Короче говоря, приходите заниматься!

Один из зачинателей русского тяжелоатлетического спорта, Иван Владимирович Лебедев, не ошибся в новичке, ставшем одним из любимейших его учеников. И мы гораздо раньше узнали бы штангиста Саксонова, если бы не пришлось ему надеть защитную гимнастерку пехотинца. В годы Великой Отечественной войны Саксонов прошел трудный путь от Сталинграда до Берлина.

Большой жизненный опыт приобрел он в походах и боях, не раз приходилось ему, разведчику, подползать к вражескому переднему краю, брать «языка», участвовать в скоротечных рукопашных схватках...

Когда Николай Саксонов подходит к штанге и берется за гриф, зрители, сидящие вблизи, обращают внимание на глубокие шрамы на руках атлета. Это следы пулеметной очереди — самое тяжелое из четырех ранений, полученных Саксоновым в боях с гитлеровцами. На эти шрамы сразу же обратил внимание и тренер, когда вскоре после окончания войны к нему явился солдат с шестью орденами и медалями на груди.

— А это не помешает? — участливо спросил тренер.

— Не думаю,— ответил Саксонов и, быстро наклонившись к штанге, великолепным рывком поднял ее на вытянутые руки.

Только сам атлет знал, какого напряжения воли потребовали от него спортивные занятия. У себя в комнате укреплял он пораненные руки, приучал их к тем точным и экономным движениям, которыми некогда восхищались его друзья. И бывали моменты, когда Саксонову казалось, что все напрасно, что никогда не испытать ему радости победы. Тогда Николай оставлял упражнения, включал радио и долго, задумчиво сидел у

«Н. Саксонов — это Н. Саксонов!»

Вдова унтер-офицера гитлеровской армии госпожа Гертруда Дюрихен из Гамбурга, увидев фотографию нового чемпиона мира по тяжелой атлетике Николая Саксонова, воскликнула: «Боже мой! Это не Саксонов, это мой муж!»

«Открытие» госпожи Дюрихен, порожденное ее болезненным воображением, было мгновенно обнародовано западногерманским журналом «Quick», выходящим на американские деньги.

Сей реакционный журнал, известный своей непомерной страстью к дешевым сенсациям и фотофальшивкам, напечатал портрет унтер-офицерской вдовы и рядом снимок ее мужа Вальтера Дюрихена.

Сопоставив портрет немецкого летчика, погибшего в 1942 году в России, с портретом советского спортсмена Николая Саксонова, сфотографированного в 1953 году после победы на первенстве мира в Швеции, журнал провозгласил, что «абсолютное сходство» этих двух людей не вызывает никакого сомнения.

Напечатав беседу с госпожой Дюрихен под сенсационным заголовком «Мой муж живет в качестве чемпиона мира в СССР», «Quick» сообщает, что Гертруда Дюрихен с нетерпением ждет первенства мира по тяжелой атлетике, которое состоится в Вене, чтобы там встретиться со своим воскресшим супругом.

Мы решили ускорить это «свидание». Наш корреспондент побывал в Свердловске у Николая Саксонова и познакомил его с немецким журналом. Велико было изумление советского спортсмена!

Н. Саксонов сказал:

— Оказывается, я вовсе не Николай Саксонов, а Вальтер Дюрихен. Выходит, что я не живу полтора десятка лет в Свердловске. Оказывается, я не сражался в рядах Советской Армии в годы Великой Отечественной войны. И, наконец, не я, а Дюрихен завоевал первенство мира по штанге. Что можно ответить на все эти утверждения? Только одно: глупая, нелепая стряпня. Н. Саксонов — это Н. Саксонов! С этим, видимо, придется примириться введенной в заблуждение госпоже Гертруде Дюрихен и писакам из «Quick», которые с поразительным постоянством вводят в заблуждение своих читателей.

Фальшивка из журнала «Quick».

Николай Саксонов и его жена Татьяна Павловна с удивлением рассматривают фальшивку «Quick».

Саксонов на трибуне почета (в центре), слева — Р. Чимишкян, справа — шведский штангист Э. Эриксcон.
Фото автора.

приемника, слушая музыку (он любит ее не меньше, чем спорт).

...Медленно улучшались результаты. Порой даже слишком медленно. Но Саксонов не торопился. Он с улыбкой повторял стихи Маяковского: «В грамм добыча, в год труды...»

Первый год трудов принес первый успех. Саксонов поднял в сумме классического троеборья двести килограммов. Это был весьма скромный результат. Но Саксонов ликовал и еще с большей энергией продолжал тренировки. Он внимательно изучал кинограммы таких известных мастеров штанги, как Николай Шатов, Владимир Пушкарев, Юрий Дуганов, Евгений Лопатин, но особенно интересовался Георгием Поповым, маленьким, коренастым киевлянином, который еще до войны на много лет вперед задал трудную задачу полулегковесам всего мира.

Никто не мог превысить рекорды заслуженного мастера спорта Попова, не зарегистрированные в качестве мировых лишь потому, что были установлены до вступления атлетов Советского Союза в международную тяжелоатлетическую федерацию.

108 килограммов 250 граммов в рывке двумя руками, 136 килограммов в толчке двумя и 332,5 — в сумме троеборья! Попробуй доберись до них!

Многие считали результаты Попова недостижимыми, но Саксонов думал иначе. В 1948 году он поднял в сумме трех движений 297,5 килограмма, а в следующем году впервые завоевал первенство страны с результатом 312,5 килограмма в сумме трех движений.

Все ближе подходил Саксонов к рекордному рубежу. 320 килограммов — таков был следующий результат упорного уральца. Но областью спорта не ограничились его успехи. Николай Саксонов по совету своего друга, одного из лучших штангистов — Аркадия Воробьева,— поступил в медицинский институт.

Между студенческими аудиториями и спортивным залом делил свое время Николай Саксонов и вскоре, выступая на матче сильнейших, набрал 327,5 килограмма. Следующий успех ждал Саксонова в Финляндии. Там ему удалось поднять в рывке 106 килограммов. Мировой рекорд египтянина Фаяда побит! На Берлинском фестивале 1951 года Николай Саксонов вытолкнул 136,5 килограмма, превысив рекорд Попова. В том же году в Вене на встрече тяжелоатлетов СССР и Австрии Саксонов довел рекордный результат в толчке двумя руками до 137,5 килограмма, а немного спустя увеличил его до 138 килограммов.

И вот наступил наконец тот долгожданный день, когда Николаю Саксонову удалось побить рекорд Попова в сумме трех движений. Его результат — 335 килограммов. Большая победа! Но к этому времени рядом с Саксоновым уверенно стал на помосте молодой тбилисец Рафаэл Чимишкян, оспаривая право считаться сильнейшим полулегковесом мира.

На XV олимпийских играх в Хельсинки Н. Саксонов проиграл Р. Чимишкяну, заняв второе место. Значит, надо быть строже к себе, к своим тренировкам, к режиму. И когда Саксонов сказал Чимишкяну, поздравляя его с победой: «За мной долг, Рафаэл»,— он думал не столько о реванше, сколько о том, чтобы поднять на новую победную ступень славу советского тяжелоатлетического спорта...

Новая встреча Саксонова и Чимишкяна состоялась в Стокгольме.

Вот и переполненный зал встречает аплодисментами появление двух сильнейших полулегковесов.

Поединок советских спортсменов — Н. Саксонова и Р. Чимишкяна — стал одним из интереснейших эпизодов мирового первенства. Только они оспаривали золотую медаль, и их великолепное единоборство на этот раз закончилось победой Николая Саксонова...

Стоя на пьедестале почета, советский спортсмен всем сердцем слушал Гимн великой Родины, открывшей ему, простому русскому парню, как и тысячам его друзей и сверстников, все пути к победе и славе.

Три мировых рекорда за два дня

Три года назад в морозный день на московский каток общества «Медик» к тренеру М. Соколову пришла высокая, с длинными косами, застенчивая девушка. Ей очень хотелось научиться бегать на коньках. Тренер принял ее в школу, и вскоре юная спортсменка добилась поразительных успехов. За короткий срок она шагнула далеко вперед, так далеко, что спустя два года стала чемпионом мира по скоростному бегу на коньках.

Теперь имя Халиды Щеголеевой знакомо каждому любителю спорта.

Начало нынешнего зимнего сезона сложилось для Щеголеевой не очень удачно. В первом состязании — матче команд добровольных обществ — она заняла только третье место. Это заставило Щеголееву еще усерднее взяться за тренировку. Предстояло большое соревнование — розыгрыш приза Совета Министров Казахской ССР на знаменитом высокогорном катке близ Алма-Аты. Там собрались самые сильные мастера и наиболее способные молодые спортсменки.

Наступил день соревнований, и сразу же Щеголееву постигла неудача. Стартовавшая с ней в паре на 500 метров О. Акифьева упала, помешав Щеголеевой. Назначили перебежку. Халида бежала одна. Несмотря на это, она добилась неплохого результата — 48,2 секунды.

На трехкилометровой дистанции Щеголеева сумела добиться большого успеха. Уже по тому, как она начала бег (первые 200 метров — 22,7 секунды), можно было ожидать рекордного результата. Так оно и случилось: Щеголеева пробежала 3 тысячи метров за 5 минут 9,2 секунды, превысив на 4,6 секунды мировой рекорд Риммы Жуковой. На другой день Щеголеева выступала еще более удачно. Она побила мировой рекорд Л. Селиховой на тысячу метров, пробежав дистанцию за 1 минуту 36,3 секунды.

Пять тысяч метров Щеголеева также прошла быстрее всех — за 9 минут 14,4 секунды — и, набрав по сумме многоборья 203,323 очка, установила третий мировой рекорд.

Три мировых рекорда за два дня!

Теперь 20-летней москвичке Халиде Щеголеевой принадлежат четыре мировых рекорда из шести существующих. (В прошлом году она установила мировой рекорд на 1 500 метров.)

Е. ЕВГЕНЬЕВ

Халида Щеголеева на дистанции.
Фото Н. Волкова.

«Венгерские повести и рассказы»

Этот сборник — не антология. В него вошли произведения всего лишь восьми авторов. Но какое цельное, широкое представление о стране, ее народе, ее истории и, наконец, о ее литературе дает эта книга!

Всем нам знакомо и дорого имя Шандора Петефи. Читая его рассказы, нельзя не заметить, как родственна его поэзии и правдиво-суровая, поэтичная проза. Любовь и гнев, которыми дышат стихи Петефи, слышатся и в рассказах «Дед» и «Буланка и Гнедой».

Книга не случайно открывается рассказами Петефи

Иштван Тёмеркени.

Михай Вёрёшмарти.

Один из основателей реалистического направления в венгерской литературе, он как бы «задает тон» всему сборнику.

Михай Вёрёшмарти — поэт, один из создателей венгерского литературного языка. Его рассказ «Лунная ночь» написан в своеобразной сказочно-романтической манере, однако простая, обнаженная правда бытия преобладает в нем.

...Трое мальчишек брели по большой дороге, сами не зная куда. Каждый «был гол, как сокол, и потому им было всюду хорошо...» Они

Жигмонд Мориц.

«не ведали страха перед грядущим голодом, ощущая всегда только настоящий...»

Ироническая интонация, мягкая, осторожная шутка, призванная вызвать улыбку читателя даже тогда, когда, казалось бы, в рассказе нечему улыбаться,— это, повидимому, одно из характерных свойств венгерской прозы. У разных авторов встречаем мы эту тенденцию: хоть чем-то, хоть искоркой юмора озарить повествование, развеяв ощущение безысходности, а главное — подчеркнув каким-то изящным, едва приметным светлым мазком жизнестойкость, душевную щедрость, несгибаемость венгерского характера.

Вспомним хотя бы, как весело и заразительно хохочут мать и сын, разыскивая во всех ящиках, во всех карманах недостающий им для покупки куска мыла крайцар («Семь крайцаров» Жигмонда Морица).

Другой рассказ Морица, «Самая грязная рубаха свинопаса», глубоко трагичен. В нем говорится о батрачке, которая, работая в поле на помещика, закапывала своего полуторагодовалого ребенка по пояс в рыхлую землю, «чтоб он не уполз... не на кого его дома оставить!..»

Ребенок тяжело заболел, и по совету бабки его положили на самую грязную — «заговоренную» — рубаху свинопаса, расстеленную на земляном полу. Помещица прислала для умирающего мальчика чистую постель. Ребенка нехотя переложили. Так он и умер, «вытянувшись на белой подушке».

«Вы, барыня, виноваты. На вашей душе грех!» — с гневом и ненавистью бросает в лицо помещице несчастная мать.

Рассказы Жигмонда Морица «В шуршащей, шелестящей тафте», «Хоть однажды досыта наесться» и другие — едва ли не самые сильные в сборнике. Автор многочисленных романов, крупнейший художник-реалист, Мориц в полной мере проявил свой талант в этих лаконичных, глубоко правдивых и совершенных по форме произведениях.

Несколькими рассказами представлен в сборнике Иштван Тёмеркени. Герой рассказа «Ферко» — сын батрака. Худенькие руки маленького свинопаса творили чудеса. Даже граф, приехавший в карете, сказал, посмотрев миниатюры, вырезанные по дереву: «Удивительно... н-н-невероятно...» Сказал — и уехал. А вскоре юный художник замерз в степи, унеся с собой и несбывшиеся мечты, и надежды, и яркий талант.

Трогателен, хотя и несколько сентиментален рассказ Тёмеркени «Ласточки». Проникновенно и взволнованно говорится в нем о самой верной любви солдата, очутившегося на чужбине,— о любви к родине. Там, дома, не ждут его ни земля, ни хлеб, но все равно только милая Венгрия снится солдату, только о ней поет он песни — о ее солнце, воздухе, камышах, речках...

«Я не выдумал ничего,— говорит Ференц Мора о своем замечательном цикле очерков «Горемычные Яноши»,— я только зафиксировал две — три сценки из жизни того мира, откуда я сам родом... У нас говорят, что если бы человек не мог вздыхать, он бы задохнулся. Мой цикл очерков — именно такой вот ни на что не претендующий вздох».

Эти «ни на что не претендующие вздохи» обладают памфлетной остротой и силой. В коротких зарисовках, как под микроскопом, видна вся грязь, вся продажность буржуазного строя. У Мора гневный дар обличителя. Не случайно произведениями этого первоклассного сатирика и бытописателя гордится народ нынешней, свободной Венгрии.

Кальман Миксат.

В сборник вошли рассказы и повести таких крупных литераторов, как автор известного советским читателям романа «Странный брак» Кальман Миксат, который в своих произведениях выступал против аристократов и клерикалов, как Золтан Амбруш и Мор Йокаи.

Когда читаешь эту книгу, подчас совершенно забываешь о том, что перед тобой переводы,— так умело и мастерски они выполнены. Переводчики многое сделали для того, чтобы сохранить все своеобразие произведений выдающихся деятелей венгерской литературы.

В. ОСТРОГОРСКАЯ

Золтан Амбруш.

Венгерские повести и рассказы. Составитель — А. Гидаш. Переводчики: А. Краснова, И. Салимон, Г. Лейбутин, О. Громов, Ю. Шишмонин и О. Россиянов. Гослитиздат. М. 1953. 471 стр.

Гибрид великана и карлика

Плоды в разрезе (уменьшенные). Слева — Шива-Микан, в середине — гибрид помпельмуса «ОЮ» с Шива-Миканом, справа — помпельмус «ОЮ».

На Сочинской опытной станции субтропических культур растет оригинальное цитрусовое растение — помпельмус «ОЮ».

Его плоды-гиганты имеют оригинальную бугорчатую корку желто-золотистого цвета; они располагаются не одиночно, а по нескольку штук на веточках сравнительно небольших растений.

В чем же заключается их ценность, для каких целей они применяются?

Плоды-великаны очень декоративны, но лишены почти всякого хозяйственного значения, они состоят из очень толстой корки и небольшой по объему мякоти кисло-сладкого вкуса. Говорят, что из корки можно готовить цукаты.

Вот и все, что можно было сказать о плодах помпельмуса «ОЮ».

Есть на опытной станции другое цитрусовое растение — морозостойкий раннеспелый мандарин Шива-Микан с маленькими желто-золотистыми плодами-карликами. Если положить рядом плоды «ОЮ» и Шива-Микан, то получится некоторое подобие Земли и ее спутника Луны, как их изображают на картинках в астрономических журналах.

«А что если получить гибрид между растением с плодами-великанами и растением с плодами-карликами?» — подумали мы. Но предугадать определенно, что может получиться от такой гибридизации, трудно.

И все же мы провели ее.

Шли годы, а растения не цвели и не плодоносили. Наступила суровая зима 1950 года. Большинство гибридов в той или иной мере пострадало от мороза. Только сеянец № 3015 «героически» выдержал его.

Он рос на открытом месте, и в лоб принимал ледяной шквал.

Когда пригрело весеннее солнце, гибрид № 3015 стоял в зеленой одежде в окружении увядших и пожелтевших растений. На четырнадцатом году жизни растение дало плоды яркой золотисто-желтой окраски, которые рельефно выделялись на фоне глянцевитых зеленых листьев. По величине они равны плодам апельсина, но отличаются от них окраской и формой. Кожура тонкая и легко отделяется от мякоти. По вкусу напоминает хорошо вызревший грейпфрут с очень приятной, сочной кисло-сладкой мякотью.

Можно предполагать, что скоро наступит время, когда гибрид № 3015 можно будет рекомендовать как новый морозостойкий и раннеспелый сорт отечественного грейпфрута.

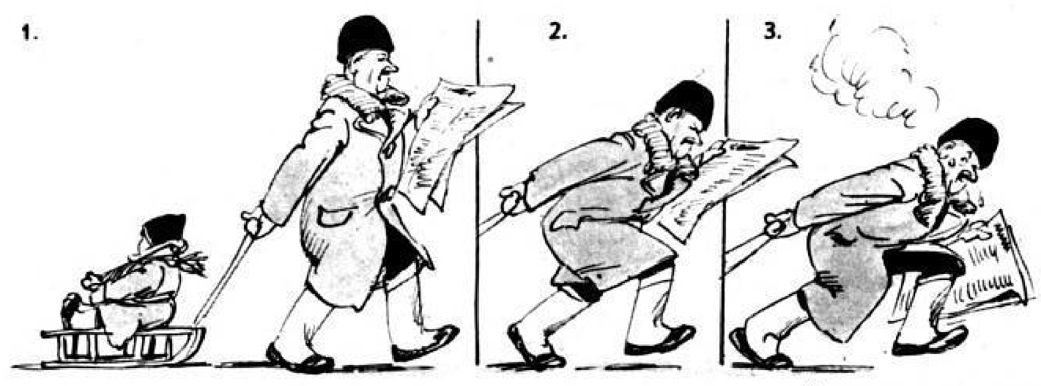
Ф. ЗОРИН,
кандидат сельскохозяйственных наук.

ИЗОБАСНЯ

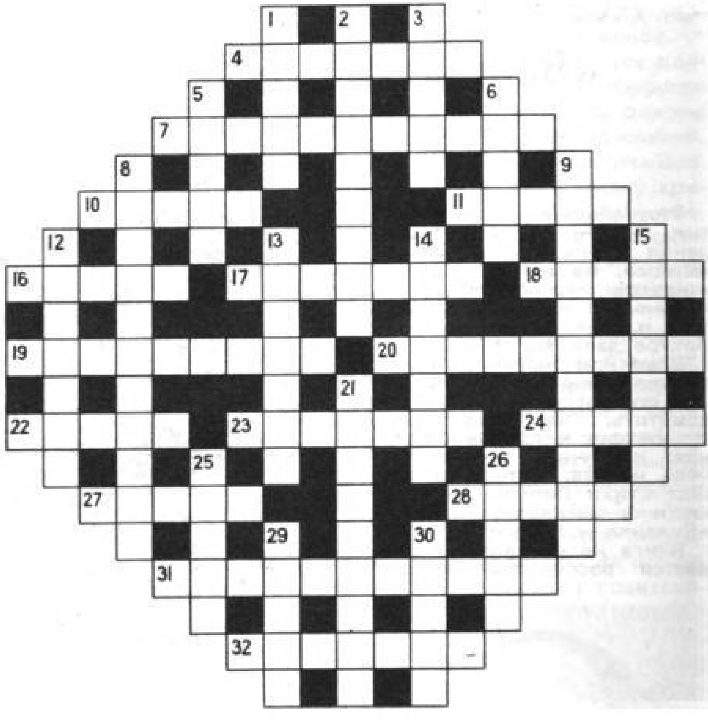
— Простите, уважаемая, кто тут будет Слон?
— А вы что, читать не умеете?

Рисунок В. Григорьева. («Перец»).

Окончание см. внизу.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Воинское звание. 7. Лечение болезней сыворотками. 10. Вид литературы. 11. Учреждение связи. 16. Химический элемент. 17. Разрывной снаряд. 18. Защитник. 19. Известковый нарост на потолке пещеры. 20. Машина для земляных работ. 22. Река, вытекающая из Онежского озера. 23. Хлопчатобумажная ткань. 24. Яркий метеор. 27. Роман М. Соколова. 28. Редкоземельный минерал. 31. Взаимная дружба. 32. Оливковое дерево.

По вертикали:

1. Строительный материал. 2. Эпоха Возрождения. 3. Холодное оружие. 5. Пористый камень для полировки, чистки. 6. Крупное жвачное животное. 8. Специальность военнослужащего. 9. Часть счетной науки. 12. Сторожевое охранение. 13. Тип изделия, товара. 14. Масленка для смазки частей машин. 15. Цветок. 21. Румынский писатель — сатирик и драматург. 25. Автор известной русской сказки в стихах. 26. Приток Дуная. 29. Морской орел. 30. Время года.

В МАСТЕРСКОЙ СКУЛЬПТОРА

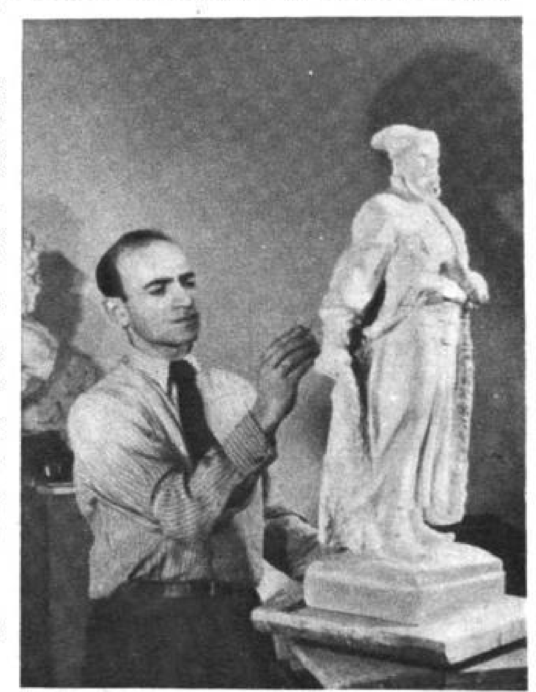
В небольшом ателье со стеклянным потолком стоит гипсовая статуэтка. Смелый поворот сильного тела, открытый, уверенный взгляд, в руке свиток, грудь в ратных доспехах, шуба, висящая на одном плече: с другого ее сорвал ветер широкой амурской долины...

Перед нами модель памятника великому русскому первооткрывателю Ерофею Павловичу Хабарову работы скульптора Я. П. Мильчина.

Около десяти лет трудится Ян Петрович Мильчин над памятником. До него никто не брался за эту тему: слишком скудны были сведения о жизни и деятельности Хабарова. В процессе работы родилась идея создать серию памятников первооткрывателям — Пояркову и Дежневу, Атласову и Ермаку.

Памятники великим русским землепроходцам решено воздвигнуть в городах, возникших на местах открытий. В Хабаровске, над широкой водной гладью красавца Амура, будет установлен памятник Ерофею Павловичу Хабарову. В 1649 году он пришел сюда с отважной дружиной и основал старинный русский город.

Л. ДАНИЛОВ

На снимке: Я. П. Мильчин работает над моделью памятника Хабарову.

Фото М. Волынца.

Из почты «Огонька»

Прошка

В студенческом общежитии Московского пушно-мехового института появился новый жилец — небольшой зверек, которого молодежь назвала Прошкой. Он деловито прогуливается по коридору, останавливается, когда его окликают по имени, охотно принимает угощения.

Прошку студенты нашли летом в лесу у реки еще маленьким и приручили. Этот зверек, любимец студенческого общежития, — выдра.

Студент четвертого курса Г. Сидельников часто ходит на охоту. За ним неизменно следует Прошка; зверька не смущают выстрелы, он проходит с охотником большие расстояния.

Ю. УРАЛОВ
Фото И. Шубина.

Студент Г. Сидельников на прогулке с Прошкой.

ИСПРАВЛЕНИЕ ОШИБКИ

В № 33 журнала «Огонек» за 1953 год был напечатан очерк А. Старкова «Инженеры». Пользуясь непроверенной информацией, автор неправильно охарактеризовал личную жизнь электросварщика А. Улесова.

В этом номере на вкладках: четыре страницы репродукций картин финских художников и четыре страницы цветных фотографий.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали:

5. Судак. 6. Аргон. 9. Красноречие. 11. Салат. 13. Ртуть. 15. Газолин. 16. Легенда. 18. Артерия. 20. Чудра. 22. Таволга. 23. «Рыболов». 26. Нерпа. 28. Держава. 30. Баянист. 31. Резинка. 32. Нюанс. 34. Окунь. 35. Александрит. 36. Гулиа. 37. Ампер.

По вертикали:

1. Пункт. 2. Кабарга. 3. Причина. 4. Гомер. 7. Ротонда. 8. Багет. 10. Стриж. 12. Азербайджан. 14. Треугольник. 17. Долохов. 19. Реборда. 20. Чугун. 21. Алыча. 24. Ординар. 25. Дебют. 27. Ясень. 29. Арбенин. 30. Бахрома. 33. Самум. 34. Отдел.

4. *(Окончание)*

Изошутка Ю. Узбякова.

Дед Мороз:— А! Вот где теперь я буду искать хорошие образцы для моих узоров...

Рисунок Ю. Черепанова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 00614. Подп. к печ. 26/I 1954 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 650 000. Изд. № 87. Заказ 14. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

В цехе сборки арф Ленинградской фабрики музыкальных инструментов имени Луначарского.

Фото М. Озерского.

Цена номера 3 руб.
114